

А. Д. Воскресенский

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ
НА ВОСТОКЕ**

А. Д. Воскресенский

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ НА ВОСТОКЕ

*Допущено Учебно-методическим Советом
по регионоведению УМО вузов России по образованию в области
международных отношений и регионоведения в качестве
учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям
и направлениям «Международные отношения» и «Регионоведение»*

Москва

2007

УДК 321.6/.8(5+6) (075.8)
ББК 66.3(5), 1я73-1+66.3(6), 1я73-1
В 76

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ

В. О. Печатнов;

доктор философских наук, профессор ГУ ВШЭ

В. Г. Ледеяев

Воскресенский А. Д.

В76 Политические системы и модели демократии на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Воскресенский. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 190 с.

ISBN 978-5-7567-0473-0

В книге прослежены пути эволюции политических систем и политических режимов стран Востока, связанные со спецификой их политической культуры, а также развернута пространственно-аналитическая концепция сравнительного анализа политических систем Востока. Показаны разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической системы стран Востока, проанализированы модели демократии и раскрыта сущность и содержание модели азиатской демократии.

Для широкого круга читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

УДК 321.6/.8(5+6) (075.8)
ББК 66.3(5), 1я73-1+66.3(6), 1я73-1

ISBN 978-5-7567-0473-0

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
2007

Судьба этой книги немного необычна. Исследование политических систем Востока началось как инициативный проект профессорско-преподавательского состава Кафедры востоковедения МГИМО-Университета. Задача определения специфики стран Востока через определение специфики политических культур, влияющей в свою очередь на специфику политических систем, оказалась сложной, так как у нас в стране, а как потом выяснилось, и нигде в мире, таким образом эту проблему никто не ставил и не решал. Однако непроторенность пути делало исследование чрезвычайно увлекательным, а решение этой проблемы, что все участники проекта поняли довольно быстро — важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, то есть пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Уникален ли в этом отношении Восток, который, как всякому известно, — дело тонкое? И что из опыта Востока может и должна использовать Россия?

Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили переход к постиндустриальному. Опыт стран Запада важен с точки зрения оценки конечного этапа пути, но конкретный путь его прохождения Западом другим странам повторить не удастся из-за отличий в экономической и политической структурах. Однако некоторые страны Востока, который в целом вступил на путь осовременивания позже, чем Запад, все же сумели его догнать, наметив цель, но достигая ее другим путем, более коротким и лучше соответствующим национальной специфике. Некоторые же страны только начинают движение в этом направлении или же никак не могут даже подступиться к нему. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической системы, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовремени-

вания. Те страны Востока, которые сумели найти свой путь, не равнозначный западному, т.е. не равнозначный вестернизации, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития. Именно им удалось догнать Запад и даже в некоторых случаях скорректировать путь мирового развития.

Опыт этих стран Востока чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии и оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции и третьем сроке для нынешнего президента), пока идет скорее путем интуитивного поиска, чем научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и, одновременно, плодотворно и рационально использующей наработки других стран.

Опыт стран Востока может помочь обойти много ловушек на этом пути. Некоторые из стран Востока (к примеру, КНДР), изменив конституцию, фактически осуществили «конституционный переворот», усилили военно-авторитарные методы правления и автаркию страны, но не смогли в силу этого решить экономические проблемы. Другие (к примеру, Сингапур, Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Китайская Народная Республика) использовали модель просвещенного авторитаризма для укрепления конституционного либерализма, осовременивания и экономического прорыва. Наиболее успешные из них не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий, т.е. обеспечили как материальное, так и духовное улучшение жизни своего населения.

Даже так называемый институт преемничества, неконституционный и традиционалистский по своей сути, странами Востока был использован по-разному: если в Северной Корее он укрепил личную авторитарную власть, то в Китае обеспечил «политическую паузу» при переходе власти после смерти Мао Цзэдуна к Хуа Гофэну (знаменитое приписываемое Мао Цзэдуну высказывание: «Когда дело в твоих руках, я спокоен») и в конечном счете расчистил путь для возвращения на политический олимп Дэн Сяопина, который «открыл» страну (*кайфан*), начал ее интенсивно модернизировать, но при этом сохранил монополию КПК в политической жизни. На Тайване переход политической власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго был осуществлен традиционно (фактически монархическим путем «от отца сыну»), но переда-

валась власть по-современному, в рамках конституции Китайской Республики 1947 г. Пост премьер-министра Цзян Цзинго получил в 1972 г. за два года до смерти Чан Кайши, в год смерти президента Цзян Цзинго был избран председателем правящей партии Гоминьдан, а пост президента страны получил только через два года после смерти Чан Кайши. Такой тип передачи власти обеспечил плавный отход от ультраправой модели, и впоследствии открыл путь к построению на острове полноценной демократии с национальной спецификой.

В этом смысле парадоксальной по содержанию и одновременно банальной по форме является мысль о том, что от того пути, который выберут Восток и Россия, зависит в конечном счете путь политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли этот мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному будущему, либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития авторитарного типа, и дает развернутый в книге анализ путей регионального развития и моделей азиатской демократии.

Работа по сбору конкретного материала по политическим системам стран Востока, а потом по концептуализации собранного материала заняла шесть лет. Проект увидел свет в виде книги «Политические системы и политические культуры Востока» (М.: Восток-Запад) в 2006 году. Выход этой книги вскрыл совершенно новое исследовательское поле, которое для академического и практического сообщества (преподавательского корпуса и политических аналитиков) России оказалось малоизвестным, поскольку до этого в России издавались в основном только справочники по политическим системам мира, большая часть из которых была к тому же подготовлена вне нашей страны. В этих справочниках проблематика постулировалась, но не анализировалась, либо анализ был оторван от реалий Востока. Первое издание «Политических систем и политических культур Востока» было распродано в считанные месяцы, хотя тираж книги для востоковедческих изданий был достаточно большим. Возникла потребность в расширенном, доработанном и более современном издании, которое появилось в 2007 г. Одновременно читатели стали требовательно спрашивать, а нельзя ли продвинуться дальше в концептуализации проблематики эволюции политических систем Востока?

Из размышлений на эти темы и родилась настоящая книга. Последующая концептуализация проблематики требовала уже не столько де-

тальной проработки эмпирического материала по конкретным странам Востока, сколько усиления авторского начала. Новая стадия осмысления эмпирического материала уже не могла происходить в коллективной форме. Именно поэтому страноведческий материал был сжат, переосмыслен и переписан для того, чтобы можно было продвинуться дальше в постановке концептуальных вопросов, отсылки же к использованным материалам сделаны в сносках к соответствующим параграфам. Это не избавляет, однако, автора от отдельной признательности всем, кто принимал участие в начальном проекте, а также всем, кто согласился с предложенной формой участия в его следующей стадии, а именно Л. Б. Алаеву, В. Я. Белокреницкому, Л. М. Гудошникову, В. И. Денисову, С. Б. Дружиловскому, А. Л. Емельянову, Л. М. Ефимовой, Ю. П. Лалетину, С. Г. Лузянину, С. И. Луневу, Э. В. Молодяковой, М. А. Сапроновой. При этом, конечно, ответственность за весь материал и все концептуальные выводы лежит только на авторе настоящей книги.

ПРИНЦИПЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны в конечном счете с адекватностью политической системы, конкретного политического режима и политических институтов для решения этой задачи. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока¹, имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации политических институтов самой России², т.е. анализируемый в настоящей работе материал имеет не только теоретический, но и вполне прикладной характер.

¹ См.: *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. М.: Восток — Запад, 2007.

² См., в частности: *Сурков В. Ю.* Национализация будущего // *Эксперт*. 2006. № 43. 20 нояб.; электронная версия: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/; интервью первого вице-премьера правительства России Д. А. Медведева главному редактору журнала «Эксперт» В. А. Фадееву (*Эксперт*. 2006. № 28); электронная версия: http://expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/print/; *Владиславлев. А.* Идеология новой России // *Стратегия России*. 2006. № 10 (34). Окт. С. 6–14; *Ципко А.* Русская идея или русский миф? // *Литературная газета*. 2007. № 8 (6108). С. 3.

Адекватная адаптация мирового востоковедного опыта и обогащение его отечественными исследовательскими работами непосредственным образом связаны с методологическими дебатами в востоковедении, которое сегодня на наших глазах превращается в отрасль мирового комплексного регионоведения — комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира (т.е. Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений¹. Влияние этой новой комплексной дисциплины как на общественно-политические науки в целом, так и на проблематику сравнительной политологии и международных отношений несомненно.

Однако, прежде чем перейти к проблеме осмысления эволюции политических систем Востока и конкретному анализу восточных политических систем во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции, которые структурируют логику анализа и дают возможность строить практические построения и делать выводы прикладного характера. В этой связи нам предстоит определить следующие вопросы:

- каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским;
- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; каковы могут быть методологически

¹ Подробную аргументацию см., в частности: *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; *он же*: Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // *Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; *он же*: Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // *Восток — Запад — Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144; *он же*: Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации // *Политические системы и политические культуры Востока* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 5–32; *Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: В 4 ч., 5 кн.* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002–2004.

корректные типы сравнений и, соответственно, какова абберация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта абберация может быть связана с проблематикой корректного компаративного анализа политических систем;

- есть ли и в чем смысл «пространственного» изложения материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатально», используя политологический термин) группировать «восточный» материал при его анализе и изложении;
- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политических систем, а соответственно, каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов;
- как конкретно сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа) в отличие от западных;
- каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ, какова степень практической применимости подобного понимания и как можно выделить модели незападной азиатской демократии на основе этого понимания.

Системный подход к обществу и политике

Для того чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо разделить его на систему (т.е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но не сводимое просто к набору составных элементов, образование) и среду (т.е. все то, что окружает данную систему). Таким образом, основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы), определяющая ее внутренние свойства (внутренние характеристики); целостность — внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз — соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информационность — методы воплощения информационной сущности сигналов и способов кодировки передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы). Еще одним важным свойством системы является ее безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны — внешнюю, определяющую воздействие объекта на среду,

и внутреннюю, характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность — это способность системы взаимодействовать со средой таким образом, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, обуславливающих допустимое состояние среды. Внутренняя безопасность — характеристика целостности системы — способность системы поддерживать свое нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Из этого следует, что задачей безопасности является определение угрозы распада системы с целью своевременного принятия мер по недопущению этого процесса¹. Такое понимание системы позволяет как выделять макрорегионы на основе общей структуры (как особые подсистемы глобальной системы отношений), так и определять вопрос об основной (гражданской и демократической) и резервной, чрезвычайной (в большинстве случаев, но не всегда военно-авторитарного типа) системах гарантирования стабильности общественной системы в зависимости от типа политического устройства.

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х годов XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики². Соответственно Парсонс и Истон стремились создать комплексную теорию социетального действия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с которой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи установили, что общественные (и политические как их составная часть) науки имеют свою специфику — прежде всего по своему характеру они исследуют политические отношения, т.е. часть социальных отношений, а значит, это в целом соци-

¹ См.: *Могилевский В. Д.* Методология систем: Вербальный подход. М.: Экономика, 1999; *Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001.

² См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997; *Истон Д.* Категории системного анализа политики // *Антология политической мысли.* М., 1997. Т. 2.

альные системы. Поэтому они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельных индивидуумов), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Уже Истон модифицировал модель Парсонса таким образом, чтобы показать, как политическая система (т.е. совокупность общественных отношений по поводу политической власти) при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие от среды импульсы. Это понимание вскоре было дополнено Г. Алмондом, который ввел понятие роли, от которой зависит содержание формальных и неформальных взаимодействий, вырабатывающих политическую культуру¹. Именно политическая культура (т.е. взгляды и позиции людей и их групп относительно политической системы²), по Алмонду, и является интегрирующим началом общества. Кроме того, и политический процесс можно определять в макро- и микрозначениях с точки зрения макроанализа как динамическую характеристику всей политической системы в целом, с точки зрения микроанализа как совокупность политических микропроцессов³.

¹ См.: *Almond G. Developmental Approach to Political Systems. World politics, V. XVII, Issue 2 (Jan. 1965).*

² См.: Логика теоретических подходов к политической культуре можно легко понять, сравнив западные базовые политологические учебники и литературу для продвинутого читателя. См., к примеру: *Roskin Michael G., Cord Robert L., Medeiros James A., Jones Walter S. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1988 (Ch. 7. Political Culture), and Chilcote Ronald H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder: Westview Press, 1994 (Ch. 6. Theories of Political Culture).* Последняя работа есть в переводе на русский. См. ниже.

³ Подробнее см., к примеру: *Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. С. 147–148.*

Системный подход оказал такое сильное влияние на политическую науку, что в ее современном виде категория политической системы стала вытеснять соотносящиеся с ней категории государства, государственного института, государственного управления и т.д. Системный подход и категория политической системы применимы к обществам разных типов, в том числе и традиционных, незападных, восточных и т.д., что делает их необычайно привлекательным методологическим инструментом для исследователей-политологов. Это мы и попытаемся проиллюстрировать на конкретных примерах в следующих разделах.

Принципы сравнительного анализа политических систем

Следующий вопрос, который возникает: как такое понимание политической системы совместить не просто со сравнительным методом, но и более конкретно, как системно сравнивать различные политические системы, расположенные в различных пространственных («спатальных») системах координат, такие несхожие в реальной жизни, особенно политические системы разных типов (западные и незападные), не подвергая себя опасности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

Любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки. Математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны.

На этом принципе, соответственно, основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, т.е. нахождение сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов — только одномасштабные);
- операция различия, т.е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций — сравнения и

различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т.е. основанного на математико-статистических методах) различения необходимо провести качественное отождествление;
- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения могут быть в трех плоскостях:

- 1) пространственными (выявление пространственных, «спатальных» различий);
- 2) временными («темпоральными»): сравнение с прошлым — ретроспективное сравнение, с будущим — прогнозирование, причем они могут быть двух типов — исторические (т.е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т.е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);
- 3) пространственно-временными («спатально-темпоральными»).

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т.е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям) и классификаций (т.е. абстрагирований и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹. Для точных наук основным является экспериментальный метод, для политических — системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

¹ Для продвинутого читателя рекомендуем посмотреть великолепный обзор проблематики сравнительной политологии «вглубь и вширь», представленный П. Мэром («Сравнительная политология: общие проблемы»), Р. Дж. Далтоном («Сравнительная политология: микроповеденческий аспект»), Л. Уайтхедом («Сравнительная политология: исследования по демократизации») и Д. И. Аптером («Сравнительная политология: вчера и сегодня») в кн.: Политическая наука: Новые направления. М.: Вече, 1999. С. 309–386.

Реальная политическая жизнь реальной страны бросает серьезный вызов сравнительной политологии: с одной стороны, под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой (или называются) сравнительную политологию; с другой — существует большое количество исследований конкретных стран, которые также называются сравнительными (особенно в мировом комплексном регионоведении).

Основная проблема сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, чтобы за общей генерализацией не исчез конкретный материал и конкретная специфика разных стран и чтобы частности и специфика «не поглотили» понимание существования общих закономерностей. Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии и заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев таким образом, чтобы можно было понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений¹. Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе превалирующим становится не только интерпретативный, но даже и интуитивный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией и сравнительной политической историей².

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно

¹ Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина *settings* в англоязычной сравнительной политологии.

² Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Wilson Frank L. *Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.

(либо ограниченное количество) предположение проверяется статистически с использованием всего богатства материалов наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны является абсолютно неважной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа абсолютно неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены и их важность может являться относительной. Однако в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов для того, чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кросс-страновому анализу. В подходах статистического типа страна предстает не «живой страной», а группой статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в современной сравнительной политологии существует большое количество приемов и методик, которые находятся между этими двумя обрисованными нами крайностями. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что, «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами»¹. Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук в частности. Точка зрения Ч. Рэгина на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т.е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно убедительной в силу высказанных выше аргументов².

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

¹ Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997. С. 32.

² Там же. С. 33.

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический либо описательный анализ данных групп стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов¹.

Питерс в книге «Сравнительная политология. Теория и методы»², посвященной основам сравнительного метода в политологии, подробно с примерами иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса. В данной работе внимание фактически акцентируется на четвертой группе сравнительно-политических исследований в классификации Питерса.

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросс-страновой анализ не является единственным типом сравнительных исследований, т.е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно, с этой точки зрения, иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другой.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кросс-временной (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической

¹ *Peters B. Guy. Comparative Politics. Theory and Methods. N. Y.: Palgrave, 1998. P. 10.*

² Там же.

системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда, также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т.е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. При этом нужно учесть, что существуют политологи, предполагающие, в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов, «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают это весьма успешно¹.

Анализ политического мира на Востоке и на Западе: общее и особенное

Обозначив изначальное отличие незападных обществ от западных, на основе которого можно выписать специфику незападного политического процесса, мы должны сначала определить системную специфику восточных обществ как части незападного мира². Сделав это и определив корректные методы сравнения политических систем обществ разных типов, можно проследить эволюцию политических систем Востока, наметить пути к выявлению региональной специфики и вычленить определенные модели базисной идеологии в отношении разных типов политических систем и политических процессов. Специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток), хотя само дихотомическое противопоставление такого типа имеет только аналитический и частично интуитивно-прикладной смысл.

Прежде всего найдем два подхода к определению специфики восточных обществ, которые позволят нам выявить специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентич-

¹ См.: Чилкот Р. Х.. Теории сравнительной политологии. М.: Инфра-М / Весь мир, 2001.

² Пути к этому были намечены Л. Паем. См.: Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

ны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно-частнособственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;
- соответственно вначале существовало демократическое самоуправление общины, впоследствии переросшее в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданское общество».

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы¹.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (Римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководители которых были тесно связаны с государственной системой либо просто являлись ее низшей частью — особыми чиновниками). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреп-

¹ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Ландес (*Landes D. The Wealth and Poverty of Nations. L.: Abacus, 1998*). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Ландес, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л. С. Васильевым (*История Востока. Т. 1, 2. М.: ВЛ РАН, 1998* и другие его работы).

лялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. На Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции, коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали.

Соответственно этим концептуальным положениям модернизация, т.е. приближение к современности, определялась как вестернизация — неизбежность движения всех государственных образований естественно-историческим путем в сторону западной модели развития¹.

Однако в последние десять лет в востоковедческой политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ². В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивидуума на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому, а права по отношению к государству отсутствовали;
- собственность на землю на Востоке была разделена на две части, собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т.е. собственность на налог), находящаяся у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, принадлежавшая землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

¹ Подробнее о модернизации западного и восточного типа см.: *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

² См.: История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 2. Восток в Средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 4. Кн. 1—2. Восток в Новое время / Отв. ред. Л. Б. Алаев, М. П. Козлова, Г. Г. Котовский, О. Е. Непомнин, И. М. Смилянская. М.: ВЛ РАН, 2004, 2005; Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные аргументы представлены Андре Гундер Франком (*Frank A. G. ReOrient. L. -Berkeley: U. of California Press, 1998*).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ *восточного типа* можно определить следующим образом.

1. В восточных обществах из-за перечисленных выше структурных причин существует стойкая многоукладность, сопровождающая весь процесс исторического развития.

2. В них всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

3. В них всегда будет наблюдаться сопротивление «культур-полувиллизаций» (в терминологии Ф. Броделя), т.е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

4. Восточные общества в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизующая, цементирующая и унифицирующая роль в обществе¹.

5. Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую специфику развития этих обществ².

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем

¹ Так, государственными являются религии в 32 странах Востока против 13 в других странах мира. Ислам является государственной религией в Афганистане, Алжире, Бахрейне, Бангладеш, Брунее, на Коморских о-вах, в Египте, Иране, Ираке, Иордании, Кувейте, Малайзии, на Мальдивских о-вах, Мавритании, Маврикии, Марокко, Омане, Пакистане, Катаре, Саудовской Аравии, Сомали, Судане, Тунисе, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене; иудаизм — в Израиле; буддизм — в Бутане, Камбодже, Шри-Ланке, Таиланде; индуизм — в Непале и «панчасила» (особый вид государственно-синкретической идеологии) — в Индонезии.

² Подробнее аргументы представлены в кн.: Ланда Р. Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке // Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. С. 15–28.

выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного (как части незападного) типов.

В обществах *западного типа* специфика следующая.

1. Основополагающим является принцип «технологического/технического» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга — «философская» основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем неконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата, т.е. в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства¹.

¹ Эти положения связаны с идеями реформации Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемость Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели — либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и патерналистская (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают взаимообязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборной, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти) и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и действует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности¹.

В восточном политическом мире все выше перечисленные принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются глав-

¹ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А. С. Панариным. См.: *Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции*. М.: Университет, 2000.

ными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы.

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности (к примеру, знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни»), т.е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писанные и неписанные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель автоматического или полуавтоматического характера, основанная на внутрисемейных отношениях: отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно на Западе город выступал как частногражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающимся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник—царь/первосвященник—пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализированной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность¹.

В рамках этих двух подходов можно выписать дуалистическое противопоставление Востока и Запада.

По устройству мироздания

Запад — антропоцентричен. В центре мироздания такого типа обществ стоит человек, который является властелином мира, подчиняющим природу и общество. Этот человек в политике использует технологии преобразовательно-модернизаторского типа. Восток — теоцентричен. В центре мироздания здесь — трансцендентная воля, которой подчиняется человек. Соответственно задачей человека является распознать эту волю и действовать в соответствии с ее принципами. Поэтому в политике желательно использовать «мягкие» технологии, не нарушающие гармонию общества и природы, а также нравственные законы в самом обществе.

По ценностным ориентациям личности и общества

Запад ориентирован на материальные ценности, соответственно и общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается как «потребительский рай». На Востоке приоритетны прежде всего духовные ценности, а общество стремится развиваться в соответствии с нравственно-религиозными принципами. Целью такого развития является не столько и не только материальное благоденствие, сколько гармония и равновесие.

¹ См.: Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М.: Университет, 2000.

По отношению к собственности

На Западе частная собственность и товарное производство ориентированы на рынок. На Востоке главенствует власть-собственность, при которой функции собственника опосредованы причастностью к власти.

По отношениям между светской и религиозной властью

На Западе произошло отделение церкви от государства и была провозглашена независимость политической сферы от нравственно-религиозной традиции. На Востоке политическая власть сакрализована (хотя степень этой сакрализации и может быть различна), религия освящает политическую традицию, в большинстве случаев (или часто) является государственной религией.

По шкале политического времени

Запад ориентирован на будущее, время там — линейно, оно непрерывно убыстряет свой ритм. Восток ориентирован на вечность, там политическое время циклично.

По отношению человека к истине

На Западе существует рациональный путь постижения истины, т.е. человек признает истинным лишь то, что подвластно его уму и воле. Восток ориентирован на интуитивный путь постижения истины. Истина нужна, чтобы ей служить, она — само бытие, а соответственно, не зависит от воли и ума индивидуума.

По процессу познания мира

На Западе процесс познания сводится к познающей активности субъекта, который исследует свойства объектов. На Востоке процесс познания заключается в слиянии с объектом, его духовном постижении на интуитивном уровне.

Естественно, что такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значимым. Так, начиная с XX в. явно наметилась тенденция к заимствованию некоторых из упомянутых принципов как Западом, так и Востоком, соответственно начал происходить процесс как взаимовлияния, так и синтеза. В то же время в некоторых областях, в первую очередь в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло либо он начал происходить только в самое последнее время. В этой связи важно понять, какая часть обществ незападного / восточного типа и каким образом перешла от модернизации догоняющей,

копирующей западный опыт к модернизации как особому пути развития, альтернативному западному естественно-историческому типу, т.е. к модернизации эволюционного типа без социально-политической дискретности, выражающейся в отсутствии четких периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, и одновременно альтернативной мобилизационной модернизации социалистического/коммунистического типа, т.е. к модернизации, являющейся синтезом западного политического опыта демократии (принципа всеобщей выборности), конституционного либерализма и автохтонной политической культуры.

Оценка пространственной и аналитической системы координат

Разработанное и предлагаемое в соответствии с предложенными в предыдущем разделе принципами структурного понимания восточной специфики «пространственное» («спатимальное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной «пространственной» (или «спатимальной», если использовать политологический термин) системе координат¹. Оно также помогает вы-

¹ Подробную аргументацию см., в частности: *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; *он же*: Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; *он же*: Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // *Восток — Запад — Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

явить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Предложенное определение международно-политического региона хорошо соотносится с «расширительным» его пониманием, в соответствии с которым под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию¹.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы — Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию; мезорегионы (средние регионы): Центральную, Северную, Южную Америку, Европу, Австралию и Океанию, Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную Азию, Северную (арабскую) Африку и Африку южнее Сахары, а также регионы (субрегионы) с подразделением Америки на Центральную, Северную и Южную, Европы на Северную, Восточную, Западную, Центральную и Южную, а Западную, точнее Юго-Западную, Азию — на Ближний и Средний Восток. Однако понятие «Ближний и Средний Восток» шире, чем Юго-Западная Азия, так как в него включают не только шестнадцать государств последней, но также Египет и Судан.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Белоруссия или, в другой интерпретации, двенадцать стран СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуци-

¹ См.: Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9.

анско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западнохристианский, латиноамериканский, африканский, тихоокеанский.

Иногда исследователи делят Азию на Южную, Юго-Восточную и Восточную (исключая из нее Океанию и Австралию), Ближний и Средний Восток и государства Центральной Азии. При этом некоторые из них считают, что Афганистан принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока, чем Южной Азии, в которую объединяют семь государств Южноазиатской Ассоциации регионального сотрудничества (SAARC). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянмар (Бирма), Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) образуют Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Другие полагают, что логика этноконфессионального политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Исходя из этих рассуждений, по-видимому, в настоящее время с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской (как части европейской), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской), Ближнем Востоке, Среднем Востоке, Восточной Азии, Южной Азии, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Азиатско-тихоокеанском регионе (как частях азиатской [под]системы международных отношений), в которых Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия группируются в субрегиональные подсистемы¹.

Кроме «цивилизационно-пространственной» («спатальной»), существует и возможность «содержательной» («аналитической») группировки стран (к примеру, на развитые, новые индустриальные страны, развивающиеся, BRIC — крупные индустриальные развивающиеся стра-

¹ См.: Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9.

ны типа Бразилии, России, Индии и Китая, «failed states» — «неудавшиеся страны», «rogue states» — государства «изгои» и др.). Она также, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами «спатальная». Однако «аналитическая модель» при этом не позволяет акцентировать внимание на общности регионально-исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную и этноконфессиональную общность и одновременно специфику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей «аналитической» красоте такая типология, на наш взгляд, плохо применима при практической подготовке регионального-странового специалиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в действительности государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) либо кочевого и племенного типов (некоторые государства Африки, Афганистан, Монголия) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а следовательно, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. «Спатальный» принцип подачи «содержательного» материала позволяет проследить региональную динамику политического развития и влияние региональных процессов на глобальные, «судьбу» местных и «импортированных» политических институтов, появление возможных политических разломов и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (регионально-исторические и конфессиональные) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры, т.е. выявить те мировые и макрорегиональные тренды, которые имеют как содержательный, так и пространственный характер.

Основы пространственной организации восточных макрорегионов

Очевидно, что существует связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и переформируют глобальный уровень отношений. Повышение степени изменчивости макрорегионального

(а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование «Большой Европы», НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки) и на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Азии в частности. Геополитическое изменение регионального пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных трансформаций и инициируется прежде всего глобальными игроками¹. Именно поэтому в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. регион может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или переформирующая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические/политические, геоэкономические/экономические и этноконфессиональные) — содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности. При этом особая деликатность сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может *против воли его участников* приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться»². В этой связи исследователь мировых и региональных процессов А. Б. Каримова удачно отметила, что, «как фрагмент глобального социума, регион обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать, т.е. наполнять абстракцию глобальной взаимозависимости реальным содержанием. С другой стороны, взаимодействие целых регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами монопольной функции в формировании миро-

¹ Подробнее аргументацию см. в кн.: *Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленланд, 2006. Разд. «Структурный анализ проблем мировой политики в контексте дискуссии о глобальном лидерстве». С. 10–23.

² *Торкунов А. В.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 1. С. 21.

вого порядка. Поэтому региональное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий (зона В. Парето). Это предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности. Благодаря чему за последние пятнадцать лет возникло большое количество внешнеполитических проектов по построению регионов в различных частях мира¹.

Новое геополитическое пространство сегодня детерминировано экономическими, военно-политическими, цивилизационными, культурными и этноконфессиональными параметрами, а не географическими или физическими границами, как это было в XIX или XX в., с чем было связано, кстати, и появление разного рода прикладных теорий на относительно ранних стадиях развития социума, связанных с теориями расовой/этнической исключительности, а впоследствии трансформирующихся в концепции этноконфессиональной или конфессиональной инаковости или цивилизационных, конфессиональных конфликтов.

Понятие физических и политических границ в настоящих условиях приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (к примеру, между западным и незападным миром) они даже ужесточились (усиление визового контроля, «визовые войны»). Появились и новые («не прямые», «мягкие» и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы «через» или минуя государственные границы. При этом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, а экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция) стали играть роль сами по себе, а не как основа военной мощи. При этом глобализация, во всяком случае в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XXI в., пока не смогла снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов.

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, но понятия границ и суверенитета не умерли², хотя некоторые аналитики и пытались это провозгласить, а трансформировались в новое,

¹ Каримова А. Б. Региональное пространство в политической организации мира. М.: ИВ РАН, 2006. С. 6.

² См.: Сурков В. Ю. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // Концепции и определения демократии: Антология / Ред.-сост. А. В. Фененко. М.: КомКнига, 2006. С. 189–190.

пока еще недостаточно исследованное качество¹. В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство хотя и становится «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается.

Если анализировать связь этих новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то прежде всего необходимо отметить географическую размытость последних. Многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требует анализировать тенденции политического развития регионов вместе с «сопряженными» территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной и рафинированной системой геоэкономических, этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов. Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с проблематикой макрорегионального политико-экономического развития, а потом уже с глобальной проблематикой. Одновременно существует и обратная связь. При этом пространственные (регионально-географические), геочивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» продолжают играть очень важную, если не главенствующую роль, несмотря на процессы глобализации.

Как мы уже отмечали выше, если исходить прежде всего из географических параметров, то можно достаточно легко выделять географические макрорегионы — Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию с подразделением на мезорегионы и субрегионы. Сложнее обстоит дело с определением макро- и мезорегионов в международно-политическом и этноконфессиональном смыслах. Понятие «Большой Ближний Восток» основано на цивилизационной близости Ближнего (арабского) и Среднего Востока, т.е. оно объединяет шестнадцать государств Юго-Западной Азии и в дополнение к ним по крайней мере еще и Египет, и Судан, но по сути — все страны арабской (северной) Африки (Африки к северу от Сахары). Африка южнее Сахары представляет собой отдельный геочивилизационный ареал/регион, хотя Африку и Большой Ближний Восток связывают вполне определенные исторические, конфессиональные и цивилизационные связи. Географические макрорегионы Азию и Африку часто объединяют в понятие «Большой

¹ См.: *Кокошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: КомКнига, 2005.

(или расширенный) Восток», т.е. Восток выступает в качестве геочивилизационного и геополитического макрорегиона со своим особым структурным социально-политическим устройством, о чем уже упоминалось ранее, чем просто географического понятия¹.

Если исходить из структурных историко-культурных и этноконфессиональных параметров, то под Большим Ближним Востоком можно понимать объединенные историческими, а в определенный исторический период и историко-политическими, а также этноконфессиональными, цивилизационными, геоэкономическими связями индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский и североафриканский регионы, связанные определенными этноконфессиональными, геочивилизационными, этнолингвистическими, этнокультурными и этнопсихологическими связями. Существуют между ними и вполне определенная общность, и достаточно прочные исторические связи в области политической культуры. Все эти страны в целом принадлежат к одному культурно-религиозному и цивилизационному макрорегиону внутри географического суперрегиона Азия. Географический суперрегион Азия часто называют просто Востоком, хотя, как мы уже отмечали выше, это понятие имеет не только и не столько географические, сколько структурно-цивилизационные характеристики.

Некоторые исследователи считают, что между макрорегионами есть буферные зоны, где идет взаимопроникновение, а иногда и прямое соперничество или противостояние разновекторных цивилизационных, этноконфессиональных и часто сопряженных с ними геоэкономических и геополитических составляющих, а потому страны в этой зоне могут тяготеть к разным макрорегионам в соответствии с тем, какая региональная составляющая оказывается превалирующей. Очевидно, что буферный характер этих государств влияет и на пути формирования политических систем и специфику политических и экономических процессов в них. Политические системы и политические режимы в странах буферных зон имеют, как правило, гетерогенный, конгломеративный и противоречивый, а, следовательно, часто и нестабильный характер. Проблематика буферных зон между макрорегионами носит в высокой степени дискуссионный характер, однако, возможно, именно наличием этой зоны и спецификой протекающих там процессов межциви-

¹ Подробно аргументация представлена в: *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток — Запад, 2006. С. 5–32.

зационного взаимодействия и объясняется острота этноконфессиональных и этнополитических конфликтов на территории расположенных там государств.

К буферной зоне между Африкой и Большим Ближним Востоком относятся, к примеру, Судан и Эритрея, а между Европой и Большим Ближним Востоком — Турция, Израиль, Ливан, Азербайджан, Грузия и Армения. Видимо, государства Центральной Азии также можно отнести к буферному региону между Большой Европой, Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией. Извечная полемика между славянофилами (почвенниками) и западниками, в частности по вопросу политического устройства государства, косвенно отражает тот факт, что и Россия, несмотря на ее огромные физико-географические размеры, находится между западным и восточным суперрегиональными комплексами.

Из государств, расположенных в буферных зонах, следует упомянуть Афганистан. По мнению одних исследователей, он географически относится к Центральной Азии, которая геоэкономически тяготеет в настоящее время к Большой Восточной Азии, а цивилизационно (т.е. в соответствии со своей основной этноконфессиональной составляющей) принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока. Другие считают, что логика внутривосточного развития, основанная на факторах цивилизационного и этноконфессионального единства, позволяет отнести Афганистан и Пакистан, а также и страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому. Одновременно сегодня существует и не менее влиятельное крыло аналитиков, которые указывают на все более сильное геоэкономическое и геополитическое тяготение Южной и Центральной Азии в направлении Восточной. Суждение о том, что цивилизационное и геоэкономическое единство вкуче с геоэкономическим и геополитическим тяготением сильно ускоряет эволюцию политических процессов в определенном направлении (пример, страны Центральной Европы), не вызывает сомнения, а вот на вопрос о том, что происходит, когда эти составляющие ориентированы в противоположных или разных направлениях, пока однозначного ответа нет. Не случайно поэтому то внимание, с которым восточноазиатское сообщество отслеживало недавнее вмешательство военных в политическую жизнь Таиланда, поскольку усмотрело в этом прецедент усиления влияния военных на политическую жизнь, т.е. тенденцию, от которой странам Восточной Азии в целом удалось отойти к концу XX в. Эта возможная возвратная тенденция вызывает особое беспокойство нестабильных демократических режимов Восточной Азии, которые имеют богатую историю военно-авторитарных режимов правления.

В конце XX в. политико-стратегический «шарнир» Пакистан — Афганистан — Таджикистан — Узбекистан соединяет эти четыре страны в самый сложный геостратегический узел, который продолжает существовать и в настоящее время. Одновременно проблемы Афганистана и Пакистана нельзя анализировать в отрыве от развития пакистано-индийских отношений, т.е. от динамики региональных процессов в Южной Азии. Афганистан и Пакистан геополитически связывают Центральную Азию с Южной, в то время как Китай и Япония геоэкономически притягивают Восточную Азию к Юго-Восточной. Такая новая форма взаимосвязей укрупняет региональное членение и заставляет переосмысливать роль макрорегионов в мировой политике. Смещение американских и частично западных стратегических приоритетов в Евразию и одновременное укрепление интересов Китая на его западных границах (внутренняя стратегия усиления «западных районов» КНР, подкрепленная внешнеполитической доминантой — структурирующей ролью Китая в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)) создают встречные потоки мировых тенденций, которые «стягивают» четыре «старых» региона — Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию — в единый региональный комплекс Большая Восточная Азия.

Таким образом, активизация США и ряда наиболее близких Вашингтону партнеров по блоку НАТО на Среднем Востоке и в Центральной Азии, формирование мощного, ориентированного на Центральную Азию (Шанхайская Организация Сотрудничества) вектора политики Китая, достижение Индией и Пакистаном статуса хотя и «нелегальных», но ядерных держав, включение Китая в интеграционные процессы в АСЕАН, формирование новой экономической зоны АСЕАН + Китай + Япония + Корея (и одновременно, АСЕАН + Индия), стабильный экономический рост в Индии, превращающий ее в державу макрорегионального уровня, новое военно-политическое взаимоотношение Индии, Японии и, наконец, рост значения энергетических составляющих региональных отношений — все это стало способствовать формированию на обширном пространстве Восточной Евразии нового геополитического «суперрегиона» и, соответственно, новой подсистемы международных отношений и нового регионального комплекса «Большая Восточная Азия». Однако Большая (или «расширенная», в другой терминологии) Восточная Азия не является единой этнически и конфессионально и роль этих факторов в становлении новых региональных комплексов еще предстоит выявить. Параллельно возникает вопрос и об общем векторе политических процессов и эволюции политических систем этого макрорегиона.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые «исторические» регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные «геоэкономические» черты¹. Эти «перекрещивающиеся» принципы «цивилизационно-пространственного» членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» макрорегионы, и дали возможность сгруппировать материал в разделы в настоящей работе. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Только такие сопоставления, на наш взгляд, и могут послужить основой для более широких кроссрегиональных сравнительных моделей универсального характера.

Проблематика политического устройства, так же как и этноконфессиональная проблематика, всегда неразрывно связана с путями исторического развития того или иного государства. В современном государстве этнический плюрализм и этноконфессиональная/конфессиональная неоднородность, либо унаследованные от истории², либо формирующиеся в связи с массовыми миграциями³, вызывают необходимость формирования определенной модели политического сосуществования этнических и конфессиональных групп в рамках общего государства, определения норм и принципов отношений между этническими и конфессиональными группами внутри государства, поиска моделей существования устойчивых форм политических институтов, которые бы не оспаривались или подвергались сомнению различными этническими и конфессиональными группировками в его составе, достижения баланса в политической власти, учета специфики этнических и конфессиональных интересов в публичной политике государства и др. При этом сам факт этнического или/и конфессионального различия необязательно приводит к конфликтам, хотя и может создавать условия для таковых.

¹ См.: Белокреницкий В. Я. Восток на рубеже веков — некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001. № 5. С. 66—88.

² См.: Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

³ См.: Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. Разд. 2, Гл. 4.

Человечеству известно множество примеров мирного или преимущественно ненасильственного сосуществования различных этноконфессиональных групп в рамках разных, но адекватных этноконфессиональному составу и историческим условиям формирования политической культуры политических систем. С этой точки зрения изучение принципов этноконфессионального взаимодействия, необязательно заканчивающегося конфликтом (менеджмент этноконфессионального взаимодействия) в разных политических системах, а также модели управления этноконфессиональными конфликтами в политических режимах определенного типа, имеет большую практическую востребованность, особенно для понимания тех обществ, в которых социально-политическое, этноконфессиональное и цивилизационное сознание расколото.

Поскольку в практической сфере этноконфессионального взаимодействия значительно ярче проявляется действие множества самых разнообразных факторов, включая политические, то четче проявляется и междисциплинарный характер этой области знания, так как возникает необходимость понимания механизма воздействия на реальные события экономических, культурных, правовых, политических, географических, психологических и других детерминант¹. Все они в той или иной степени связаны, а в некоторых случаях даже напрямую определяются особенностью пространственного протекания политического процесса, т.е. пространство, понимаемое в широком философском контексте, и связанное с ним мировосприятие влияют на специфику проявления экономических, политических, культурных, правовых, психологических и других факторов. В какой мере этноконфессиональная проблематика служит «стяжению» макрорегионального комплекса или усилению центробежных сил, еще предстоит выяснить в каждом конкретном случае, хотя несомненно, что найденные некоторыми крупными странами региона модели удачного этноконфессионального взаимодействия в рамках определенной, соответствующей их исторически сформированному типу политической культуры и политической системы в целом способствовали как экономическому росту в конкретных странах, так и в целом выдвижению того или иного региона в перспективный центр мирового экономического роста. В этой связи крайне интересен вопрос прикладного характера о том, в какой степени эволюция и сознательное трансформирование политической системы способствуют нахождению адекватной модели успешного социально-экономического развития.

¹ См.: Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малащенко. М.: Гендальф, 2000.

Аналитические классификации политических систем

Понятие системности в политике позволило предложить несколько аналитических классификаций политических систем, которые можно разделить на классификации двух основных типов — эволюционные и морфологические¹ (т.е. основанные на анализе строения политических систем), в свою очередь, распадающиеся на линейные, бинарные и координатные². Скажем, по формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем; по типу политической культуры (классификация Г. Алмонда) — англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, а также тоталитарную политическую системы; народные, племенные, бюрократические, авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (популистская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т.д.³

Классификация Дж. и Я. Дербишайров учитывает все богатство способов правления, типов политической культуры и других факторов. Они выделяют унитарные и федеративные государства (по принципу разделения или слияния трех основных государственных институтов, в отдельный подтип при этом могут быть выделены унитарные государства с чертами децентрализации); по идеологическому базису (политическому режиму) — либеральную демократию, молодую демократию, коммунистические государства, национал-социалистические государства, авторитарно-националистические государства, военно-авторитарные государства, исламистско-националистические государства, абсолютные монархии; системы по типу органов исполнительной власти — парла-

¹ Принципы эволюционной морфологии политических систем рассмотрены, в частности, М. В. Ильиным в его работе «Глобализация политики и эволюция политических систем» в разделе «Геохронополитика и принципы эволюционной морфологии политических систем»: Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МОНФ, 2000. С. 225–228.

² Подробнее см.: *Сморгунов Л. С.* Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002. С. 170–171.

³ Интересно сравнить принципы политологической классификации и сравнительные классификационные принципы в дисциплине, получившей название «сравнительная экономика» («comparative economics»). См., к примеру: *Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. М.: РОССПЭН, 2004. О влиянии политических принципов на экономические см., в частности, гл. 4 данной монографии.

ментские, ограниченные президентские, дуалистические, коммунистические, неограниченные президентские, милитаристские, абсолютные; по типам выборных систем¹. Такая классификация «по разным» принципам хотя и является достаточно сложной, тем не менее позволяет описывать все богатство политических систем и конкретной формы организации политического процесса в странах мира. Однако есть в ней и слабость, сложная классификация затрудняет типологизирование, на ее основе иногда довольно трудно сделать какие-либо практические выводы, полезные для реального политического конструирования.

При всей сложности различных классификаций политических систем классификация по формам правления и типам государственного устройства является интуитивно наиболее простой и логичной. В ней по объективным критериям выделяются однако теократические государства, а далее также тоталитарные, авторитарные и демократические. Такое разделение политических систем идет как по объективным, так и по субъективным параметрам, что привносит в эту классификацию проблематику категории «двойных стандартов».

В политических системах тоталитарного типа много общих черт, таких как широкое использование идеологии, превалирование однопартийных систем, жесткий контроль над средствами массовой информации, жесткий государственный контроль над экономикой, стремление государства полностью подчинить себе граждан, добиться их беспрекословной преданности режиму, жесткий полицейский надзор, подавление любого свободомыслия и диссидентства. Вместе с тем следует отметить, что не все черты, приписываемые тоталитарной системе, относятся к этой системе как к таковой, так как государство и политический режим, как политологические понятия, наполненные одновременно конкретными историческими реалиями, совпадая в ряде аспектов, все-таки не являются одинаковыми. Таким образом, политический режим в узком смысле этого понятия является как бы некоторой конкретно-исторической ипостасью определенного типа политической системы. Иначе говоря, термин «политический режим» может представлять собой исторически конкретную характеристику функционирования политической системы, способ властвования (организации власти) в политической системе. Тогда политические институты — это феномены, которые опосредуют, обозначают, символизируют, а в реальном политическом пространстве и материализуют исторические атрибуты политических систем. Одновременно политический институт как категория в его

¹ См.: *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004.

многообразных конкретных проявлениях являет собой, вне зависимости от исторических проявлений, универсальную категорию.

Авторитарные политические системы и авторитарное политическое устройство государства могут ассоциироваться не только с диктатом авторитарной личности, но и с всевластьем одной, правящей (доминантной) партии или же какого-то государственного (военного) органа. Однако применение силы для подавления личных прав и свобод граждан, любых проявлений оппозиционно настроенных группировок или инакомыслия, прибегание к террору как средству такого подавления, жесткость цензуры и т.д. в авторитарных режимах меньше, чем в тоталитарных режимах, т.е. авторитаризм — это своего рода ослабленный тоталитаризм, хотя при определенных исторических и национальных условиях он может обретать крайне жесткую антидемократичную форму¹. В то же время и в некоторых вполне демократических и даже либерально-демократических режимах (например, в Японии) сохраняется доминантная партия, что отнюдь не делает такие режимы антидемократичными.

Деление политических систем на тоталитарные и авторитарные продуктивно проводить на основе аналитического разделения национальных, государственных и общественных интересов. На международной арене государство в большинстве случаев действует исходя из своих высших (оптимальных) интересов. Способность выражать интересы общества в целом на международной арене не означает, что государство может выражать внутренние интересы всего общества. В этой связи также возникает вопрос, как можно субъективно определить высшие (оптимальные) интересы общества. Общества представляют собой отнюдь не простые социальные организмы. Они состоят из классов, политических партий и групп давления. Кроме того, многие из этих групп дифференцируются по политическим, экономическим, этническим, религиозным и другим признакам. Возможность действий общества как единого социального организма через институт правительства (т.е. через компонент государства) зависит от степени совпадения общественных интересов (интересов всего общества) и интересов государства (или правительства). Иногда интересы государства и общества полностью идентичны, но иногда государство не может (или не желает) точно отражать интересы общества.

Фундаментальные потребности общества в независимом и благоприятном социальном развитии страны можно назвать «общественными интересами». Они включают: обеспечение национальной безопаснос-

¹ См.: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В. Г. Хорос. М.: Наука, 1996.

ти; независимость и суверенитет; территориальную целостность; невмешательство других стран во внутренние дела данного общества; мирное развитие. Учет этих целей позволяет увидеть, как общественные интересы могут вступать в противоречие с интересами государства (правительства). Например, в вопросе о гарантиях национальной безопасности между обществом и государством могут возникать разногласия по поводу средств достижения этих целей, о чем свидетельствуют антивоенные и антиядерные движения во многих странах в определенные периоды истории либо, наоборот, политические движения, подталкивающие государства (правительства) к более жесткой политике в отношении внешнего мира. Конфликт (или противоречие) может быть вызван и действиями лица, принимающего решение в области внешней, а иногда и внутренней политики, которые могут вступать в противоречие с национальными интересами, ибо его «подсистемный» интерес (интерес такого деятеля, как субъективного лица) вступает в конфликт с его ролью в политической системе и вполне может доминировать над этой ролью. Возможен также и конфликт между государством и обществом по поводу политического устройства/переустройства государства, трансформирования его политической системы или же определения векторов политической эволюции (модернизации).

При незначительных противоречиях между интересами государства (правительства) и интересами общества государство может квалифицироваться как современное национальное государство и как демократия, а при значительных (максимальных) противоречиях — как тоталитарное государство. Таким образом, различие между тоталитарным и авторитарным государствами состоит в степени противоречий между государственными и общественными интересами, причем в тоталитарном государстве такие противоречия принимают экстремальный характер. По сравнению с другими моделями государства, в разных формах современной демократии (либерального и нелиберального, западного и незападного типа) различия между государственными и общественными компонентами национального интереса сведены к минимуму, но баланс их различен, в зависимости от того, о какой форме демократического правления идет речь. Иными словами, нельзя измерить государственные и общественные интересы, но можно выявить соотношение между государственными и общественными интересами¹. В этой связи

¹ Подробнее см.: *Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999. С. 133–134; *он же:* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток — Запад, 2004. С. 382–383.

понятно, что в государствах, где общество расколото по этническим, конфессиональным, цивилизационным или другим признакам, а государство как институт, функционирующий в виде специфического политического режима, является единственным гарантом стабильности в обществе, политическая система может оставаться демократической, хотя и нелиберальной.

Теократическим государственным устройством (от греч. *tueos* — бог, *kratos* — власть) является такая форма государственного правления, при которой власть сосредоточена у духовенства или главы церкви. Теократические тенденции практически всегда сопровождаются усилением религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни граждан. Следует отметить такие формы теократического государства, где власть де-факто и де-юре сосредоточена в руках главы церкви, который одновременно является главой государства (Ватикан), однако возможно и формальное разделение власти таким образом, что духовная власть является направляющей «в помыслах» и без ее одобрения государственное решение не принимается, хотя руководителем государства может быть и светское лицо (Иран, некоторые другие исламские государства, кроме светских исламских государств).

Демократическое государственное устройство основано на демократии, т.е. в буквальном переводе с греческого на власти народа. Естественно, что в современных обществах отправление власти всем народом практически невозможно, поэтому современная демократия использует институт представительной демократии, когда политическое управление от имени народа осуществляют избираемые им на определенный срок представители. Выборы представителей народа могут быть прямыми (представительные органы власти избираются всеми гражданами, достигшими определенного возраста) или косвенными (органы власти избираются выборщиками или/и назначаются главой государства или парламентом и утверждаются главой государства).

В политической теории известно множество разновидностей демократии. Одними из первых форм демократии являлась военная и плебисцитарная. Уже упомянутая представительная демократия, одним из разработчиков которой был Джеймс Мэдисон, распространена и сегодня. В теории, а иногда и на практике были разработаны и другие формы демократии: охранительная (Бентам, Миль), развивающая (Руссо), партиципаторная, т.е. «прямого участия» (Пелтман), элитарная (Шумпетер), полиархическая (Милтон Фридман), консоциативная (Лейпхарт), причем у многих из этих демократий есть и свои интерпретации

(либеральные, консервативные, социалистические, анархические и др.). Воплощение разновидностей демократии в жизни зависит от специфики политической культуры в той или иной стране, а также от тех задач, которые формулирует и воплощает политическая элита.

Пространственно-аналитическая концепция

Признание этих положений позволит дополнить (или, точнее, наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности, стран Востока, во всей сложности их реального функционирования, что и предлагается сделать читателю данной книги.

Таким образом, анализ конкретного материала по данной проблематике должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем¹, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем разных государств регионов мира, типологизированными по разным критериям², потом углубиться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных «пространственных» или «спатальных» развертках), а затем уже исследовать пути эволюции политических систем и их региональную/цивилизационную специфику (т.е. анализ материала должен строиться на пространственно-аналитическом принципе, а не на превалировавшем ранее противопоставлении «спатального» («пространственного») принципа «аналитическому»). При этом очевидно, что, учитывая региональную/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны решить:

- насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, поскольку дистанция, кото-

¹ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М / Весь мир, 2000; Сморгунев Л. С. Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002.

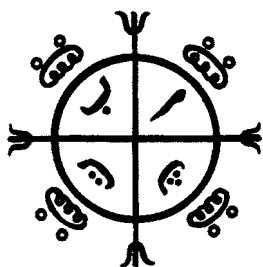
² Основная литература: Дербишайр Дж. и. Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004; Вся Азия: Справочник. М.: АСТ-Муравей, 2003.

рую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

- каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;
- каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны¹.

Таким образом, применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

¹ Можно сравнить с четырьмя положениями, сформулированными Е. Гайдаром. Аргументация развернута в гл. 3. См.: *Гайдар Е. Т. Долгое время*. М.: Дело, 2005. С. 82–83. Однако, как будет показано ниже, система аргументации и выводы в данной работе другие.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ АФРИКИ И БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Политические системы государств Африки*

Формирование современных политических систем Африки приходится на начало XX в., когда европейские метрополии установили эффективный контроль над территорией континента. До начала XX в. только три независимых африканских государства — Буганда, Мадагаскар и Эфиопия — достигли уровня политического развития, сопоставимого с европейской абсолютной монархией. 45 государств из 48, находящихся в Центральной и Южной Африке, сформировались как самостоятельные политические объединения только после 1945 г. Из всех африканских государств только три избежали длительного колониального правления: Эфиопия сумела сохранить независимость с XI в., Эритрея была оккупирована Италией короткий период с 1882 по 1923 г., а Либерия как государство образовалась по решению Американского колониального общества в качестве «дома» для рабов, отпущенных на свободу. Впервые в Африке жители французских колоний были допущены к прямому, тайному голосованию, в результате которого избранные из их же среды представители на равных со всеми остальными депутатами участвовали в работе парламента. В колониях Великобритании было инициировано построение политической системы по «Вестминстерской модели», соответственно конституционный процесс протекал там таким образом, что принятие местной конституции сопровождалось референдумом либо после ее утверждения проходили выборы с широким привлечением африканских масс в законодательные органы. Практически во всех британских колониях были созданы выборные законодательные органы и сформированы правительственные советы. Эти советы обладали правом совета колониальной администрации, но самое главное — именно через формирование

* В параграфе использованы материалы проф. А. Л. Емельянова.

таких советов была предпринята попытка (в разных африканских странах по-разному успешная) формирования политической элиты, напрямую не связанной с традиционной местной племенной аристократией. Однако в целом формирование современных политических институтов и политических систем в странах Африки началось только после Второй мировой войны вместе с массовым обретением независимости и принятием ООН решения о деколонизации континента и объявления 1960 года годом Африки.

Получив независимость, молодые африканские государства разделились на страны социалистической и капиталистической ориентации, но при этом и те, и другие создали в основном авторитарные и тоталитарные режимы. Так, из 17 стран, находившихся под контролем Великобритании, только в четырех (Ботсвана, Мавритания, Гамбия, Уганда) плюралистические демократические формы правления додержались до 90-х годов XX в. Ни одно из государств, бывших доминионами Франции, не смогло создать плюралистическую многопартийную демократию до 1990 г. Ускоренная извне политическая трансформация, по мнению профессора А. Л. Емельянова, привела к тому, что «европейская демократия была синтезирована с африканской традиционной демократией, которая находилась на ином, более низком витке исторической спирали, которая была более близка и понятна подавляющему большинству африканского населения. В результате оставшиеся по форме европейские демократические институты наполнились традиционной африканской общинной демократией с совершенно иной шкалой ценностей: уравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности»¹. Такой синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки 60-х — середины 80-х годов XX в. Некоторые африканские страны не смогли преодолеть этого вплоть до самого последнего времени. В результате в Африке в целом возобладали однопартийные политические системы, трансформировавшиеся в некоторых государствах на более позднем этапе в политическую систему с доминантной партией и гипертрофированной президентской властью. Однако однопартийный авторитаризм не укреплял доверие граждан к власти, а разрушал его, так как поощрял кумовство, клановость, казнокрадство и т.д. Такие режимы были крайне нестабильны, а потому их политическое существование сопровождалось сериями во-

¹ Емельянов А. Л. Политические системы и политические культуры Африки // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 265.

енных переворотов, применением репрессивных мер управления, кровопролитными гражданскими конфликтами (Центрально-Африканская империя, Уганда при Иди Амине, Гвинея при Секу Туре и Экваториальная Гвинея при Масиасе Нгеме), в ходе которых политические режимы безуспешно пытались повысить свою легитимность.

К середине 80-х годов XX в. подавляющее большинство режимов на Африканском континенте были авторитарными или тоталитарными. Однако такие режимы стали сразу же испытывать экономические проблемы, поскольку они не могли наладить нормальную экономическую жизнь населения. Соответственно, начиная с 80-х годов XX в., в Африке в целом стали осуществляться меры рыночного экономического реформирования, приватизация была осуществлена в 19 странах, введение системы управления по контрактам — в 17 странах, сдача предприятий в аренду — в 15 странах, в 20 странах были приняты меры по усилению финансовой самостоятельности предприятий, в 14 — состоялась либерализация цен, была проведена либерализация рынка капиталов. Процесс перехода к рыночно ориентированной модели развития сопровождался постепенной демократизацией политических структур и трансформацией африканских политических систем от тоталитарно-репрессивных к авторитарным.

Одновременно вмешательство Международного валютного фонда (МВФ), Мирового банка (МБ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), которые стали навязывать некоторым африканским правительствам неолиберальные программы открытия внешнему миру, создания свободного рынка, механизмов конкуренции, устранения государства из экономики, вызвало девальвацию национальной валюты. Такие меры привели к дальнейшему обнищанию населения, усилению политической нестабильности, вызвали очередную череду военных и политических переворотов и усилили авторитаризм. Однако за последнюю четверть века в странах «Черного континента» постепенно появилась прослойка местных предпринимателей, которые имели солидные свободные капиталы и были заинтересованы в силу этого в политической и экономической предсказуемости государства, а значит, в повышении легитимности политических режимов, усилении правовых основ государства, четкой регламентации сфер его вмешательства в экономическую сферу. Данную прослойку, содержащую значительную часть политической, управленческой, экономической и даже интеллектуальной элиты, стали не устраивать жесткие авторитарные политические системы, в которых легитимация политических режимов носила декоративный или фальсифицированный характер, т.е. в Африке к 90-м годам XX в. появились необходимые внутренние и внешние, объек-

тивные и субъективные предпосылки для демократизации. К концу XX в. в Центральной и Южной Африке 64% государств начали построение демократической политической системы, и их количество постепенно увеличивается. В то же время политическая система этих государств имеет некоторые общие особенности, связанные со спецификой их политической культуры. Несмотря на явную в целом модернизацию политических систем Африканского континента, всем им, даже наиболее приближенным к западным версиям либеральной демократии, в той или иной мере присуща определенная специфика, выражающаяся в существовании ряда особенностей, а именно:

- сохранение политического влияния племенных вождей и частичного племенной аристократии (в некоторых африканских странах вожди имеют официальный статус, зафиксированный в конституциях);
- превалирование группового политического сознания (большой семьи, племени, общины, клана) над индивидуальным при сохранении определенной автономии индивидуума;
- особая роль традиционных мифологических мировоззренческих представлений в частности в области политической культуры;
- культурно-политическая гетерогенность, а в некоторых странах и гибридность, т.е. сочетание, в некоторых случаях — противоречивое, элементов различных политических и культурных систем: западной и африканской;
- формирование и развитие специфических социетарных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных структур, например, родовой общины и современного капиталистического уклада, создающих гибридные политические субкультуры.

Особенности политических систем государств Северной Африки и Ближнего (арабского) Востока*

Политические системы стран Арабского Востока представляют собой переплетение как государственных структур, политических партий, организаций, так и институтов, не входящих непосредственно в политическую сферу (религиозные общины, кланы). Конкретное историческое развитие каждой страны предопределило потребность в разных способах управления и различных государственных системах. Формально

* В параграфе использованы материалы доц. М. А. Сапроновой.

политические системы в арабских странах можно разделить на монархии и республики. Однако в такой аналитической классификации существуют различия как между монархиями (можно выделить абсолютные, дуалистические, конституционные, полуконституционные), так и между республиками (парламентскими или президентскими), в каждой из которой может, по справедливому замечанию востоковеда-политолога М. А. Сапроновой, существовать специфический режим военной диктатуры или однопартийного режима личной власти¹.

Важно отметить, что первая на Арабском Востоке конституция — Органическое положение 1882 г. Египта — была автохтонной, т.е. принятой в самой развитой арабской стране региона без участия европейцев. Полуколонияльные и зависимые страны Арабского Востока принимали конституции под европейским влиянием и по европейским образцам: Трансиордания в 1928 г., Ирак в 1924 г., Ливан в 1926 г., Сирия в 1930 г., Кувейт в 1939 г. В целом в большинстве арабских стран конституции были приняты только после достижения политической независимости после Второй мировой войны (Алжир, Тунис, Марокко, НДРЙ и др.), а в монархиях — всего несколько лет назад (Саудовская Аравия — 1992 г., Оман — 1996 г.).

Таким образом, вне зависимости от типа политической системы и формы политического устройства во всех арабских странах власть концентрируется в личности лидера и традиционных социальных структурах, скрытых за формальным фасадом официальных политических институтов. Поэтому главным фактором, определяющим функционирование государственных институтов в арабских странах, является государство и его глава как основной инструмент политической системы, независимо от того, кем в действительности является глава государства — президентом или монархом. Именно поэтому наибольшее распространение в арабских республиках получили однопартийные режимы в форме президентской республики, чаще авторитарного характера, хотя и с элементами парламентаризма. Таким образом, в большинстве арабских стран наблюдается фактически неконтролируемая власть президента, у которой фактически в прямом подчинении находятся законодательные органы и правительство.

Надо сказать, что в этом положении прослеживается специфика мусульманской политической культуры, обосновывающая необходимость совмещения поста главы государства и правительства в лице ха-

¹ См.: Сапронова М. А. Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 111.

ризматического лидера, как бы «освященного» духовной властью. При этом традиционная мусульманская политическая культура, в отличие от западной, принцип разделения властей расценивает как слабость, т.е. «слитность» исполнительных и законодательных органов только усиливает, по мнению мусульманских политологов и политиков, эффективность государства. По свидетельству российского востоковеда-политолога М. А. Сапроновой, современная суннитская концепция признает соответствующими исламу как президентскую, так и парламентскую республики, однако «предпочтение отдается первой, поскольку считается, что во главе государства должно стоять лицо, которое является действительным, а не формальным главой исполнительной власти»¹.

Президент/монарх в арабских республиках является высшим должностным лицом в государстве и наделен очень широкими полномочиями: он назначает и отстраняет высших должностных лиц государства, включая судей, осуществляет прямое руководство правительством, является не только верховным главнокомандующим, но одновременно и министром обороны, лидером правящей партии (к примеру, в Сирии, Тунисе, Египте). Таким образом, правительства в странах Арабского Востока — орган государственной структуры, фактически полностью подчиненный и подконтрольный главе государства.

В тех арабских государствах, в которых президентская форма правления установилась путем военного переворота, как правило, создавался новый высший орган — военный совет (его конкретное название может быть различным в разных странах Ближнего Востока: революционный совет, совет национального спасения, высший государственный совет, совет командования революции и национального спасения и др.), а глава этого органа — лидер произведенного военного переворота, в дальнейшем провозглашался президентом и формировал режим суперпрезидентской власти. Из прежних органов в таких государствах сохраняются гражданские суды, но параллельно с ними создаются и военные трибуналы, которые судят и гражданских лиц (Алжир, Судан, Ирак до свержения режима С. Хусейна).

Несмотря на наличие в конституции максимального срока пребывания у власти главы государства, многие арабские республики обходят конституционное положение, запрещающее избрание президента более чем на два срока (Египет, Сирия, Ирак, Судан, Ливия, Тунис). Кроме того, в последнее десятилетие наметилась тенденция передачи власти по наследству (президентом Сирии стал сын Хафеза Асада Башар Асад,

¹ См.: Сапронова М. А. Указ. соч. С. 117.

сын президента Египта Гамаль Мубарак стал членом генерального секретариата правящей Национал-демократической партии и т.д.).

Важно отметить, что роль лидера нации остается решающей даже в случае Ливии, где отсутствует конституция, а Муаммар Каддафи официально не занимает никакого административного поста, но, тем не менее, осуществляет верховное руководство государством как «лидер революции».

Соответственно в политических системах арабских стран парламенты занимают второстепенное место. Слабость законодательных органов объясняется как сложившимися традициями сильной президентской власти, так и отсутствием в истории традиций парламентаризма и развитой партийной системы. Кроме того, на положение законодательной власти в арабских странах влияют мусульманские традиции принятия решений путем согласования и вытекающая из этого основополагающая роль консультативных органов при президенте.

Конституции арабских стран закрепляют принцип свободных выборов, хотя детальной регламентации и даже объяснения этого принципа в текстах конституции, как правило, не приводится.

Что касается одного из основных направлений деятельности законодательных ассамблей — контроль за деятельностью правительства, то следует отметить, что он не носит всеобъемлющего характера. Поскольку законодательный орган арабских стран не формирует правительство на парламентской основе, а лишь одобряет кандидатуру премьер-министра, предложенную главой государства, то он и не может осуществлять полного контроля за деятельностью правительства.

В арабских монархиях главная роль в политической системе принадлежит монарху и особая — правящему семейству, которое может удерживать власть в течение столетий: на Бахрейне — с 1782 г., в Катаре — с 1822 г. и т.д. Исторические судьбы правящих династий арабских стран предопределяют специфику их политических режимов. Так, режимы Саудовской Аравии, Бахрейна, Омана, утвердившиеся у власти в результате острого внутреннего соперничества, отличаются большим консерватизмом и жесткостью, а в Кувейте возникла более либеральная система монархической власти с выборным Национальным собранием, которое полномочно выражать недоверие председателю Совета министров, каковым является второе лицо в государственной и семейной иерархии династии — наследный принц.

Важным при анализе политического устройства арабских монархий является то, что многие монархические династии в государствах Персидского залива вышли не только из племенной среды, но и из одной племенной конфедерации или племени, что обусловило сохранение до

настоящего времени племенных связей и родовой иерархии. Именно поэтому все арабийские монархии имеют схожие государственные институты, где ключевая роль принадлежит правящим семействам. Все конституции и приравненные к ним законодательные акты, принятые в арабских монархиях, закрепляют монархическую форму правления за конкретным династическим семейством. Введение института престолонаследия означает укоренение этой формы правления, для которой узаконенное престолонаследие является одним из главных атрибутов. Российский востоковед-политолог М. А. Сапронова отмечает, что «в вопросе о форме государства исламская политическая концепция предоставляет широкую свободу выбора при неременном условии, чтобы любая форма правления укладывалась в рамки шариата. В частности, суннитская доктрина предписывает, чтобы глава государства непременно был выборным лицом, что, казалось бы, должно исключать возможность существования наследственных монархий. Однако в действительности только такие и есть в арабских странах. Дело в том, что шариат не уточняет ни количественный, ни качественный аспект принципа выборности, не отвечает на вопрос, сколько должно быть выборщиков и кто может выполнять их функции. Это позволило исламской правовой доктрине сузить избирательный корпус до одного человека, т.е. халифа, а затем — монарха, который был вправе избирать себе преемника, коим, как правило, являлся его наследник»¹.

Ни одна из конституций арабских монархий не устанавливает формы ответственности монарха, но формально практически все они закрепляют принцип разделения властей. Одновременно монарх обычно участвует в деятельности всех трех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной). Важно отметить при этом, что в таких монархиях, как Иордания и Марокко, монарх фактически делит свою власть с законодательным органом.

При принятии политических решений в арабских монархиях широко используется принцип «консультации», основой которого мусульманские правоведы считают 42-ю суру Корана. На основе этого принципа функционирует консультативный орган государственной власти — Шура, деятельность которого определяется конституционным законодательством ряда арабских стран, как монархий, так и республик. Шура как политический институт носит только совещательный характер: она высказывает свое мнение по проектам законов, обсуждает общую линию государства и т.д. Однако в некоторых арабских государствах (к при-

¹ См.: Сапронова М. А. Указ. соч. С. 124–125.

меру, в Саудовской Аравии) часть членов Совета Шуры имеет право законодательной инициативы. Подобные Шуры консультативные органы существуют и на Среднем Востоке (в Иране, Афганистане), а также и в некоторых других государствах, находящихся в междивилизационных и межрегиональных буферных зонах, но под явным или скрытым историческим, конфессиональным или политическим влиянием стран Арабского Востока и исламской традиции.

Особое место в регионе занимает Государство Израиль. Израиль и Индия являются единственными восточными странами, провозгласившими государственный суверенитет в течение последних шестидесяти лет и сохранившими демократически избранные политические институты до настоящего времени. Главой Государства Израиль номинально является президент. Способ его избрания, срок полномочий, статус и обязанности определяются Основным законом о президенте государства (принят в 1964 г., изменен в апреле и июле 1969 г., в 1999, 2002 гг.). Для проведения выборов президента достаточно, чтобы десять и более депутатов Кнессета (парламента) выдвинули на этот пост любого кандидата. До 1996 г. и начиная с 2003 г. одной из основных функций президента являлось и является возложение ответственности за формирование правительства на одного из членов Кнессета, как правило, но не обязательно, лидера крупнейшей парламентской партии.

Высшим законодательным органом государства является Кнессет (парламент), представляющий собой палату из 120 представителей, формируемую сроком на четыре года на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Основные обязанности Кнессета — рассмотрение и принятие законов. Каждое формируемое новое правительство должно получить доверие Кнессета, т.е. поддержку простого большинства его членов, впрочем, как и каждый новый министр, назначаемый в состав правительства уже после его утверждения. Если правительство лишается доверия Кнессета, оно обязано уйти в отставку. Предложение о вынесении правительству вотума недоверия может быть внесено любой парламентской фракцией в любой момент. Все заседания Кнессета ведутся на иврите, но депутаты-арабы могут выступать на арабском языке. Исполнительной властью в стране является правительство, которое несет коллективную ответственность перед Кнессетом и находится у власти до тех пор, пока пользуется его доверием. Глава правительства является премьер-министром, он должен быть членом Кнессета, в то время как другие министры быть ими не обязаны, но они, как и премьер-министр, должны быть гражданами Израиля, проживающими в стране.

В Израиле дважды за последние десять лет менялась система выборов. Выборы в Кнессет проходят по системе пропорционального представительства, в 1992 г. впервые в мире были введены прямые выборы главы правительства. Эти выборы дважды (в 1996, 1999 гг.) прошли параллельно выборам в Кнессет, а в 2001 г. отдельно от парламентских выборов. Поскольку новая система не привела к повышению эффективности функционирования органов государственной власти, прямые выборы главы исполнительной власти в 2001 г. были отменены. Нестабильность израильской политической системы, отражением которой является легкость изменения основных законов, имеющих конституционный характер, во многом зависит и будет зависеть от состояния и уровня напряженности арабо-израильского конфликта, существенно влияющего на вектор экономического и политического развития региона.

Сравнительный анализ политических систем Ирана, Турции, Афганистана и стран Центральной Азии*

В Иране и Турции у власти находятся представители политического ислама, однако политические системы этих двух государств отличаются друг от друга. В то же время общность исторической судьбы этих двух государств Среднего Востока и их географическая близость делают сопоставление их политических систем вполне обоснованным.

После свержения шахского режима и победы исламской революции в Иране новое иранское руководство предприняло попытку привести политическую систему страны в соответствие с концепцией «исламской модели развития». Основу этой концепции заложил лидер иранской революции аятолла Р. Хомейни. Он открыто заявил, что высшее мусульманское духовенство обязано еще до прихода посланника Аллаха двенадцатого имама Махди возглавить экономическое, политическое и духовное возрождение правоверных народов, а соответственно и встать в главе государственной власти. Важнейшим источником власти такого рода является Конституция Исламской Республики Иран, одобренная на всенародном референдуме 30 марта 1979 г. В преамбуле конституции записано, что она создана «на основе исламских установлений» и что исламское правление в Иране будет основываться на принципе «Велаяте факих» — правлении авторитетного шиитского правоведа, в соответ-

* В параграфе, посвященном политическим системам Ирана и Турции, использованы материалы проф. С. Б. Дружиловского и доц. И. В. Кудряшовой, Афганистана — доц. Ю. П. Лалетина, стран Центральной Азии — проф. С. И. Лунева.

ствии с которым провозглашается не только ведущая роль *факиха* (исламского правоведа)/*рахбара* (главы государства) в определении политической линии государства, но и верховенство ислама во всех государственных структурах и ветвях власти: исламских советах; органах местного самоуправления; Наблюдательном совете — главном контрольном органе, рассматривающем все принимаемые парламентом законы на предмет их соответствия исламским канонам; в Совете экспертов, состоящем из представителей духовенства, в функции которого входят выборы главы государства — *рахбара* и предварительный отбор кандидатов в депутаты парламента страны, а также в шариатских судах, имеющих монополию на отправление правосудия (ст. 4 конституции ИРИ). Заключение по поводу соответствия исламским нормам выносится *факихами* Совета по охране конституции и исламских норм.

Соответственно этим представлениям республиканские выборные органы власти — президент и парламент — получили вышестоящих «теократических двойников», формируемых без участия избирателей, — Верховное религиозно-политическое руководство (*рахбар*) и Наблюдательный совет. Преемственность высшей власти должно было обеспечить Собрание экспертов, наделенное правом выбора нового духовного руководителя или Руководящего совета. Затем в Иране был создан новый государственный аппарат, в котором главенствующее место занимают представители высшего шиитского духовенства. В системе судопроизводства духовенство играет решающую роль. Деятельность высшей законодательной власти — *меджлиса* — контролируется на предмет соответствия исламским нормам Наблюдательным советом, главное место в котором занимают шесть авторитетных исламских правоведов. Работа исполнительной власти контролируется рахбаром. Такая политическая система является автохтонной, так как, по мнению С. Б. Дружиловского, позволяет фактически обойти необходимость создания партийной системы в современном государственном устройстве.

После победы исламской революции и свержения шахского режима многопартийность как дополнительный рычаг политической мобилизации населения все же была разрешена и в стране начал действовать широкий спектр политических партий — от левых прокоммунистических до исламских партий либерально-буржуазного толка. Ведущая партия иранских исламистов — Партия исламской республики (ПИР), созданная ближайшими сподвижниками Хомейни, попыталась завоевать доверие населения политическими методами, однако вскоре стало ясно, что значительная часть иранского общества не разделяет установку на исламизацию всех сторон жизни. Тогда Хомейни принял решение демонтировать партийную систему, распустить все политические партии и образовать одну

партию — партию Аллаха («Хезболла»), членами которой должны были стать все добропорядочные граждане исламского государства.

После смерти Хомейни, в 1989 г., на основе парламентских фракций стали возникать разные политические группировки (квазипартии), но все они в обязательном порядке стали подчеркивать свой исламский характер («Ассоциация борющегося духовенства», «Моджахеды исламской революции» и т.п.). Особняком в Иране стоит партия либеральной буржуазии — Движение за свободу Ирана, которая находится в неофициальной легальной оппозиции правящей власти и в силу этого подвергается постоянным политическим нападениям, однако запрещенной не является.

В отличие от Ирана, ориентированного на мусульманские традиционные ценности, в политической системе Турции традиционные мусульманские ценности были модернизированы политической элитой и отделены от политической системы, хотя на политическую культуру Турции они продолжают влиять достаточно сильно. Политическая система Турции строится на кемалистских принципах, выдвинутых основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком в 20-х годах XX в. (республиканизм, революционность, народность, национализм, лаицизм, этатизм), и новых принципах, связанных с ориентацией Турции на присоединение к Европе и союз с США. Кемалистские принципы способствовали возрождению турецкой государственности после распада Османской империи: республиканизм означал отстранение от власти султана уничтоженной Османской империи; революционность свидетельствовала о политических методах завоевания и удержания власти кемалистами; народность означала демократические принципы новой Турции — выборность представительных органов власти, разделение ветвей власти, равенство мужчин и женщин в политической и социально-экономической сферах; национализм указывал на статус турок как единственной системообразующей нации; лаицизм означал уничтожение халифата, отделение мечети от государства и школы от мечети, а этатизм провозглашал главенствующую роль государства в развитии экономики, политики и культуры.

Вслед за провозглашением кемалистских принципов была учреждена светская республика, создан парламент — Великое национальное собрание, введена однопартийная система в лице Народно-Республиканской партии (НРП) и началось постепенное выдавливание ислама из политической сферы жизни страны. Сложившаяся политическая система достаточно успешно просуществовала в Турции до конца Второй мировой войны. В 1952 г. Турция становится членом НАТО, в 1963 г. — ассоциированным членом Европейского экономического сообщества. Присоединившись к некоторым международным западным структурам,

политическая элита Турции попыталась ускорить и политическую интеграцию страны с западным миром. В развитие этой тенденции в стране был отменен закон военного времени «О национальной защите», были восстановлены все демократические права и свободы, образована новая Демократическая партия (ДП), выделившаяся из состава НРП. В 1950 г. ДП победила на парламентских выборах, сменив правившую до этого НРП, и в течение 10 лет управляла страной. В дальнейшем в Турции, несмотря на прозападный в целом вектор политического развития, стало происходить усиление влияния исламистских и националистических партий, и также, как и в Иране, имели место попытки обоснования и закрепления исламской модели государства. Однако проводившая эту политику Партия благоденствия в конечном счете в Турции была запрещена.

Турецкая конституция 1982 г. усилила роль исполнительной власти в лице надпартийного президента и кабинета министров. Были также приняты законы о политических партиях и о парламентских выборах, приведшие к воссозданию многопартийности в 1987 г. С тех пор на выборах в парламент соперничают четыре основные политические силы: правые либералы (Партия отечества и Партия верного пути), левоцентристы (Демократическая левая партия (ДЛП) и НРП, исламисты (Партия добродетели, впоследствии — Партия благополучия (Рефах), Партия добродетели (Фазилет), Партия справедливости и развития) и ультранационалисты.

Во второй половине 90-х годов XX в. в Турции усиливаются представители политического ислама и турецкие исламисты получают ограниченную возможность претворить в жизнь некоторые положения исламской модели развития, когда в период с июля 1996 по июнь 1997 г. у власти в качестве премьер-министра находился лидер этой партии Н. Эрбакан, так как его партия на парламентских выборах 1995 г. вышла на первое место, получив 21,4% голосов избирателей. Турецкие исламисты попытались предложить программу социально-экономического возрождения на основе духовных ценностей ислама, но не сумели решить экономические проблемы страны. Новый всплеск активности политического ислама в Турции пришелся на парламентские выборы 2002 г., когда турецкие исламисты, объединившись в новой Партии справедливости и развития (ПСР), одержали убедительную победу и сформировали однопартийное правительство во главе с Реджепом Т. Эрдоганом, однако для сохранения политической власти они были вынуждены дистанцироваться от экстремистских лозунгов Н. Эрбакана.

Если говорить об Афганском государстве в течение всего периода его существования, то его спецификой являлась слабость центральной власти, фактическая независимость пуштунских племен, местничество

и клиентелизм. По точному замечанию Ю. П. Лалетина, «афганские племена до сих пор остаются вооруженными организациями, военно-политическими объединениями ряда родов и возвысившихся над родом семейно-родственных групп — кланов, в которых общая легендарная генеалогия выполняет функции элемента политической и идеологической надстройки»¹.

Афганцы всегда проживали на ограниченной горной территории, где был недостаток земли, пригодной для обработки, и засушливый климат. Сложные климатические и географические условия вели к сохранению традиционного для афганцев политического института племени и даже к ретрибализации, т.е. восстановлению племени как социально-политической структуры при существовании в целом достаточно современной политической системы. Племенное деление характерно не только для афганских пуштунов, но и для всех остальных этносов Афганистана (кроме таджиков), поэтому даже режим талибов в Афганистане был вынужден апеллировать к отдельным пуштунским племенным группам.

Специфика племенного мироощущения сходна с миропониманием представителей кочевых племен, для которых мир не имеет ни границ, ни центра, соответственно игнорируются любые государственные границы и отторгается система современного государственного устройства. В этом смысле племенные и кочевые структуры оказывают схожее влияние на процесс формирования современного государства, в каком бы регионе они ни находились. Специфику формам государственного устройства придают в основном только конкретные исторические пути трансформации племенных либо кочевых структур и/или наличие внешнего политического влияния.

В племенах власть не носит институционального характера, каждый член племени, соответственно и каждый афганец, связан предком по отцовской линии, принадлежа местному сообществу, называемому *кау́м*² (т.е. к племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье). Власть хана — главы племени — в таком обществе зависит от консенсуса внутри каума. Каумы, формирующиеся преимущественно на базе территориальной общины, и выступают властными центрами, существующими независимо и параллельно от любой государственной власти. В таком обществе статус человека зависит от положения предка, за старшим

¹ Лалетин Ю. П. Государство и племя в политической системе Афганистана // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 342.

² Термин введен Ю. П. Лалетиным.

сыном всегда признается лидерство, женщин редко выдают замуж на сторону, большая часть женщин выходит замуж внутри клана, и практически все — внутри племени, соответственно организация поселения и социальная иерархия у кочевых племен основана на племенной иерархии и привязана к доминирующей линии наследования. Таким образом, в качестве хана или/и современного лидера *каум* воспримет только того, чьи предки были ханами. Помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, т.е. на принципе, в соответствии с которым тот получает больше влияния и обретает большую власть, кто больше дает, раздает, распределяет.

В соответствии с этими принципами политическая власть необязательно дается человеку на всю жизнь. Каждый глава семьи имеет *худжру* — дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому глава в конкуренции с другими главами семей добивается власти и влияния внутри клана и племени. Если его *худжра* признана *каумом*, то он может стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, выступать в качестве посредника в племенных спорах и защищать интересы племени перед лицом государства.

В начале XX в. в Афганистане появляется новый политический институт — *малик* (от арабского — «король»), представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени и включенного в государственную администрацию. Малик выступает официальным посредником между государством и деревней. Такой хан или малик является носителем коренящейся в самом сообществе публичной власти, отличной от государственной, но признаваемой государством и инкорпорированной в его структуру.

В Афганистане группа, складывающаяся вокруг лидера, полностью подчинена ему и даже преклоняется перед ним. Именно поэтому позиция местных авторитетных лиц (хан, малик) оказывает сильное влияние на ситуацию в стране. Никакая современная центральная политическая власть в Афганистане не может быть стабильной, если она не имеет поддержки со стороны локальных традиционных лидеров и не опирается на отношения родства и патронажа. Соответственно все три попытки разрыва с прошлым и образования государства в Афганистане (формирование племенной федерации в 1747 г., переворот 1978 г. и победа моджахедов в 1992 г.), проходившие под знаком универсальной идеологии (национализма, марксизма, фундаментализма), не могли не учитывать традиционные структуры афганского общества и не приспосабливаться к ним.

Кроме того, современной афганской политической системе свойствен и еще один очень своеобразный неформальный политический институт — институт полевых командиров, который возник в конце

70-х годов XX в., когда в Афганистане вспыхнула гражданская война. В условиях гражданской войны в стране лидеры каумов прибегли к созданию вооруженных отрядов, командирами которых становились либо сами традиционные лидеры, либо командиры, действовавшие под их руководством. Институт полевых командиров хорошо вписался в традиционную структуру афганского общества. Наиболее влиятельные традиционные лидеры начали создавать политические партии современного типа. Однако наибольшего расцвета эта политическая деятельность достигла в период подготовки к парламентским выборам 2004–2005 гг. Таким образом, институт традиционных лидеров успел принять три новые формы: лидеры каумов стали выступать в роли депутатов, полевых командиров и руководителей современных политических партий.

В Афганистане, как, например, в Северном Йемене или некоторых государствах Африки, сложился особый политический симбиоз государства и племен, где государство сохраняло черты племенного объединения, государственная власть не достигла племен и исторически сложился дуализм власти — центрального правительства и племен, обладавших известной долей самоуправления.

Соответственно избранная 18 сентября 2005 г. нижняя палата афганского парламента (*Вулуси джирга*, или Народное собрание) имеет фрагментированный характер, так как ее депутаты одновременно являются лидерами кланов, групп, партий и фракций. Около половины (120 из 249) мест в этой палате получили лидеры традиционного племенно-кланового типа.

Все это привело к тому, что, по замечанию Ю. П. Лалетина, «руководителя афганского государства до событий 1978 г. можно рассматривать как племенного вождя-хана, самофинансирующегося общественного слугу, использующего свое богатство и влияние на благо общины и поддерживающего равновесие и взаимодействие на более высоком уровне между различными социальными и этническими группами в масштабах страны. То есть и в современном Афганистане до 1978 г. руководитель страны использовал исторический опыт ханского руководства и его ролевые функции, одним словом — был властителем, которому общество временно делегировало власть над общественными группами и который одновременно выполнял функции посредника между ними»¹.

Особый характер центральной власти в Афганистане, которая не может игнорировать традиционные политические структуры, привел к формированию в стране высшего надпарламентского органа власти —

¹ Лалетин Ю. П. Указ. соч. С. 347.

Лойи джирги, которая имеет своим прообразом племенную джиргу (совет, буквально — племенной «круг»). Лойя джирга созывалась и королями, и президентами для решения наиболее важных вопросов, связанных с престолонаследием, принятием конституций, объявлением войны и т.п. Лойя джирга имела не периодический, а чрезвычайный характер, т.е. ее созывы были приурочены к решению конкретной государственной проблемы. Состоявшаяся 10–21 июня 2002 г. чрезвычайная Лойя джирга определила состав Переходной администрации во главе с Хамидом Карзаем, получившим президентские полномочия с правом принятия законодательных актов. С 14 декабря 2003 г. по 4 января 2004 г. проходили заседания конституционной Лойи джирги, на которой была принята конституция Афганистана. Конституция определила роль Лойи джирги в политической системе Афганистана как консультативного органа решения вопросов, связанных с провозглашением независимости, национального суверенитета, определения территориальной целостности и высших интересов государства; внесения поправок в конституцию; а также в случае выдвижения парламентом (в порядке, прописанном в ст. 69 конституции) обвинений против президента.

В настоящее время в Афганистане и центральное правительство, и этнорегиональные элиты, и полевые командиры, с одной стороны, выступают клиентами, получающими ресурсы извне, а с другой — внутри страны — патронами, распределяющими ресурсы внутри государства между различными политическими силами, племенами, кланами. Постепенное разложение традиционного афганского государства и возрастающее противопоставление госаппарата и армии племенам связаны с укреплением позиций городской буржуазии и усилением ее влияния на государственную власть. В свете этих сложных политических процессов судьба формирования стабильной государственной власти современного типа в Афганистане, расположенном в буферной региональной зоне межцивилизационного взаимодействия, представляется крайне непростой и не особенно оптимистичной.

Распад Советского Союза впервые в истории привел к образованию национальных государств современного типа на территории Центральной Азии. Однако становление государственности в этом регионе до сих пор не завершилось в реальном политико-правовом смысле. Советская форма государственности объединяла в одном супергосударстве этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в сложных отношениях друг с другом и расселенные по территориальным ареалам, административные границы которых не совпадали с этническими.

В целом традиционная система властных отношений в государствах Центральной Азии, хотя и сильно подорванная коммунистическим режи-

мом и унифицирующей идеологией советского государства, оказалась не полностью уничтоженной. В некоторых государствах Центральной Азии племенные структуры, подобно существующим в Афганистане, пережили и коллапс советской формы правления. Именно поэтому несмотря на внешний антураж в некоторых государствах Центральной Азии демократические институты власти в целом не получили особого развития. Практически во всех странах существуют авторитарные либо консервативные патерналистские режимы. Во всех странах есть проблемы с реальным общественным контролем над государственной властью. Законодательные органы, как правило, также не в состоянии контролировать и координировать исполнительную власть.

Во всех центральноазиатских республиках существует сильная президентская власть, появление которой обусловлено как экономическими, так и схожими политическими факторами. Биографии президентов стран Центральной Азии схожи. Нурсултан Назарбаев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, стал президентом Казахстана в 1990 г. (избран в 1991 г.), в 1999 г. был переизбран на второй срок на семь лет, а затем снова переизбран фактически на безальтернативной основе. Аскар Акаев стал президентом Киргизии в 1990 г. и выигрывал выборы в 1991, 1995 и 2000 гг. (74% голосов). Его устранение с политической арены в ходе «тюльпановой» революции не добавило ни стабильности, ни демократизма в стране. Сапармурат Ниязов, бывший член ЦК КПСС, был избран президентом в 1990 г., в 1992 г. переизбран (на безальтернативной основе, получил 99,5% голосов). «По просьбе народа» было принято решение о пожизненном президентстве С. Ниязова. Фактическое уничтожение им всех политических соперников и удаление из страны даже собственных родственников привело к вакууму власти и крайне нестабильной обстановке в стране после его смерти, что пока не способствует становлению демократической формы правления в этой стране, хотя выборы нового президента и были свободными. Ислам Каримов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, был избран президентом в 1990 г., переизбран на второй срок в 2000 г. (получил почти 92% голосов). В январе 2002 г. в Узбекистане прошел референдум об увеличении срока полномочий президента до семи лет, и Ислам Каримов получил возможность пребывать у власти до 2020 г. Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов в 1992 г. был избран председателем парламента Таджикистана (институт президентства был упразднен). После окончания гражданской войны и возвращения Таджикистана к президентской форме правления Э. Рахмонов был избран президентом (1994 г.). В Таджикистане в сентябре 1999 г. был продлен срок президентских полномочий до семи лет, а в июне 2003 г. (как было решено на референдуме по внесению

изменений в конституцию страны) он был вновь сокращен до пяти лет, но теперь Э. Рахмонов получил право оставаться на своем посту еще длительное время (ранее срок пребывания на посту президента был ограничен).

Наиболее откровенно акцентировали авторитаризм своих режимов президенты Узбекистана и Туркмении. Роспуск парламента в Казахстане в марте 1995 г. и провозглашение Н. Назарбаева президентом свидетельствовали, что данная республика также пошла по пути укрепления режима личной власти. Попыток переноса выборов или их отмены не было только в Киргизии, за что А. Акаев в конечном счете и поплатился в ходе «тюльпановой» революции. По существу только в Казахстане и Киргизии важную роль играет законодательная ветвь власти.

Особую роль в системе власти Центральной Азии играют клановые интересы. В этом смысле государства Центральной Азии, находящиеся в буферной зоне межцивилизационного взаимодействия, как бы аккумулируют разные региональные политические тенденции (Ирана, Турции и Афганистана), но их конечная составляющая из-за разнородности этих тенденций и нестабильности самих политических режимов, ни один из которых фактически не решил проблему преемственности власти, пока остается не ясной. Только в Узбекистане президент И. Каримов смог добиться паритета ведущих клановых сил. В Казахстане существует довольно значительный дисбаланс: до 85% госаппарата и членов Верховного Совета Казахстана являются выходцами из Старшего (южного) жуза. В подавляющем большинстве окружение президента также принадлежит к старшему роду, тогда как практически вся оппозиция является выходцами из Младшего и Среднего жуза.

Легитимность руководителей центральноазиатских республик во многом определяется их происхождением и связью с традиционными племенными структурами. Так, как отмечает С. И. Лунев, А. Акаев — прямой потомок одного из последних киргизских правителей хана Шабдана, а С. Ниязов — выходец из племени теке, из которого в прошлом происходили многие правители Туркмении. Свадьба детей Н. Назарбаева и А. Акаева имела многие черты традиционных династических браков. В Таджикистане в течение практически всего советского периода в республике у власти находился «ходжентский» клан, представляющий северные районы. В руках «гармского» клана (области к востоку и западу от Душанбе, Вахшская долина) были торговля и силовые структуры, «бадахшанского» (Горно-Бадахшанская автономная область) — культура, образование и наука. «Кулябский» клан (бывшая Кулябская область) контролировал преступный мир. После объявления независимости республики ленинабадская элита оказалась отстраненной от власти, а в ходе гражданской войны она сыграла важную роль в победе Э. Рахмонова.

Однако клан так и не получил ключевых постов в новом правительстве, что привело к росту напряженности в области и плавному переходу значительной части населения в оппозицию к Центру. Представители «ходжентского» клана предприняли неудачную попытку сместить Э. Рахмонова с поста Председателя Верховного совета и вновь ввести должность президента. Лидеры ленинабадской элиты в результате ответных действий лишились постов даже в своей области. «Кулябский» клан постепенно получил все основные посты в стране, включая и Ленинабадскую область¹.

Ограничений на деятельность оппозиционных партий долгое время не было только в Киргизии, где действуют десятки партий. Еще в начале 1990-х годов в Узбекистане было отказано в регистрации партии «Бирлик» («Единство») и Демократической партии «Эрк», представлявших реальную оппозицию. При этом президентские структуры поддерживали создание квазипартий, имитируя наличие партийной оппозиции. Согласно закону о политических партиях, принятому в декабре 1996 г., в Узбекистане разрешена деятельность только Национальной демократической партии, «Прогресса Отечества», Социал-демократической партии «Справедливость» и «Национального возрождения». Все организации полностью поддерживают президента страны. В 1998 г. была зарегистрирована новая организация — «Самоотверженные», чья платформа мало отличалась от НДПУ. Перед парламентскими выборами 1999 г. в Казахстане, помимо партии Нурсултана Назарбаева «Отчизна», были зарегистрированы три оппозиционные организации: Республиканская народная партия, «Прогресс» и «За честные выборы», а также Коммунистическая партия. По новому закону о партийной деятельности (принят в июле 2002 г.) было зарегистрировано семь партий. Основные оппозиционные партии в этот список не вошли. В 2003 г. в ежегодном послании народу Н. Назарбаев объявил о своем стремлении к либерализации системы государственной власти. Отмечалась необходимость укрепить позиции политических партий и неправительственных организаций; разработать новый закон о СМИ, ограничивающий вмешательство государственных органов в их деятельность; демократизировать избирательную систему и ввести практику выборов органов местного самоуправления.

При Сапармурате Ниязове единственной официальной партией Туркмении являлась возглавляемая им Демократическая партия. Оппозиционные партии были запрещены и действовали за границей.

¹ См.: Лунев С. И. Политические процессы в Центральной Азии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 384.

В Таджикистане основной партией является Народно-демократическая партия (президент Эмомали Рахмонов вошел в нее в марте 1998 г., а в апреле был избран ее председателем). На последних парламентских выборах она получила 65% мест. Второе место заняла Коммунистическая партия Таджикистана (20% мест), третье, с 7,5% мест — «Партия Исламского Возрождения Таджикистана» (ранее — Движение исламского возрождения). Эта партия, как и Партия политического и экономического обновления, Демократическая партия, «Лали Бадахшон», «Растохез», входила ранее в Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО). Действуют также Социал-демократическая и Социалистическая партии.

В начале 90-х годов XX в. в Центральной Азии поиск единой национальной идеологии привел к возрастанию роли ислама. Ослабление экономической роли Турции, а соответственно и модели светского государства, и усиление региональной роли Ирана, а соответственно и исламской теократической концепции государственности, привели к усилению внимания к роли политического ислама в регионе¹. В апреле 1992 г. И. Каримов совершил хадж в Саудовскую Аравию (его примеру последовали и другие центральноазиатские руководители), резко увеличилось количество мечетей, произошел явный рост религиозного самосознания. Исламизация объективно выталкивала наверх слои, которые выступают против местной элиты, держащей власть еще с советского периода. Организации исламистов в Бухаре, Самарканде, Ферганской долине практически сразу стали действовать и как политические организации. Активно действовала и радикальная Исламская партия возрождения, создавшая свои филиалы в Узбекистане и Таджикистане. Мусульманские радикалы Казахстана пытались спровоцировать беспорядки в Алма-Ате. В целом можно отметить, что ваххабизм, который представляет позднюю редакцию ханбализма, наиболее жесткого мазхаба, отстаивающего абсолютно буквальное понимание канонов, стал теснить весьма мягкое ханафитское течение, в Центральной Азии (70% мусульман мира придерживаются именно его). Однако общую тенденцию эволюции политических систем государств Центральной Азии в сторону формирования светского государства современного типа или же исламского государства пока выстроить не представляется возможным из-за исторически короткого срока их существования и сложных внешних политических влияний, к основным из которых относится исламское, западное (европейское и американское), российское и китайское.

¹ См.: Ланда Р. Г. Политический ислам: Корни и эволюция // ArabiaVitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М: ИВ РАН, 2005. С. 214—227.

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Политические системы Индии, Пакистана и Бангладеш*

По конституции 1950 г. в Индии была введена так называемая «Вестминстерская система», т.е. политическая система, аналогичная политической системе Великобритании, под колониальным управлением которой Индия находилась долгое время. Сама конституция — детально разработанный документ, содержащий изложение основных принципов демократического порядка, прав человека и гражданских свобод. Индийская конституция ввела в стране принцип всеобщего избирательного права, прямого и тайного голосования в парламент (нижнюю палату), ответственного перед ним правительства, наделяя в то же время определенными существенными полномочиями избираемого косвенным путем (через парламентариев) президента и формируемую опосредованно высшую палату парламента. По конституции главой государства является президент, но он действует «по совету премьер-министра», т.е. реальная власть в стране сосредоточена в руках главы правительства — премьер-министра, который должен непременно иметь поддержку большинства нижней палаты парламента. Выборы в Индии происходят по мажоритарной системе, существуют как партийные, так и независимые кандидаты. Парламент проводит тесный контроль над исполнительной властью. По конституции при мажоритарной системе выборов отказ поддержать правительство даже одной из мелких партий правительственной коалиции вызывает отставку всего правительства.

Индия представляет собой федерацию. Федеральные власти в целом имеют решающие prerogatives в управлении страной, однако штаты сохраняют значительную автономию. В них избираются свои зако-

* В параграфе, посвященном политической системе Индии, использованы материалы проф. Л. Б. Алаева, Пакистана и Бангладеш — проф. В. Я. Белокреницкого.

нодательные собрания, которые образуют правительства штатов во главе с главными министрами. Федеральное правительство с согласия президента назначает в штаты губернаторов, которые являются представителями центра на местах. Правительством также назначаются главы округов и начальники областей. На уровне деревни центральную власть представляют «чиновники по развитию» (грам-севаки). Есть и местное самоуправление.

В стране долгое время существовала система доминантной партии, которая постоянно и безальтернативно приходила к власти по результатам очередных выборов. Такой партией до конца XX в. являлся Индийский национальный конгресс (ИНК). Однако начиная с конца 90-х годов XX в. эта система начинает размываться, а ИНК, соответственно, — терять доминантное положение и власть. В стране начинают оформляться две коалиции партий, сменяющие друг друга, — Индийский национальный конгресс и Бхаратия Джаната парти (БДП). В 2004 г. сформированная вышедшей на авансцену БДП партийная коалиция терпит поражение и к власти приходит коалиция партий во главе с ИНК. Мажоритарная система выборов позволила ИНК одержать победу на выборах и сформировать коалиционное правительство, несмотря на то что количество поданных за него голосов сократилось по сравнению с предыдущими выборами. Однако и БДП также потеряла значительное число прежних избирателей. Такая ситуация, по мнению Л. Б. Алаева, свидетельствует о новом переходном периоде политической жизни Индии, возможно, эволюционирующей в сторону создания двухпартийной системы¹. Интересно, что в Индии эти процессы идут по-другому, но в сходном направлении, как и в Китае, на Тайване и, возможно, в Японии, где также существует либо существовала в недавнем прошлом (как на Тайване) система доминантной партии.

В политической системе Индии, как и практически во всех азиатских странах, велика роль семейственности (вариант клановости). Соответственно большинство ведущих политических партий представляют собой группы, объединяющиеся вокруг лидера и не имеющие четких социальных позиций, а постоянно меняющие позиции и союзников в зависимости от политической конъюнктуры. Личностные отношения между лидерами играют иногда определяющую роль в ориентации партий.

Собственно индийскими особенностями можно считать роль в политическом процессе кастового и конфессионального факторов. Выс-

¹ См.: Алаев Л. Б. Политическая система и политическая культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 405—406.

шая каста брахманов традиционно монополизирует сферы политики, образования, профессиональных профессий, политического администрирования. Средние касты монополизировали земельную собственность и контролируют население деревни, но в последнее время начали бороться за свое участие в политической жизни с брахманскими кастами. Неприкасаемые своим положением изгоев противопоставлены всем остальным кастам. Для участия в политическом процессе им необходимо сломать идеологическую основу кастовой системы, но, поскольку их угнетают главным образом средние касты, неприкасаемые объективно противостоят последним и могут быть использованы в политических коалициях в качестве союзников брахманов. Считается, что роль каст особенно велика при выборах в законодательные собрания штатов. Кастовый фактор — наиболее яркое проявление групповой солидарности, когда превалирует не индивидуальный выбор, а оглядка на то, как голосует кастовый лидер. Смена лидером политической ориентации приводит к массовому изменению характера голосования всей группы.

Конфессиональный фактор в Индии имеет свои особенности и связан с противостоянием индуистского большинства и мусульманского меньшинства. Индия с преимущественно немусульманским, более чем миллиардным населением является центром субрегиона Южная Азия. «Обрамляющие» ее с северо-запада и востока мусульманские государства Пакистан и Бангладеш выступают антагонистами Индии. В основе этого антагонизма лежит проблема, связанная с возможностью религии (точнее, ислама) служить политической основой нации, национальной идентичности, определяя существенные черты политической системы и характера современного государства.

Образовавшиеся в результате распада колониальной британской империи в Индии в 1947 г. и раскола Пакистана в 1971 г. (Мальдивы освободились от английского протектората в 1965 г.) мусульманские государства Южной Азии (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы) отличают от Индии некоторые специфические черты как политической системы, так и политической культуры. Для структуры власти в них характерны существенное преобладание элементов авторитаризма, господство бюрократии, самостоятельная политическая роль армии. Хотя конституционное устройство и Пакистана, и Бангладеш, так же как и Индии, основано на британской, так называемой «Вестминстерской» модели демократии, в обеих странах существует тяготение к президентской форме правления. В Мальдивской Республике такая власть установлена законодательно.

В политической культуре Пакистана, Бангладеш и Мальдив велико значение ислама. В соответствии с конституциями этих стран ислам является официальной религией. В Пакистане государство, по конститу-

ции, должно оказывать содействие в отправлении культа, обучении и воспитании в религиозном духе. Ислам служит в Пакистане главным элементом государственной идеологии, а в Бангладеш — одним из них. Верность исламу и его ценностям декларируют большинство основных партий и общественных организаций всех трех стран.

Первая конституция Пакистана была принята в 1956 г. В соответствии с ней страна стала исламской республикой парламентского типа, сохранявшей членство в Британском Содружестве наций. Пришедшие к власти в 1958 г. в Пакистане военные отменили первую конституцию и в 1962 г. объявили о введении конституции президентской республики с широким использованием института не прямых многоступенчатых выборов. Она просуществовала до 1969 г. В 1973 г. парламент Пакистана принял третью конституцию, которая действует до сегодняшнего дня. Одновременно в текст последней конституции было внесено 15 поправок, ряд которых вводил важные изменения формы политической системы. Конституция Бангладеш была принята в ноябре 1972 г., после чего добавлялись многочисленные поправки, которые вносили серьезные изменения в механизм правления, связанные с чередованием гражданских и военных режимов, а также предпочтениями государственной идеологии.

По сравнению с Индией, элементы авторитаризма в политической системе Пакистана и Бангладеш значительно заметнее, хотя и в демократической Индии они также наблюдаются. В середине 1950-х годов в Пакистане образовался военно-гражданский альянс, который оттеснил профессиональных политиков и стал прямо или косвенно управлять страной, что и делает до настоящего времени. При таком политическом режиме судебная власть оказалась в подчиненном положении. Из 55 лет суверенного развития Пакистана военный и военно-гражданский режимы существовали на протяжении 28 лет, а на существование гражданско-демократической политической системы пришлось 27 лет.

По мнению В. Я. Белокреницкого, в истории политической системы Пакистана можно выделить три периода. На первом эволюция шла от переходной системы «учредительной демократии» к становлению «просвещенного авторитаризма» через короткий (два с половиной года) этап парламентской демократии. На втором произошел кризис военно-авторитарной системы, далее непродолжительный (пять лет) эксперимент с парламентским демократизмом при сохранении авторитарного характера власти и 11 лет исламизированного военного правления, которое три последних года (с 1985 по 1988 г.) дополнялось квазипарламентской демократией на основе выборов на непартийной основе. Последний период (после гибели в авиакатастрофе в августе 1988 г. военно-

го диктатора М. Зия-уль-Хака) характеризуется преобладанием демократических черт¹. В 1999 г. военные в Пакистане вновь взяли на себя управление страной. Осенью 2002 г. прошли выборы в парламент, которые не изменили стержневую политическую сущность власти военно-бюрократического альянса, однако создали ситуацию, когда военные были вынуждены делить власть с политиками. В результате такой дисперсии власти появились перспективы демократизации политической системы страны.

В политической системе Бангладеш много общего с пакистанской, так как два государства связывала общая политическая судьба с 1947 по 1971 г. После достижения независимости подобно тому, как было в Пакистане, вслед за первым переходным этапом господства профессиональных политиков, в Бангладеш установилась система преобладания бюрократов из армейской и гражданской (прежде всего, судебной) службы. Однако правление военных в Бангладеш никогда не принимало форму жесткого военного правления пакистанского типа, а гражданско-демократическая форма правления, за исключением относительно коротких интервалов после переворотов 1975 и 1982 гг., превалировала над военной. Соответственно бангладешские военные правители стремились как можно быстрее осуществить свою трансформацию в гражданских руководителей — они активно занимались партийным строительством, инициируя создание организаций, которые сохраняли в дальнейшем ведущее или заметное место в партийно-политической системе страны.

В мусульманских странах Южной Азии главным культуuroобразующим элементом служит ислам. Он теснее других религий связан с политикой и потому в весьма значительной степени определяет и политическую культуру этих стран. Помимо религиозного и этнического факторов, на политическую культуру этих стран большое влияние оказывают общие экономические и социальные условия, грамотность и образование, гендерные различия. Таким образом, страны Южной Азии, хотя и представляют собой отдельный субрегион внутри макрорегиона Большая Восточная Азия, тем не менее, связаны с регионом Большого Ближнего Востока конфессиональными и политико-культурными связями (конфессиональной общностью и частично общностью политической культуры), возможно, имеющими тенденцию к ослаблению, по крайней мере в Индии. Однако современные глобальные политические тенденции создания модернизированных государственных систем, а также

¹ См.: Белокреницкий В. Я. Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии. В кн.: Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 440.

экономические и торгово-экономические связи и геополитические установки все больше втягивают этот субрегион, как и страны Центральной Азии, в орбиту восточноазиатского экономического притяжения, за которым должно последовать и определенное политическое влияние. Однако восточноазиатское политическое влияние будет оказывать на разные страны Южной и Центральной Азии разную степень воздействия, в зависимости от прочности их собственной политической культуры, геополитической стабильности в конкретных странах и в регионе в целом, а также и от сознательной воли политической элиты этих стран на ниве политической модернизации и создания современной государственности и политического устройства.

Политические системы стран Юго-Восточной Азии на примере Малайзии, Индонезии и Сингапура*

Федерация Малайзия по своему государственному устройству является конституционной монархией. На Малаккском полуострове первоначально не существовало единого государства, а были мусульманские княжества, возглавляемые суверенными правителями. Княжества, расположенные на севере полуострова на границе с Сиамом (современный Таиланд), рассматривались сиамскими королями как находящиеся в вассальной зависимости от них, хотя сами малайские правители не всегда разделяли эту точку зрения. Колониальная экспансия Британии распространилась на все малайские княжества. В 1888 г. Саравак и Сабах (территории Северного Калимантана) стали английскими протекторатами, а в 1946 г. — колониями Англии. Независимое государство Малайская федерация было провозглашено в 1957 г. в составе девяти княжеств полуострова и колоний Пинанг и Малакка. В 1963 г. к нему присоединились колонии Англии на Северном Калимантане, а также Сингапур, через два года вышедший из федерации. Так образовалась современная Федерация Малайзия.

Ныне действующая конституция вступила в силу одновременно с провозглашением независимости Малайской федерации 31 августа 1957 г. Страна представляет собой федерацию 14 территорий, расположенных на полуострове Малакка с прилегающими островами, а также на северной части острова Калимантан. Все федеральные единицы называются штатами, но их статус неодинаков. Девять из них, находящиеся на Малаккском полуострове, являются княжествами (султанатами),

* Параграф написан на основе материалов проф. Л. М. Ефимовой.

которые возглавляют пожизненные правители. Их власть имеет наследственный характер. В семи княжествах они именуются султанами, в княжестве Перлис правитель называется раджа, в султанате Негери-Сембилан — главный правитель, так как это княжество представляет собой сложившееся к концу XVIII в. объединение более мелких княжеств, каждое из которых имеет своего наследственного правителя. Султаны не обладают абсолютной властью в княжествах, так как там, подобно индийским штатам, на основе всеобщих выборов избираются законодательные ассамблеи и формируются правительства во главе с министрами. Тем не менее малайские султаны играют важную роль в политической жизни страны, так как они избирают главу государства. Глава государства — монарх, но пост монарха — не наследственный, и в этом уникальность политической системы Малайзии. Избирать и быть избранным на пост монарха имеют право только правители девяти малайских княжеств. Конференция правителей (Совет правителей) избирает из своего состава сроком на пять лет конституционного монарха, возглавляющего всю федерацию. Одновременно с Верховным правителем (монархом) также из глав султанатов избирается его заместитель.

На пост главы государства обычно избирается старший по возрасту в порядке очередности, но нельзя повторно избирать султана Верховным правителем, пока главы всех княжеств не побывают на этом посту. Такая система дает прочность федеративному устройству государства. Верховный правитель имеет самый высокий социальный статус и ранг в стране. За ним следует его жена, затем султаны и губернаторы. Верховный правитель может быть отстранен от власти только решением совета султанов. Монарх выполняет представительские функции главы государства, советуясь с парламентом и правительством.

Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает советы при назначении судей, генерального прокурора, членов избирательной комиссии и комиссии государственной службы, которая ведает назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Совет принимает или отвергает законы, касающиеся вопросов, связанных с изменением границ княжеств.

Правители княжеств пользуются на своих территориях особыми привилегиями. Они юридически неприкосновенны. Им также принадлежат все права, prerogative и полномочия конфессионального главы в своем султанате. Султаны поддерживают и регулируемую систему социальной организации в своем княжестве, а также решают вопросы, связанные с национальными обычаями и традициями.

Высшим законодательным органом Федерации Малайзии является федеральный парламент, который состоит из сената и палаты предста-

вителей. Председатель сената и спикер палаты представителей определяют дату начала сессии парламента, а Верховный правитель объявляет о его созыве. Парламент вырабатывает и утверждает законы, распространяющиеся на всю территорию страны. Он контролирует финансовую деятельность правительства и является местом выражения общественного мнения по вопросам, имеющим общенациональное значение.

Сенат состоит из 68 членов, 40 из которых назначаются Верховным правителем. Назначаются также два представителя от федеральной столичной территории. Остальные 26 членов сената — по два от каждого султаната и штата — избираются на их законодательных ассамблеях. Председатель сената и его заместитель выбираются из числа сенаторов. Палата представителей полностью выборная. Спикер и его заместители избираются членами палаты представителей. Парламент функционирует в течение пяти лет со дня первой сессии, после чего считается автоматически распущенным. Затем в течение двух — трех месяцев должны быть проведены всеобщие выборы в палату представителей.

Главой исполнительной власти является премьер-министр. Он должен обладать гражданством Малайзии по закону, а не иметь его путем регистрации или натурализации, а также быть членом палаты представителей (не может быть членом сената). Премьер-министр председательствует на заседаниях правительства, координирует его политику и административную деятельность министерств и ведомств. Он «дает советы» монарху при назначении судей, членов Избирательной комиссии, Комиссии государственной службы и других высших чиновников. Верховный правитель назначает кабинет — совет министров, состоящий из премьер-министра и министров, которые обязательно должны быть членами парламента (палаты представителей или сената). Министры назначаются Верховным правителем «по совету» премьер-министра.

Как правило, правительство формирует партия, получившая большинство на всеобщих выборах. Лидер такой партии становится премьер-министром. Если же этот лидер теряет доверие большинства членов палаты представителей, то кабинет уходит в отставку либо он просит, чтобы Верховный правитель распустил парламента (фактически только палату представителей). Конституцией предусмотрено, что монарх может не согласиться с этим в том случае, если существует возможность создания иной партийной коалиции, способной получить вотум доверия в парламенте.

Судебная власть в стране представлена Верховным судом, Высшим судом Малайи (для территорий Западной Малайзии, расположенных на Малаккском полуострове) и Высшим судом Борнео (для территорий Восточной Малайзии, расположенных на этом острове). Существует и

система шариатских судов, решающих дела по вопросам брачно-семейных отношений исключительно среди мусульман. Суды юридически независимы и не входят в систему министерства юстиции.

Как уже отмечалось, девять султанатов представляет собой конституционные монархии. Наряду с наследственным правителем в каждом султанате имеются своя конституция и демократические органы власти — законодательные ассамблеи, состоящие из одной палаты. Они осуществляют законодательные акты по вопросам, которые не зарезервированы федеральными законами и конституцией всей страны. Остальные четыре федеральные территории (кроме особого столичного округа) возглавляются назначаемыми губернаторами, которые в отличие от султанов могут принадлежать к некоренным этносам Малайзии. Губернаторы не входят в Совет правителей, не участвуют в выборах Верховного правителя. В остальном власть в штатах построена по такому же образцу, как и власть в султанатах.

Интересно отметить, что ряд западных политологов (к примеру, Дж. Д. Дербишайр и Я. Дербишайр) считают такую своеобразную политическую систему либеральной демократией¹.

По конституции Малайской федерации (1957), а также Акту о Малайзии (1963) религия не отделена от государства. Ислам в Малайзии является государственной религией, однако ислам — официальная религия в Западной Малайзии и не является таковой для Восточной. Гарантируется свобода отправления и других религиозных культов, но сурово карается пропаганда иных верований среди мусульман. В стране не существует лица, которое выступало бы в качестве единого для всей федерации главы ислама. Духовная власть над мусульманами в отдельных султанатах признается за султанами, а в штатах, где нет наследственных правителей, — за главой государства — Верховным правителем. При султанах и губернаторах действуют советы по вопросам ислама, иногда и адата. Таким советом (*маджлисом*) руководит муфтий.

В Малайзии — развитая партийная система, состоящая примерно из 30 политических партий, которые нередко образованы по этническому принципу. Крупнейшими партиями малайской общины являются Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) — самая большая и влиятельная партия страны, и Исламская партия Малайзии (ПАС), основывающаяся на религиозных постулатах ислама. Интересы китайской общины отражают Китайская ассоциация Малайзии (КАМ) и Партия демократического действия (ДАП). От имени индийской об-

¹ См.: Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004. Т. 1. С. 212.

шины выступает Индийский конгресс Малайзии (ИКМ). Ряд партий действует на межэтнической основе, выдвигая требования равенства всех этнических групп и общей демократизации страны. К ним относятся Партия справедливости, Народная партия и др.

В Малайзии также де-факто существует доминантная партийная система, так как правящей партией с момента провозглашения независимости неизменно остается ОМНО. Она опирается на блок поддерживающих ее политику партий, объединенных в рамках Национального фронта (13 партий, представляющих все конфессиональные и этнические группы страны). Оппозицию правящему блоку составляют исламская ПАС, Партия справедливости, Народная партия и ряд других. Как и в Национальном фронте, в оппозиции представлены все конфессии и этносы Малайзии.

Малайцы и другие коренные жители считаются гражданами Малайзии по закону. Автоматически гражданство страны получило также небольшое число лиц китайского происхождения, родившихся в Малакке и Пинанге. Остальное взрослое немалайское население должно было получать гражданство путем регистрации и натурализации.

Для достижения наибольшего сплочения полиэтнического и поликонфессионального общества страны с целью создания в конечном счете единой малайзийской нации в 1970 г. была обнародована национальная идеология Рукунегара (основы государства). Она включает пять принципов: веру в Бога, преданность монарху и государству, уважение конституции, соблюдение законов, достойное поведение и выполнение норм морали. Провозглашается равенство граждан перед законом, запрещаются действия, задевающие чувства граждан других национальных групп, декларируется веротерпимость, несмотря на признание ислама государственной религией.

Республика Индонезия провозгласила свою независимость 17 августа 1945 г. По принятой 18 августа 1945 г. первой и единственно действующей конституции Республики панчасила (пять принципов) декларировались в качестве «философской основы» национальной индонезийской государственности. Первый принцип — монотеизм (вера в единого бога) — провозглашал равенство всех существующих в стране религий, свободу вероисповедания. Второй — гуманизм (или интернационализм) — говорил о миролюбии индонезийского государства и неприятии шовинизма. Третий — национализм — подразумевал создание независимого единого государства и построение единой нации. Четвертый принцип — демократия (или народность) — предполагал, что управление страной должно базироваться на волеизъявлении народа, т.е. широком обсуждении перед принятием решений. Пятый принцип — соци-

альная справедливость — подчеркивал стремление обеспечить благополучное существование для всего народа.

По конституции Индонезия является унитарным государством, президентской республикой с системой выборных представительных органов. Конституция Индонезии, в отличие от малайской, не провозглашала принципа разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Прерогативы президента включали широкие законодательные и исполнительные полномочия. К тому же, согласно ст. 33 конституции, экономика страны должна создаваться совместными усилиями на основе «семейности», т.е. в интересах не только отдельных собственников, но и всего народа при руководящей роли государства.

Высшим представительным органом власти является Народный консультативный конгресс (НKK). Его членами могут быть граждане Индонезии, достигшие 21 года, верующие в Бога, хорошо владеющие индонезийским языком, признающие принципы Панчасила. НKK состоит из депутатов Совета народных представителей (парламента) и, согласно поправкам 2002 г. к конституции 1945 г., членов Совета представителей регионов (СПР). НKK наделен правом принимать и изменять конституцию, определять генеральный курс государственной политики. Срок деятельности НKK — пять лет.

Совет народных представителей (парламент) формируется на основе всеобщих выборов. Совет представителей регионов формируется из равного числа представителей от каждой провинции, избираемых посредством всеобщих выборов.

До недавнего времени президента и вице-президента Индонезии избирал НKK. Однако, согласно принятым в 2002 г. поправкам к конституции, президент и вице-президент избираются непосредственно народом на всеобщих выборах сроком на пять лет. Президентом республики может быть только гражданин Индонезии.

По конституции при президенте создается Высший совещательный совет, наделенный правом давать консультации президенту по его запросам, а также вносить свои предложения правительству относительно тех или иных проблем. Совет формируется президентом из представителей политических партий и групп.

Президент Республики Индонезии имеет широкие законодательные и исполнительные полномочия. Именно он управляет государством. Президент наделен правом издавать по согласованию с парламентом законы и утверждать постановления правительства. Ему принадлежит важная роль в формировании законодательных органов власти. Являясь главой исполнительной власти, президент единолично решает вопросы назначения и снятия с постов министров правительства. Прези-

дент является верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны, назначает послов и консулов, обладает правом амнистии и помилования, присвоения званий и почетных знаков отличия.

Возглавляемый президентом Кабинет министров наделен правом издавать с согласия парламента законы. Назначаемые президентом министры возглавляют правительственные департаменты (министерства). Правительство Республики Индонезии и его министры неподотчетны парламенту.

Судебная власть в стране осуществляется Верховным судом и другими судебными органами. Члены Верховного суда назначаются президентом. При Верховном суде действует Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором, назначаемым президентом. Верховный суд и все остальные суды в осуществлении своей юридической деятельности формально независимы от исполнительной власти. В Индонезии действует также система мусульманских шариатских судов. Она представлена судами нескольких ступеней. Низшая ступень — суд кади при приходе той или иной мечети, средняя — окружные шариатские суды, высшая — Верховный шариатский суд. На Яве и Калимантане сфера исламской юрисдикции ограничена решением брачно-семейных отношений, в остальных местностях дополнена разбором тяжб о наследстве, а также вопросов, связанных с вакфами — средствами либо имуществом, пожертвованными отдельными лицами или государством на религиозные и благотворительные цели.

В административном отношении Республика Индонезия делится на 32 провинции и одну особую территорию, на которой расположена столица страны — Джакарта. Власть в провинции возглавляет губернатор и провинциальный совет народных представителей. Губернатор провинции назначается президентом при предварительном обсуждении его кандидатуры с местным советом народных представителей. Губернатор является государственным должностным лицом, не несущим ответственности перед провинциальным советом народных представителей. Губернатор утверждается сроком на пять лет. Ему помогает вице-губернатор, также назначаемый президентом.

Провинциальные советы народных представителей избираются посредством всеобщих выборов сроком на пять лет. Они наделены правом утверждать бюджет провинции и решать другие вопросы, связанные с управлением провинции.

В Индонезии действует многопартийная система. В качестве наиболее массовых и влиятельных выделились семь партий. Среди них — Голкар, который тоже официально превратился в политическую партию, лишенную прежних привилегий, а также Индонезийская демократиче-

ская партия борьбы, отколовшаяся от Демократической партии Индонезии и возглавляемая дочерью первого президента Индонезии Сукарно Мегавати Сукарнопутри. В число влиятельных партий входит Демократическая партия Индонезии. В стране существует и более десятка исламских партий. Наиболее влиятельными из них являются Партия национального мандата (ПНМ) и Партия национального пробуждения (ПКП).

Сингапур является государством с республиканской формой правления. Бывшая колония Великобритании, Сингапур в 1959 г. получил статус «самоуправляющегося государства» под опекой Англии, 16 сентября 1963 г. вошел в состав Федерации Малайзии, а 9 августа 1965 г., выйдя из состава Малайзии, провозгласил себя самостоятельным государством.

По конституции 31 марта 1980 г., в которую вошли и некоторые положения конституции Малайзии, Сингапур стал суверенной светской республикой. Конституцией утверждается принцип равенства граждан независимо от национальной принадлежности, происхождения и вероисповедания. Она узаконивает положение сингапурских малайцев как коренных жителей острова, но, в отличие от Малайзии, предоставляет им привилегии лишь в области образования. Малайский язык объявлен государственным, однако английский, китайский и тамильский имеют статус официальных языков.

Согласно конституции все граждане, достигшие 21 года, независимо от пола, национальности, вероисповедания, образования и размеров дохода, имеют право избирать и быть избранными. Выборы всеобщие и прямые, при тайном голосовании.

Сингапур — парламентская республика. Однопалатный парламент является высшим органом государственной власти. Срок полномочий парламента — пять лет. Работу парламента возглавляет его председатель (спикер). Парламент избирает президента республики сроком на четыре года. Президенту помогает вице-президент.

Функции президента — формального главы государства — носят в основном символический характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством. Полномочия главы государства в формировании правительства на практике имеют номинальное значение. Согласно конституции президент утверждает лидера партии большинства на посту премьер-министра. Премьер-министр назначает своего заместителя и министров. Назначения утверждаются главой государства. Премьер-министр и его кабинет несут коллегиальную ответственность перед парламентом.

Высшим судебным органом страны является Верховный суд. Его члены назначаются президентом после согласования с премьер-министром.

Верховный суд и судьи формально независимы от исполнительной власти. Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором утверждаются президентом после согласования с премьер-министром.

В Сингапуре зарегистрировано 20 политических партий, однако Партия народного действия (ПНД) фактически является доминантной.

Эволюция политической системы Монголии*

Монголоязычные народы к началу XX в. были разделены границами нескольких государств — население Внешней и Внутренней Монголии находилось в составе Китая, племена Бурятии — в составе Российской империи, Тува (Урянхайский край) до 1911 г. формально была частью Китая, а в 1914 г. перешла под протекторат царской России. В декабре 1911 г. Внешняя Монголия, воспользовавшись кризисом Цинской империи, который привел к Синьхайской революции 1911–1913 гг. и образованию в 1912 г. Китайской республики, провозгласила свою независимость. В 1915 г. специальным тройственным (Россия — Китай — Внешняя Монголия) Кяхтинским соглашением она была сведена до уровня автономии в составе Китая. Несмотря на сложности с признанием независимости де-юре, монголы фактически восстанавливают на короткий период (1911–1919) свою национальную государственность де-факто в форме теократической монархии. В 1911 г. светским и духовным правителем Внешней Монголии был провозглашен Богдо-гэгэн. Созданное монгольское государство — буддийская (ламаистская) монархия — реанимировало духовные и политические институты монгольского общества, существовавшие до захвата Монголии Китаем. В эти годы была предпринята также попытка объединения всех монгольских племен (и Внешней, и Внутренней Монголии) под знаменем Богдо-гэгэна (движение панмонголизма).

Кяхтинская система, оформленная в 1915 г., поддержала сложившуюся монгольскую политическую систему — теократическую монархию. В июле 1921 г. в Урге (столице Внешней Монголии) с помощью отрядов Красной Армии созданного в 1917 г. Советского государства и уполномоченных Коминтерна была установлена «народная» власть монгольской революционной партии во главе с Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном. Ставшая правящей, Монгольская Народно-революционная партия (МНРП), подготовленная в кадровом и идеологическом отношении Восточным секретариатом Коминтерна в Советской России, взяла курс

* В параграфе использованы материалы проф. С. Г. Лузянина.

на создание новой, «революционной» политической системы, ориентированной на классовые ценности и социалистические идеалы.

В 1924 г. после смерти главы теократической монархии Богдо-гэгэна VII в стране была принята конституция, написанная по советскому образцу, и в декабре провозглашена Монгольская Народная Республика (МНР), образован высший законодательный орган — Великий народный хурал (ВНХ), правительство, другие ветви власти. Созданные ветви власти формально выполняли исполнительную, законодательную и судебную функции, но фактически отражали сложившуюся после 1928 г. жесткую однопартийную систему МНРП, копировавшую сталинскую (советскую) модель, которая оформилась в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. в СССР.

В 1940 г. на VIII съезде ВНХ была принята новая конституция МНР, ограничивающая в правах «классово чуждые элементы» монгольского общества. Одновременно в стране формируется культ личности маршала Х. Чойбалсана и система его абсолютной диктаторской власти. Именно в эти годы были уничтожены тысячи монастырей, расстреляны сотни тысяч лам и, таким образом, разрушен один из традиционных религиозных и социально-политических институтов Монголии — институт ламаизма. В 60–80-е годы XX в. ламаизм был частично возрожден, но существовал формально, как «декоративная пристройка» к социалистической системе. Все монгольские араты — природные кочевники — были переведены на оседлый образ жизни в рамках созданного колхозного строя в Монголии. Однако этот курс провалился, а монгольские колхозы/госхозы приняли причудливую форму «кочующих хозяйств социалистического типа».

В результате активной международной поддержки советского руководства на Ялтинской и других конференциях МНР Внешняя Монголия после Второй мировой войны, в отличие от Внутренней Монголии, получила в январе 1946 г. официальное признание независимости, прежде всего, что было особенно важно, от Китая. В 1961 г. МНР стала полноправным членом ООН и ее официально признали все ведущие державы мира в качестве самостоятельного государства.

Внутриполитические процессы в Монголии в 60–80-е годы XX в. проходили в условиях единоличного правления Председателя ЦК МНРП Юмжагийн Цеденбала. Войдя в орбиту советской системы, Монголия была включена в систему международного социалистического разделения труда, действовавшего в рамках СЭВ. В политическом плане монгольское партийное руководство во главе с Ю. Цеденбалом полностью зависело от воли ЦК КПСС. Для партийно-государственной жизни Монголии, так же как и для его советского «старшего брата», были ха-

рактерны отсутствие демократии и плюрализма, жесткая коммунистическая однопартийная система.

В 1952 г. в МНР была проведена реформа избирательной системы. На IX съезде ВНХ всем гражданам предоставлено равное избирательное право, а в 1960 г. была принята Новая Конституция МНР, провозгласившая создание социалистического государства. Таким образом, принятием конституции была реализована политическая доктрина, предназначенная не только для Монголии, но и для других развивающихся стран и народов — «переход от феодализма к социализму, минуя капитализм», т.е. так называемый «некапиталистический путь развития». Фактически это был социальный эксперимент по искусственному моделированию социально-политического развития. Созданная в Монголии система, по мнению С. Г. Лузянина, являлась гибридом советской системы, привнесенной на монгольскую почву, и традиционной монгольской, сохранившейся с дореволюционных времен¹.

Демократическое движение начала 1990-х годов отличалось в Монголии высоким накалом радикализма, хотя и протекало в мирной форме. Монгольская демократическая революция была звеном в общей цепи распада коммунистических режимов в странах Восточной Европы («бархатные революции») и СССР. Началась она в марте 1990 г. массовыми митингами и голодовками протеста молодых демократов, вынудивших МНРП пойти на серьезные уступки: в марте политбюро ЦК МНРП объявило о своей отставке. Новое демократическое правительство взяло курс на создание открытой либеральной экономики, новой политической структуры, основанной на принципах демократии и плюрализма, на возрождение национальной культуры и укрепление монгольской идентичности. В 1992 г. была принята конституция, политически закрепившая радикальные преобразования. Вместо старого названия «Монгольская Народная Республика» было введено новое — «Монголия». В стране был создан институт президента, избираемого народом.

По новой конституции вместо двухпалатного парламента (Великого народного хурала) был создан однопалатный Великий государственный хурал (ВГХ). Он избирается в ходе всеобщих свободных выборов путем тайного голосования на четыре года. Хуралу принадлежит инициатива обсуждения и принятия основных направлений внутренней и внешней политики страны, право назначать выборы президента и членов ВГХ, формировать кабинет министров, требовать от правительства

¹ См.: Лузянин С. Г. Эволюция политической системы и политической культуры Монголии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток — Запад, 2006. С. 606—608.

отчета по ключевым вопросам развития страны, разрабатывать финансово-кредитную, налоговую, денежную политику, утверждать бюджет и его исполнение; устанавливать государственные границы; определять структуру, состав и полномочия совета по национальной безопасности.

Как уже было отмечено, принципиально новым для политической системы Монголии стал институт президентства. По конституции президент избирается по системе двухступенчатых выборов: на первом этапе в них принимают участие все избиратели, а кандидатуру победившего утверждает Великий государственный хурал. Президенту предоставлены обширные полномочия. Он может наложить вето на любой закон или часть закона, с чем должны согласиться две трети участников сессии ВГХ. Он также имеет право выдвигать своего кандидата на пост премьер-министра, независимо от того, сколько мест имеет стоящая за ним партия в ВГХ. Президент пользуется правом требовать от Хурала отставки правительства. Одновременно он представляет Монголию на международной арене, заключает от имени страны договоры, назначает и отзывает, с согласия ВГХ, послов.

По конституции состав правительства формируется на основе победившего в Хурале партийного большинства. В этом смысле в Монголии сложилась партийно-парламентская система управления и правительство формируется на основе парламентского партийного большинства.

В Монголии в начале 90-х годов XX. начинается быстрое формирование современной плюралистичной партийной системы. Сначала стихийно, а затем официально оформились различные разрозненные и малочисленные демократические партии. В начале 1990-х годов на базе демократических партий была создана единая коалиция. Соперник демократов МНРП была зарегистрирована 16 мая 1990 г. Это не было формальной реорганизацией, фактически ее лидеры заявили, что они порвали с бывшим коммунистическим прошлым партии, открестились от всех ошибок и обвинений со стороны демократов и объявили о рождении МНРП как партии социалистического толка, выступающей за плюрализм, демократию и рыночную экономику.

В июле 1992 г. очередная сессия ВГХ утвердила закон о Великом государственном хурале, в соответствии с которым прошли первые выборы в Хурал. Выборы проходили на многопартийной основе. Голоса распределились следующим образом: МНРП — 56,9%; оппозиционная ей демократическая коалиция — 17,5%; остальные партии от 3 до 7%. Таким образом, из 76 мест в однопалатном парламенте МНРП получила 70%, а коалиция — 4%. На выборах 1996 г. в Хурал демократические партии одержали победу, сформировав свое правительство. Однако экономические результаты деятельности этого правительства были не-

удовлетворительными. За четыре года демократы не смогли справиться с кризисом, инфляцией, обострилась проблема коррупции, обнищания населения.

Итоги выборов в Хурал в 2000 г. были закономерны: МНРП, завоевав большинство мест в парламенте, сформировала однопартийное правительство, провозгласившее курс на борьбу с коррупцией и оздоровление экономики. Главой правительства (премьер-министром Монголии) стал Генеральный секретарь МНРП Н. Энхбаяр, сосредоточивший в своих руках значительную государственную и партийную власть. В 2001 г. в качестве Генсека МНРП он был переизбран на новый срок.

Таким образом, нынешняя партийная система отражает тенденцию к формированию двухпартийной системы МНРП и противостоящего ей демократического блока. Другой особенностью монгольской многопартийности является попытка скопировать западные партии и их идеологию (консервативную, либеральную, социалистическую), которая с трудом приживается на монгольской почве.

Несомненным достижением Монголии стало создание реальной демократической политической системы, формирование гражданского общества, идеологического плюрализма и терпимости. За короткий срок политическая жизнь и институты Монголии прошли большой путь — от советского варианта авторитаризма к реальной парламентской демократии, который еще не могут и вряд ли в ближайшее время пройдут ряд других постсоветских государств, в частности в Центральной Азии. В этом смысле Монголия для многих центральноазиатских государств, близких по истории развития и экономико-географическим параметрам, стала своеобразным образцом достижения реальной демократии.

Политические системы государств Корейского полуострова *

Освобождение Кореи Советской Армией от японского господства открыло перед народом этой страны возможность строительства политической системы в соответствии со своими собственными представлениями об устройстве социально-политического пространства. Однако острая конфронтация между коммунистическим и либеральными идеологическими лагерями, воплотившимися в биполярном противостоянии между СССР и США во второй половине XX в., не позволили создать на Корейском полуострове единое государство. В мае 1948 г. на

* Параграф написан на основе материалов проф. В. И. Денисова.

Юге была провозглашена Республика Корея, а в сентябре того же года на Севере — Корейская Народно-Демократическая Республика. Корейская война 1950–1953 гг. усугубила раскол страны и жесткую военно-политическую и идеологическую конфронтацию между Севером и Югом Кореи. Два корейских государства в соответствии с возобладавшими в каждой из них идеологическими представлениями начали строительство диаметрально противоположных социально-политических систем. Республика Корея, пройдя через 30-летнее господство военных диктатур, встала на путь демократического развития и рыночной экономики. КНДР на протяжении более 50 лет сохраняет тоталитарную политическую систему власти и так называемую социалистическую модель развития экономики. Вместе с тем существующие в РК и КНДР противоположные общественные системы базируются на национальной специфике и общих исторических корнях. Идеи конфуцианства, приоритет общественного над личным, строгая иерархическая система управления во многом определяют функционирование государственных механизмов и РК, и КНДР. Понятно, что США и СССР оказали решающее воздействие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах. Южная Корея заимствовала американский опыт, Северная Корея — советский. Однако по мере развития государственности на Юге и Севере политические системы «кореизировались», наполнялись национальным содержанием. Наиболее четкие очертания это приобрело в КНДР, где «кореизация» народно-демократической модели развития привела к созданию так называемого «чучхейского социализма» (социализма корейского типа).

Первая конституция Республики Корея была утверждена конституционным собранием 17 июля 1948 г. 15 августа 1948 г. было провозглашено образование Республики Корея и избран первый Президент РК, которым стал Ли Сын Ман. После этого конституция РК изменялась 9 раз (в 1952, 1954, дважды в 1960, 1962, 1969, 1972, 1980 и в 1987 гг.). Изменения конституции в 1960 г. были вызваны «студенческой революцией» и свержением Ли Сын Мана; изменения 1962 г. создали юридическую базу для режима Пак Чжон Хи.

Первый конституционный президент избирался однопалатным Национальным собранием. Первая поправка 1952 г. предусматривала избрание президента общенародным прямым голосованием, а также создание двухпалатного парламента. Поправка 1954 г. устанавливала пост вице-президента. В июле 1960 г. поправки, принятые после свержения режима Ли Сын Мана, вводили парламентскую систему правления, в которой премьер-министр являлся главой исполнительной власти, а избранный общенародным голосованием президент — главой государства

и главнокомандующим вооруженными силами. Четвертая поправка в ноябре 1960 г. позволила Национальному собранию принимать законы, имеющие обратную силу, с целью наказать виновных в преступлениях периода лисынмановского режима. Кардинальное изменение конституции в 1962 г. в результате военного переворота после прихода к власти Пак Чжон Хи отменило эти нововведения, возвратив президентскую систему правления и однопалатный парламент.

После переворота 15–16 мая 1961 г. был создан Военно-революционный комитет (позже переименованный в Высший Совет государственной реконструкции — ВСГР), введено военное положение, запрещено проведение митингов и демонстраций. 6 июня 1961 г. был издан указ о чрезвычайных мерах по реконструкции государства, заменивший конституцию. Согласно этому документу, верховным органом стал ВСГР. В декабре 1961 г. на референдуме была одобрена новая конституция (вступила в силу в 1962 г.), которая значительно расширяла полномочия президента: президент получил право назначать премьер-министра и Кабинет министров, подписывать и ратифицировать договоры, объявлять войну и т.д. Парламент стал однопалатным. В 1963 г. была сформирована Демократическая республиканская партия (ДРП), кандидатом от которой на президентских выборах стал Пак Чжон Хи; ее основным конкурентом была партия Демократического правления во главе с бывшим президентом Юн Бо Соном. В результате президентских и парламентских выборов президентом был избран Пак Чжон Хи; большинство мест в парламенте получила ДРП. Пак Чжон Хи начал реформы, основным содержанием которых явилось усиление регулирующей роли государства в политической и экономической сферах.

При Пак Чжон Хи Южная Корея была суперпрезидентской республикой. Согласно конституции 1962 г., президент мог переизбираться только один раз. В 1969 г. в конституцию была внесена поправка, позволяющая избираться президентом на три срока. На выборах 1971 г. Пак Чжон Хи вновь одержал победу, хотя, как полагают многие, выборы были фальсифицированы. 17 октября 1972 г. Пак Чжон Хи объявил в стране чрезвычайное положение. В Сеул были введены войска, партии и Национальное собрание были распущены, действие конституции приостановлено. 21 ноября 1972 г. на референдуме получила одобрение новая конституция. По своему содержанию она была антидемократичной, в ней сильно ограничивались свободы граждан. Президент избирался на шесть лет не прямым голосованием, а коллегией выборщиков на любое количество сроков. Парламент заменен Национальной конференцией. Был принят также новый закон о выборах и политических партиях, который отвергал любую оппозицию режиму. 23 декабря Пак Чжон Хи стал

президентом. Новый режим стал жестко авторитарным: подавлялись любые проявления инакомыслия, личная жизнь граждан строго регламентировалась. В стране была введена система взаимной ответственности и слежки. В 1974 г. были приняты новые чрезвычайные правительственные декреты, запрещающие любую критику конституции, вводились военные трибуналы, широко применялась смертная казнь и пожизненное заключение.

После убийства Пак Чжон Хи 26 октября 1979 г. в стране начались бурные процессы, завершившиеся приходом к власти военного режима Чон Ду Хвана. Скорректированная конституция предусматривала занятие президентом своего поста в течение одного семилетнего срока, сохраняя систему коллегии выборщиков (тем самым гарантировалось избрание Чон Ду Хвана).

Значимые изменения были проведены президентом Ро Дэ У в 1987 г. В частности, восстановлены прямые общенародные выборы президента, а срок его полномочий ограничен пятью годами. Было восстановлено право Национального собрания (избираемого сроком на четыре года) осуществлять парламентские инспекции государственных органов, декларирована большая независимость органов правосудия.

Ныне действующая конституция была принята в 1987 г. Согласно конституции, Республика Корея — демократическая республика, суверенитет которой исходит от ее народа, которому гарантированы основные права и свободы (равенство перед законом независимо от пола, религии, социального положения, защищенность от произвольного ареста, свобода передвижения и выбора места жительства, право принимать участие в голосовании и занимать выборные должности, право получить юридическую помощь в случае ареста или задержания, право судебного рассмотрения законности ареста или задержания, право на тайну переписки, свобода совести, слова, прессы и собраний). Помимо гарантированных основных прав и свобод, конституция РК провозглашает, что государство должно предпринимать меры для обеспечения граждан РК возможностью проживать в незагрязненной среде обитания, получать начальное образование и продолжать его, иметь работу и минимальный заработок, получать социальную помощь в случае инвалидности, охранять неприкосновенность частной жизни. В конституции содержатся гарантии частной собственности, права на труд, выбор профессии, права на заключение коллективных договоров. Основной закон вместе с тем предусматривает возможности ограничения экономических прав граждан в случае общественной необходимости, одновременно вводит конституционную обязанность платить налоги.

Предложения об изменении конституции могут быть внесены президентом или большинством Национального собрания. Национальное собрание обязано принять решение по этим предложениям в течение 60 дней, причем требуется квалифицированное ($\frac{2}{3}$) большинство голосов. Кроме того, для введения изменений конституции в действие требуется одобрение простым большинством голосов на общенародном референдуме в течение 30 дней после принятия соответствующего решения Национальным собранием, причем в голосовании должно принять участие не менее половины имеющих право голоса.

В конституции РК содержится ряд особенностей, отличающих ее от основных законов других государств. В главе I «Основные положения» есть ряд моментов, специфических именно для Кореи. Статья 3 определяет территорию РК как территорию всего Корейского полуострова. КНДР фактически рассматривается как незаконное государственное образование. Статья 4 обязывает государство стремиться к объединению страны в соответствии с принципами свободы и демократии. Статья 6 предусматривает равное действие на территории страны внутренних законов и международных договоров. Статья 8 предусматривает защиту со стороны государства политических партий и их финансирование за счет государства. Глава II «Права и обязанности граждан» также включает ряд особых положений. Статья 20 конституционно закрепляет отсутствие государственной религии и отделение церкви от государства. Статья 21 провозглашает отсутствие цензуры, вместе с тем предусматривает наличие законодательства, определяющего стандарты функционирования прессы. Статья 23 содержит ограничения частной собственности «во имя общественного блага». Статья 27 предусматривает ряд случаев, когда граждане, не являющиеся военными, могут быть отданы под трибунал (военно-полевой суд). Статья 31 обязывает родителей давать детям, по крайней мере, начальное образование, которое должно быть бесплатным, при этом государство гарантирует профессионализм и политическую беспристрастность. Статья 32 гласит, что государство предоставляет рабочие места и обеспечивает оптимальную заработную плату, но при этом обязывает всех граждан работать. Предусматривается защита со стороны государства работающим женщинам и детям. Оговаривается усечение права на коллективные действия работников оборонных предприятий, которое может быть ограничено или вообще отменено.

Статья 119 предусматривает «регулирующую и координирующую» роль государства в экономике, статья 120 — лицензирование со стороны государства отдельных видов экономической деятельности, статьи 121–123 — государственное регулирование аграрных отношений и

рыболовства, статья 125 — регулирование и координацию внешней торговли.

Главным законодательным органом РК является однопалатное Национальное собрание. В состав НС РК входят 273 депутата, из которых 227 избираются по одномандатным территориальным округам, а 46 мест распределяются между политическими партиями, получившими не менее 5 мест в округах, пропорционально общему числу голосов, поданных за их кандидатов по всей стране. Срок полномочий депутатов 4 года. В выборах участвуют граждане РК не моложе 20 лет. В Национальное собрание может быть избран гражданин не моложе 25 лет. Депутаты не могут занимать иных постов, пользуются иммунитетом в период сессий (кроме случаев поимки с поличным). Депутаты не могут привлекаться к ответственности за высказывание мнения в Национальном собрании (кроме оскорбления и клеветы).

Президентская форма правления считается в РК наиболее подходящей для конкретно-исторических условий страны. Президент РК является главой государства и представляет ее в сношениях с другими государствами. Он также является главой исполнительной власти и верховным главнокомандующим вооруженными силами. В случае смерти или неспособности президента исполнять свои обязанности функции временного главы государства исполняет премьер-министр или, в случае необходимости, один из членов Государственного совета в соответствии с законодательно установленным порядком передачи власти.

Президент избирается на один пятилетний срок всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. По конституции президент является основным ее гарантом, так же как и гарантом независимости, территориальной целостности государства. В качестве главы исполнительной власти президент вводит в действие все законы, принятые законодательной ветвью, издает соответствующие указы. Президент руководит правительством и другими органами исполнительной власти. Он назначает высших чиновников, включая премьер-министра и руководителей правительственных ведомств. В качестве верховного главнокомандующего президент имеет право объявления войны, имеет высшую власть над вооруженными силами и в области военной политики. Согласно нынешней политической практике Президент РК является лидером правящей партии. Он производит назначения в руководстве партии, консультируется с руководителем правящей партии по назначениям в правительстве. Он обладает правом законодательной инициативы: может вносить законопроекты в Национальное собрание, высказывает свою точку зрения (письменно или устно) законодательному органу. Президент не имеет права распустить парламент.

Он обладает широкими полномочиями в чрезвычайных ситуациях, в случае гражданских беспорядков, внешней угрозы, природных катастроф или серьезных экономических и финансовых кризисов. Президент обязан принять соответствующие меры, включая издание указов прямого действия. Однако к таким действиям он может прибегнуть только в случае, когда нет достаточного времени для созыва Национального собрания и эти меры необходимы для сохранения общественного порядка и защиты национальной безопасности. Однако в последующем он обязан получить одобрение парламента на предпринятые им меры: в противном случае его указы будут признаны не имеющими силу. Президент имеет право объявить чрезвычайное положение в соответствии с действующим законодательством в случае войны, вооруженных столкновений или иной чрезвычайной ситуации. Сохранение чрезвычайного положения, однако, также нуждается в одобрении парламентом.

Высшим органом исполнительной власти является Государственный совет, председателем которого по должности является президент, а заместителем председателя — премьер-министр. В состав Госсовета входят главы ведомств в ранге министров, их число не менее 15, но не более 30. Госсовет является консультативным органом, обсуждающим и готовящим рекомендации по важнейшим государственным вопросам для президента. Согласно ст. 89 конституции, на рассмотрение Госсовета должны выноситься следующие вопросы: принципиальные направления государственной политики и работы исполнительной власти; вопросы войны и мира и другие важнейшие вопросы внешней политики; проекты поправок к конституции, предложения об общенациональных референдумах, важнейшие законопроекты и проекты указов президента, международных договоров; важнейшие финансовые вопросы: проекты госбюджета, вопросы распоряжения госсобственностью, крупные контракты, предусматривающие государственные обязательства, и т.п.; указы президента об объявлении чрезвычайного положения, чрезвычайных финансово-экономических мер и других важных вопросов, а также ряд других.

В РК действуют суды трех уровней: Верховный суд, высшие суды (промежуточная апелляциянная инстанция) и окружные суды (суды первой инстанции), филиалами которых являются так называемые отраслевые (или кустовые) и муниципальные суды. Окружные и высшие суды создаются по географическому принципу. В РК имеется пять высших судов (Сеул, Пусан, Тэгу, Кванчжу и Тэчжон), 12 окружных, 42 кустовых и 105 муниципальных судов.

Закон о судебной системе предоставляет судам общее право на рассмотрение всех гражданских, уголовных, административных дел, а так-

же дел, связанных с нарушениями законодательства о выборах, и любых других, определенных корейским законодательством. В армии создаются военные трибуналы для рассмотрения дел о воинских преступлениях.

Верховный суд является высшей судебной инстанцией государства. Как суд последней инстанции Верховный суд принимает к рассмотрению апелляции по приговорам и решениям, вынесенным высшими судами, апелляционными слушаниями окружных судов и военными трибуналами. Высшие суды являются промежуточной апелляционной инстанцией в отношении решений или приговоров окружных судов, вынесенных коллегией из трех судей. Одновременно они могут являться судами первой инстанции при рассмотрении некоторых видов дел об административных правонарушениях. Дела в высших судах рассматриваются коллегией в составе трех судей.

К специализированным видам судов относится Семейный суд (он существует только в Сеуле), рассматривающий семейные дела и случаи правонарушений со стороны несовершеннолетних. К юрисдикции Семейного суда относятся все семейные споры и конфликты, имеющие правовое значение. При рассмотрении этих дел широко применяется согласительная процедура. На периферии функции семейных судов исполняют окружные суды.

Срок пребывания судей в должности определен законом в 10 лет (для членов Верховного суда — 6 лет), однако имеются случаи назначения судей на повторный срок, за исключением председателя Верховного суда, повторное назначение которого не допускается. Предельный возраст пребывания в должности — для председателя Верховного суда — 70 лет, для членов Верховного суда — 65, для других судей — 63 года. Независимость судей и их политический нейтралитет гарантируются законодательно. В частности, Законом о судебной системе предусмотрено, что судья не может в течение срока полномочий быть отстранен от должности, за исключением случаев совершения им уголовного преступления; судья может быть подвергнут дисциплинарному наказанию или понижению в зарплате только по решению дисциплинарной комиссии Верховного суда; на срок полномочий ограничивается участие судей в политической деятельности.

В функции Конституционного суда входит принятие решений о конституционности законов, импичменте, роспуске политических партий, урегулировании споров между государственными организациями и ведомствами, между государственными ведомствами и органами местного управления. Конституционный суд состоит из 9 судей, назначаемых президентом. При этом трое назначаются из числа лиц, предложенных

Национальным собранием, а кандидатуры еще трех выдвигает Верховный судья. Глава Конституционного суда назначается президентом с согласия Национального собрания.

Срок полномочий судей — 6 лет с возможностью повторного назначения, в течение которых они не могут состоять в каких-либо политических партиях и заниматься политической деятельностью. Судьи не могут быть смещены с должности, кроме случаев импичмента, тюремного заключения. Для принятия соответствующего решения необходимо совпадение голосов не менее 6 судей.

В настоящее время в Южной Корее действует несколько политических партий. Правящая Открытая наша партия (ОНП) создана в 2002 г. после распада Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ) бывшего президента Ким Дэ Чжуна. Главная оппозиционная Партия великой страны (ПВС), возглавляемая Пак Кён Хе, дочерью бывшего президента Южной Кореи Пак Чжон Хи. В парламенте РК представлена левая партия — Демократическая рабочая (ДРП), а также ДПНТ. Финансирование политических партий в Южной Корее регулируется Законом о политических фондах. Допускаются также пожертвования и субсидии из госбюджета. 50% субсидий распределяются среди партий, имеющих свои фракции в парламенте. В стране практически ежегодно всплывают факты коррупционных связей партий и бизнеса, вызывающие резкие осуждения общественности. Характерной особенностью партийного строительства в Южной Корее является создание клановых, региональных партий. По существу, партии формируются под своего политического босса и используются в качестве средства борьбы за власть. Зачастую партии создаются из идеологически непримиримых группировок.

Общественные организации РК имеют сравнительно короткую историю. До 1987 г. гражданские движения в большинстве своем рассматривались как незаконные и подрывные. После прихода к власти гражданских лидеров в Южной Корее стали активно развиваться неправительственные организации (НПО). В стране быстрыми темпами растет число неправительственных организаций (с 3300 в 1997 г. до 7 тыс. в 2005 г.). В РК представлены такие крупные международные неправительственные организации, как «Эмнести интернэшнл», «Гринпис» и многие другие. Возрастает роль НПО в борьбе с коррупцией в ходе предвыборных кампаний. Несмотря на известный прогресс, достигнутый в развитии общественных организаций в РК, гражданское движение в стране находится еще в стадии становления.

В ноябре 1947 г. третья сессия Народного собрания Северной Кореи (сформировано на первом съезде народных комитетов в феврале 1947 г.)

создала комиссию для подготовки проекта временной конституции. В апреле 1948 г. комиссия одобрила проект конституции. На состоявшемся в июне 1948 г. втором Объединенном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи в Пхеньяне было обсуждено положение, сложившееся в результате проведенных в Южной Корее незадолго до этого выборов и создания Республики Корея. Было принято решение о проведении всеобщих выборов в Северной и Южной Корее в единое Верховное народное собрание Кореи и об образовании единого правительства. Предусматривалось, что в Северной Корее эти выборы будут прямыми, равными, при тайном голосовании, а в Южной Корее — косвенными.

В соответствии с решениями Объединенного совещания в августе 1948 г. были организованы всеобщие выборы в Верховное народное собрание Кореи. В него было избрано 572 депутата: 360 депутатов от Южной Кореи и 212 — от Северной.

Принятая Верховным народным собранием 8 сентября 1948 г. Конституция КНДР отразила основные черты политической системы Северной Кореи. По своей направленности конституция 1948 г. была социалистической и основана на советской конституции, хотя и не содержала упоминаний о социализме и диктатуре пролетариата, о социалистическом характере народно-демократического государства в КНДР. Она юридически оформила переход власти в руки представительных органов советского типа. Власть в Корейской Народно-Демократической Республике, говорилось в ст. 2, принадлежит народу и осуществляется высшим органом его власти — Верховным народным собранием при содействии местных органов власти в лице народных комитетов.

В конституции нашла отражение многоукладность экономики — наличие государственного, кооперативного, частнокапиталистического и мелкотоварного секторов. Однако основные средства производства были объявлены собственностью государства.

Конституция декларировала передачу земли в руки крестьянства, разрешала гражданам частную предпринимательскую деятельность, ограничив ее сферами мелкой и средней промышленности и торговли. Конституция отразила также принцип народнохозяйственного планирования, развития экономики и культуры по единому народнохозяйственному плану.

Основной закон декларировал предоставление гражданам КНДР демократических прав и свобод, провозгласил равноправие граждан КНДР независимо от пола, национальности, вероисповедания, профессии, имущественного положения, образования во всех областях государственной, политической, экономической, общественной и культур-

ной жизни (ст. 11). Была юридически оформлена избирательная система. Получили право избирать и быть избранными в органы государственной власти все граждане, достигшие 20 лет, независимо от пола, национальности, вероисповедания, оседлости, образования, социального и имущественного положения, за исключением лиц, лишенных избирательных прав по приговору суда, прояпонских элементов и национальных предателей, а также умалишенных.

Гражданам были декларированы гарантии свободы слова, печати, объединений, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свободы вероисповедания и отправления религиозных культов, а также права на создание демократических политических партий, профессиональных союзов, различных обществ и на участие в деятельности всех этих организаций (ст. 13). Конституция закрепила принцип равного вознаграждения за равный труд, право на отдых, на социальное обеспечение, право на образование (ст. 15–18).

Основной закон КНДР определил 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих, установил ежегодный оплачиваемый отпуск, юридически закрепил право на социальное обеспечение по старости, в случае болезни, потери трудоспособности. Это право гарантировалось посредством предоставления бесплатной медицинской и материальной помощи. Было введено обязательное бесплатное образование, что стало для Северной Кореи серьезным достижением (к моменту освобождения Кореи только на Севере насчитывалось более 2 млн неграмотных, не было ни одного высшего учебного заведения).

Конституция КНДР 1948 г. определила обязанности граждан. Она устанавливала, что наивысшим долгом граждан КНДР является защита Родины, революционных завоеваний корейского народа (ст. 28). Граждане КНДР обязаны трудиться — труд в КНДР является основой развития народного хозяйства и культуры (ст. 30).

Конституция регламентировала систему государственных органов КНДР. Высшим органом государственной власти являлось Верховное народное собрание, которое осуществляло законодательные, планово-бюджетные и другие функции. Оно избирало Президиум, который в период между сессиями Верховного народного собрания был высшим органом власти КНДР (ст. 32, 33, 47). Высшим исполнительным органом государственной власти был назван Кабинет министров, который объединял и направлял деятельность министерств и ведомств, находившихся в его подчинении.

Конституция закрепила систему местных органов власти и управления, созданных в Северной Корее после освобождения. Местными органами государственной власти в провинциях, городах, уездах, волостях и

селах объявлялись народные комитеты (ст. 68). Конституция также закрепила демократические принципы организации и деятельности судебной системы и органов прокурорского надзора.

В текст Конституции КНДР 1948 г. уже в первые годы существования КНДР вносились изменения и дополнения. Восьмая сессия Верховного народного собрания КНДР 30 октября 1954 г. приняла Закон о продлении срока полномочий Верховного народного собрания с трех до четырех лет. Были внесены изменения в главу V (ст. 68–81) о местных органах власти. Вместо единых народных комитетов, выполнявших функции органов государственной власти и органов управления, были созданы народные собрания в качестве местных органов власти. Девятая сессия Верховного народного собрания (5 ноября 1956 г.) снизила возрастную ценз с 20 до 18 лет. Первая сессия Верховного народного собрания третьего созыва (12 октября 1962 г.) внесла изменения в ст. 35 Конституции, определявшую нормы представительства при выборах депутатов в Верховное народное собрание: ранее один депутат избирался от 50 тыс., а в соответствии с новым законом — от 30 тыс. человек.

27 декабря 1972 г. Верховное народное собрание КНДР приняло новую конституцию, которая провозгласила КНДР суверенным социалистическим государством, представляющим интересы всего корейского народа (ст. 1). В ст. 72 Конституции основной народной власти назван союз рабочего класса и крестьянства, руководимого рабочим классом. Конституция определила характер власти в стране как диктатуру пролетариата (ст. 10). В ст. 4 было записано, что КНДР в своей деятельности руководствуется идеологией Трудовой партии Кореи. Согласно конституции, основной формой осуществления государственной власти в КНДР является представительная демократия. Трудовой народ осуществляет власть через свои представительные органы — Верховное народное собрание и местные народные собрания всех ступеней (ст. 7), которые составляют политическую основу корейского социалистического государства.

Конституция 1972 г. законодательно закрепила экономическую основу социалистического государства и общества в КНДР, определила формы собственности, а также основные задачи и принципы деятельности государства в области экономики.

В ней были сформулированы главные принципы внешней политики КНДР, которые включают полное равенство, самостоятельность, взаимную выгоду, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела. В соответствии с этими принципами КНДР устанавливает государственные, политические, экономические и культурные отношения со всеми странами, которые дружественно относятся к ней. В конституции было подчеркнуто, что КНДР на основе принципов марксизма-ле-

низма и пролетарского интернационализма крепит сплоченность с социалистическими странами, сплачивается с народами всех стран, выступающих против империализма, оказывая всемерную поддержку их национально-освободительной и революционной борьбе (ст. 16).

Конституция 1972 г. внесла существенные изменения в систему и полномочия высших и местных органов государства. Вместо Президиума Верховного народного собрания и Кабинета министров, действовавших в соответствии с конституцией 1948 г., были учреждены новые государственные органы и институты — Постоянный Совет Верховного народного собрания, Президент КНДР, Центральный Народный Комитет и Административный совет. Изменен характер народных комитетов. Местные исполнительно-распорядительные органы общей компетенции стали именоваться административными комитетами.

Основными звеньями государственного механизма КНДР в соответствии с конституцией 1972 г. являлись:

1. Органы государственной власти:

- а) представительные органы власти — Верховное народное собрание и местные народные собрания;
- б) органы государственной власти, формируемые представительными органами и подотчетные им, — Постоянный Совет Верховного народного собрания, Президент КНДР, Центральный Народный Комитет, местные народные комитеты.

2. Исполнительно-распорядительные органы (органы государственной администрации):

- а) Административный совет и местные административные комитеты;
- б) отраслевые органы управления — центральные (министерства, комитеты) и местные.

3. Органы правосудия — Центральный суд, провинциальные (городов центрального подчинения), народные и специальные суды.

4. Органы прокурорского надзора — Центральная прокуратура, местные и специальные прокуратуры.

Отличительной особенностью государственного механизма КНДР стало наличие своеобразной подсистемы органов государственной власти в лице народных комитетов, формируемых представительными органами — народными собраниями. Народные комитеты, по конституции, — местные органы власти в период между сессиями сформировавших их народных собраний.

На третьей сессии ВНС девятого созыва в апреле 1992 г. были внесены изменения в конституцию 1972 г., которые отразили северокорей-

ские политические реалии прошедших двух десятилетий и узаконили идеологию и практику корейского социализма. Они носили в целом редакционный характер, хотя включали и ряд содержательных статей, внесенных с целью «защитить и выявить преимущества» существующей политической системы. В главе I «Политика» в нескольких статьях подчеркивается руководящая роль Трудовой партии Кореи и разработанной Ким Ир Сеном идеологии «чучхе», на основе которой страна строит социализм. Были изъяты упоминания о марксизме-ленинизме. В новых положениях сделаны акценты на «укрепление идеологической революции», «удержание классовой линии», «революционизирование всех членов общества и преобразование их по образцу рабочего класса» и т.д. Включено новое положение о том, что власть в стране принадлежит всему трудовому народу. Отмечается, что КНДР борется за укрепление народной власти и достижение полной победы социализма в Северной Корее путем энергичного развертывания трех революций — идеологической, технической и культурной, за объединение Родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации. Была введена глава IV «Оборона», нацеливающая на проведение в жизнь «военной линии самообороны» и «превращение всей страны в крепость». В главе V «Основные права и обязанности граждан» расширенно изложено право на свободу вероисповедания, в частности, разрешено строить культовые сооружения и придерживаться религиозного сознания, при важной оговорке, что никто не может использовать религию для проникновения внешних сил или нарушения государственного и общественного порядка. Гражданам было вменено в обязанность «постоянно повышать революционную бдительность, самоотверженно бороться за безопасность государства», иными словами, решительно отстаивать существующую политическую систему и ее завоевания.

Согласно конституционным изменениям 1992 г., в главе VI «Государственные органы» было изъято положение о том, что Президент является Верховным Главнокомандующим всеми вооруженными силами и председателем Государственного комитета обороны (ГКО) (на должность председателя ГКО был назначен «наследник вождя»).

Состоявшаяся 5 сентября 1998 г. первая сессия Верховного народного собрания (ВНС) КНДР десятого созыва (после почти пятилетнего перерыва) стала рубежным событием в политической жизни КНДР, юридически закрепившим произошедшие после смерти Ким Ир Сена (1994) изменения. Сессия приняла решения о внесении существенных коррективов в конституцию, о реорганизации органов государственной власти, о кадровых перестановках и новых назначениях. По сути, в стране произошел «конституционный переворот», ознаменовавший укрепле-

ние новой, кимченировской системы правления. В конституцию внесена преамбула, канонизирующая Ким Ир Сена, который остается «вечным президентом». Одновременно из конституции изъяты разделы о Президенте КНДР и Центральном народном комитете, который ранее являлся «высшим руководящим органом государственной власти КНДР» и возглавлялся президентом. Почти все его полномочия переданы Президиуму ВНС, который заменил прежний Постоянный Совет.

Верховное народное собрание сохранило за собой все полномочия института, осуществляющего законодательную власть. За ВНС сохранено также введенное в 1992 г. право непосредственно избирать и отзывать председателя Государственного комитета обороны и членов комитета, председателя Президиума ВНС и его заместителей, председателя Кабинета министров. Вместе с тем из ведения ВНС изъято решение вопроса войны и мира. Высшим органом государственной власти между сессиями ВНС стал Президиум ВНС, который, по конституции, вносит изменения в народнохозяйственный план и бюджет, дает толкование конституции и законов, создает и упраздняет министерства и ведомства, назначает и сменяет их руководителей, а также послов, ратифицирует и денонсирует международные договоры, объявляет амнистию и осуществляет право помилования.

Значительно расширены полномочия председателя Президиума ВНС, который «организует и руководит» работой Президиума, представляет государство на международной арене, принимает верительные и отзывные грамоты послов. В соответствии с государственным протоколом поздравления от глав иностранных государств по случаю национальных праздников и других событий теперь следует направлять на имя председателя Президиума ВНС. Ранее эти функции выполнял Президент КНДР. Повышен статус Кабинета министров (КМ), который стал «высшим административно-исполнительным органом власти». Упрощена структура местных органов власти. Упразднены местные административно-экономические комитеты, их функции переданы народным комитетам.

Конституция включает Введение и 7 глав (меньше, чем в предшествующих вариантах конституции). Введение посвящено роли Ким Ир Сена как основателя КНДР, создателя идей «чучхе» начиная с периода «антияпонской революционной борьбы». Говорится о его основополагающей роли в «осуществлении социальной революции», разработке «основных принципов государственного строительства». Ким Ир Сен канонизируется как «солнце нации, светоч объединения», «политический деятель мирового масштаба», «гений идей, теории и практики руководства», «всепобеждающий стальной полководец».

Глава I «Политика» определяет статус КНДР как «суверенного социалистического государства», «революционного государства», руководствующегося идеями «чучхе». В ст. 1 указано, что КНДР представляет интересы «всего корейского народа». Таким образом, как и в конституции РК, закреплена претензия на юрисдикцию над всем Корейским полуостровом. Статья 4 утверждает, что «власть в КНДР принадлежит рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции, всему трудовому народу». Глава I содержит описание функций и принципов формирования органов власти. Статья 9 говорит о проведении «трех революций — идеологической, технической и культурной». Здесь же говорится о борьбе за «воссоединение Родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации» (согласованы между Севером и Югом в Совместном заявлении от 4 июля 1972 г.). Статья 10 говорит об опоре государства на «идейно-политическое единство всего народа» при «руководящей роли рабочего класса», статья 11 — о руководящей роли Трудовой партии Кореи (ТПК). Статья 12 посвящена «защите социалистического строя от подрывных акций внутренних и внешних врагов» путем проведения «классовой линии» и «укрепления диктатуры народной демократии».

В главе II «Экономика» дается определение экономики КНДР как опирающейся на социалистические производственные отношения, где средства производства принадлежат государству, общественным и кооперативным организациям. Государственная собственность объявляется «общенародной» и играющей ведущую роль, а собственность общественных и кооперативных организаций — коллективной собственностью состоящих в них трудящихся. Статья 23 ставит целью «постепенное превращение кооперативной собственности в общенародную». Признается личная собственность (ст. 24), образуемая «из доли социалистического распределения по труду, а также из дополнительных льгот». В новой редакции конституции (ст. 24, ч. 3) закреплено также формирование собственности и доходов от «хозяйств на приусадебных участках» и «в ходе разрешенной хозяйственной деятельности». Статья 25 декларирует «неуклонный подъем материальной и культурной жизни народа» как высший принцип деятельности КНДР и отмену налоговой системы, обеспечение «питанием, одеждой и жильем» всех трудящихся.

В главе V декларированы основные права и обязанности граждан КНДР, основанные, как гласит ст. 63, на принципе коллективизма: «один за всех, все за одного». К ним относятся: право избирать и быть избранным с 17 лет (ст. 66); пользоваться свободой слова, печати, собраний (ст. 67); свобода совести; права на труд, на получение бесплатной медицинской помощи, на образование, на свободу творчества, на свободу жи-

тельства и поездок (ст. 70–75). Статья 75 говорит об «особой заботе» государства о ветеранах революции, членах семей военнослужащих, инвалидах, статья 77 — о равноправии мужчин и женщин, статья 78 — о государственной защите брака и семьи. Статья 79 декларирует гарантии неприкосновенности личности и жилища. В ст. 80 говорится о предоставлении убежища иностранным гражданам, преследуемым за борьбу за мир, национальную независимость и социализм. Статья 87 обязывает граждан КНДР «защищать идейно-политическое единство», «проявлять высокий дух беззаветного служения обществу и народу»; статья 83 называет труд «священным долгом» гражданина КНДР. Статья 84 обязывает граждан «бережно и с заботой относиться к государственной и общественной собственности», статья 85 — «повышать революционную бдительность», статья 86 — защищать отечество и нести военную службу.

Глава VI регламентирует структуру и порядок деятельности государственных органов.

Согласно конституции, Верховное народное собрание (ВНС) является высшим органом государственной власти КНДР. В перерывах между сессиями ВНС законодательную власть осуществляет Президиум ВНС. ВНС вносит изменения в конституцию, принимает законы, утверждает законодательные акты, одобренные Президиумом ВНС, «определяет основные принципы внутренней и внешней политики». Согласно ст. 91, ВНС избирает и отзывает с должности высших государственных руководителей: председателя ГКО, членов ГКО (по представлению его председателя), Председателя Президиума ВНС и его членов, Председателя Кабинета министров и членов кабинета, Генерального прокурора, Председателя Центрального суда, председателей и членов комиссий ВНС. ВНС рассматривает и утверждает народнохозяйственный план и бюджет, рассматривает их исполнение, заслушивает доклад о работе правительства и отдельных ведомств. ВНС ратифицирует международные договора. Законы и постановления ВНС принимает простым большинством, изменения конституции — квалифицированным (на деле ВНС голосует всегда единогласно).

Президиум ВНС, согласно ст. 106, является высшим органом государственной власти в период между сессиями ВНС. Специально оговорена возможность наличия в его составе, помимо заместителей и членов, почетных заместителей (эти посты созданы для соратников Ким Ир Сена, отошедших от активных дел). Президиум ВНС созывает сессии ВНС, рассматривает и принимает законы и изменения к ним (с последующим утверждением сессией ВНС), рассматривает и принимает план и бюджет, комментирует конституцию, осуществляет надзор над исполнением законов госорганами, отменяет несоответствующие за-

конодательству решения органов государственной власти, организует и проводит выборы, проводит работу с депутатами ВНС и его отраслевыми комиссиями. Президиум ВНС образует и упраздняет органы исполнительной власти — министерства и комитеты, назначает их руководителей, избирает и отзывает судей Центрального суда, ратифицирует международные договоры, назначает и отзывает дипломатических представителей, награждает государственными наградами, осуществляет право амнистии и помилования. Он также утверждает и изменяет административно-территориальное деление страны.

В состав правительства (Кабинет министров) КНДР входят Председатель, его заместители, министры и руководители ведомств и другие члены (ст. 118 конституции). Формально срок полномочий правительства равен сроку полномочий ВНС КНДР. В конституции перечислены 12 сфер полномочий КМ, включая создание и упразднение административно-хозяйственных единиц, разработку государственного плана и бюджета, управление основными отраслями экономики и социальной сферы, финансовой системой, руководство внешними сношениями, контрольно-ревизионные функции. В конституции закреплено наличие Президиума КМ (включающего Председателя, его заместителей и членов), который на своих заседаниях «обсуждает и решает вопросы, порученные ему пленарным заседанием КМ». КМ несет ответственность перед ВНС и Президиумом ВНС (ст. 125).

К местным органам власти в КНДР относят провинциальные, городские и уездные народные собрания и соответствующие народные комитеты, исполняющие законодательные и административные функции в период между сессиями народных собраний. Депутаты народных собраний избираются сроком на четыре года.

Согласно конституции (ст. 156), на суды в КНДР возложены следующие обязанности:

- охранять власть и социалистический строй, собственность, права, жизнь и имущество граждан;
- «добиваться от всех учреждений, предприятий, организаций и граждан строгого соблюдения законов государства и активного участия в борьбе против классовых врагов и любых правонарушителей»;
- исполнять приговоры и решения по имущественным делам, совершать нотариальные действия.

В судебную систему входят Центральный суд (несет ответственность перед ВНС и его Президиумом), провинциальные (городов центрального подчинения) суды, народные и специальные суды. Сроки полномочий их

председателей и народных заседателей равны сроку полномочий соответствующего уровня народных собраний. Председатели и судьи специальных судов назначаются Центральным судом. Народные заседатели «избираются на собраниях военнослужащих или персонала соответствующих коллективов» (ст. 155). Рассмотрение дел ведется с участием одного судьи и двух народных заседателей, а в особых случаях — трех судей.

При Ким Ир Сене ядром политической системы КНДР была правящая Трудовая Партия Кореи (3 млн членов). Однако роль военных в общественной жизни КНДР также была существенной. Это нашло свое юридическое закрепление в конституции страны. После демократических революций в странах Восточной Европы северокорейское руководство предприняло организационно-политические меры, направленные на концентрацию военной власти в руках Ким Чен Ира, и власть в стране стала иметь явные черты военной диктатуры особого, социалистического (советского) типа. В декабре 1991 г. Ким Чен Ир был назначен Верховным Главнокомандующим Корейской народной армией, избран на пост Председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР, который ранее занимал Ким Ир Сен как Президент страны. Статус Комитета был поднят до уровня одного из важных конституционных органов. Ранее Комитет обороны (КО) был одним из рабочих органов Центрального народного комитета (ЦНК). Согласно конституции, ГКО является «высшим руководящим военным органом государственной власти и общим органом управления обороной» (ст. 100) и его полномочия включают: руководство всеми Вооруженными силами страны и оборонным строительством; учреждение и упразднение центральных органов в области обороны; назначение и освобождение от должности главных военных кадров; учреждение воинских званий и присвоение генеральских и более высоких воинских званий; объявление военного положения и мобилизации в чрезвычайных ситуациях (ст. 103).

Северокорейские военные значительно усилили свою роль в органах власти всех ступеней — от Верховного народного собрания до народных собраний городов и уездов, а также в партийных структурах. В составе ЦК ТПК более 15 процентов мест принадлежит военным. В высшем органе власти — Верховном народном собрании представители армии и сил безопасности занимают около 100 депутатских мест. О привилегированном положении армии в корейской политической системе свидетельствует и тот факт, что Министерство народных вооруженных сил (МНВС) наряду со вторым экономическим комитетом (курирует оборонную промышленность), Министерство государственной охраны и Главное управление правительственной охраны выведены из-под подчинения правительства и контролируются лично Ким Чен Иром.

Во главе Госкомитета обороны, «высшего военного руководящего органа страны», стоит Ким Чен Ир (Верховный Главнокомандующий КНА, Генеральный секретарь ТПК, маршал КНДР). В состав ГКО входят 10 человек, в основном военные, а также ряд гражданских лиц, отвечающих за экономику и военно-промышленный комплекс.

Северокорейское общество отличается высокой степенью милитаризации. Из 23 млн населения более 1 млн человек состоит в регулярной армии. Кроме того, в стране сформированы рабоче-крестьянская Красная гвардия (1,4 млн чел.) и 700-тысячная молодежная Красная гвардия.

Формально в КНДР действует многопартийная система. Правящей партией с 1945 г. является Трудовая партия Кореи (ТПК). Бессменным лидером ТПК до 1994 г. был Ким Ир Сен. В настоящее время Генеральным секретарем ТПК является его сын Ким Чен Ир. В партии насчитывается около 3 млн членов. Согласно уставу, ТПК — это «марксистско-ленинская революционная партия чучхейского типа» («чучхе» — идеология корейской самостоятельности). Руководящая роль ТПК в северокорейском обществе нашла свое юридическое закрепление в Конституции КНДР (ст. 11). Ближайшая цель партии — достижение полной победы социализма на Севере Кореи и осуществление народно-демократической революции в масштабе всей страны. Конечная цель ТПК — построение коммунистического общества и преобразование всего общества на основе идей «чучхе». Эти цели зафиксированы в уставе ТПК. Последний, VI съезд партии состоялся в 1980 г. С тех пор партийные съезды не проводились. Кроме ТПК, в КНДР действует Социал-демократическая партия (СДПК). Партия создана в 1945 г., насчитывает в своих рядах около 20 тыс. членов. Партия Чондогё-Чоудан (создана в 1946 г.) — религиозная партия. В ней состоит 10 тыс. членов. СДПК и партия Чондогё-Чоудан представлены в высшем законодательном органе — Верховном народном собрании и в местных органах власти. Обе партии признают ТПК в качестве правящей и поддерживают ее внутреннюю и внешнюю политику.

В стране имеется также ряд общественных организаций. Задача общественных организаций КНДР — выполнение функции «приводных ремней», т.е. обеспечение связи Трудовой партии с населением, проведение идейно-воспитательной работы, мобилизация масс на реализацию задач хозяйственного строительства. В КНДР действует принцип несовместимости членства одного и того же лица в нескольких общественных организациях; допускается членство в ТПК или в одной из существующих организаций.

Все политические партии и общественные организации КНДР (более 70) входят в Единый демократический отечественный фронт

(ЕДОФ), созданный по инициативе ТПК и функционирующий под ее руководством. Программа ЕДОФ ставит своей целью скорейшее мирное объединение Кореи, сплочение корейского народа вокруг ТПК, руководства страны во главе с Ким Чен Иром, обеспечение независимого развития Кореи.

Эволюция политических систем Китая*

После падения Цинской империи в 1911 г. в результате Синьхайской революции на территории Китая была образована Китайская Республика, которая просуществовала на материке до 1949 г. В 1949 г. в ходе противостояния агрессии Японии на территории Китая, сложных исторических трансформаций, связанных с частичным отсоединением от Китая частей его территории и провозглашением ряда де-факто независимых и/или марионеточных государств, некоторые из которых контролировались извне, а также в ходе кровопролитной гражданской войны на территории материкового Китая образовалось новое государство — Китайская Народная Республика, объединившая всю материковую часть страны, за исключением колониальных анклавов Гонконга (Сянган) и Макао (Аомэня). Вне компетенции властей КНР осталась лишь островная провинция Тайвань, с прилегающими к ней большим архипелагом Пэнхуледао (Пескадорские острова) и другими прибрежными островами, на которую эвакуировались все институты политической власти ранее правившей во всем Китае Китайской Республики.

Китайская Народная Республика, выйдя из политических структур освобожденных районов, которые фактически составляли второе государство на территории страны, конституировалась как республика советского типа. В настоящее время в Азии государствами такого типа, но с разной степенью авторитарности и переходного характера политического режима являются КНДР, Вьетнам, Лаос и КНР. Для республик советского типа характерно формальное верховенство представительных органов над всеми другими органами государства, которое выражается в образовании других органов представительными и подотчетностью последним; объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами или исполнительными структурами, поскольку сессии их редки, а подавляющее большинство депутатов не оставляет основной

* Параграф написан на основе материалов проф. Л. М. Гудошникова.

работы. Все республики советского типа по государственному режиму — партократические государства, что означает фактическую принадлежность власти центральным и местным структурам правящей партии. В партократических государствах советского типа могут существовать и некоммунистические партии, которые, однако, не играют сколько-нибудь важной роли в политической жизни страны и не являются политической оппозицией.

Своеобразие политических институтов провинции Тайвань выразилось в том, что эвакуировавшиеся на остров органы центральной власти уже не существующего на материке государства и центральные органы правившей в нем партии Гоминьдан (ГМД) долгое время рассматривали себя в качестве политических структур, распространявших свою власть на всю территорию Китая. Они провозгласили себя правопреемниками Китайской Республики, созданной в результате Синхайской революции 1911–1912 гг., и закрепили за провинцией название всего государства. Китайская Республика на Тайване в течение более двух десятилетий продолжала представлять Китай в ООН. Формально на Тайване продолжала свое действие вступившая в силу в декабре 1947 г. Конституция Китайской Республики. Однако действие этой конституции было ограничено созванной еще на территории материкового Китая первой сессией Национального собрания в 1948 г. Этой сессией были приняты Временные правила на период подавления «коммунистического мятежа», приостановившие действие ряда важнейших положений Конституции 1947 г., предоставившие президенту (а им бессменно до своей смерти в 1975 г. был Чан Кайши) практически неограниченные полномочия. За Временными правилами последовал изданный на их основе уже на Тайване в 1950 г. Декрет о чрезвычайном положении, которым запрещалась организация и деятельность политических партий, кроме правящего Гоминьдана и фактически союзных с ним двух местных антикоммунистических партий — Младокитайской и партии Демократического социализма. Полномочия высших выборных государственных органов как бы замораживались на неопределенное время, однако при этом они все же в каких-то пределах продолжали действовать.

При своем формировании, несмотря на наличие сравнительно демократической Конституции 1947 г., установившийся сначала в районах, контролируемых Гоминьданом, а затем в провинции Тайвань политический режим сразу обрел зримые авторитарные черты, связанные с тем, что Гоминьдан в 20-е годы XX в. реорганизовывался с помощью советников-коммунистов из Советской России по образцу ВКП(б). В результате партийного строительства по советской модели китайцы создали Коммунистическую партию Китая (КПК) и реорганизовали на новых

началах уже существующую крупную национальную политическую партию Гоминьдан (ГМД) с высокой степенью централизации, политической организованности, единым революционным духом. До самого последнего времени и на материковой части Китая, и на Тайване иерархии правящих партий строились параллельно соответствующим административно-политическим структурам. До поражения Гоминьдана в президентских выборах 2000 г. и в той, и в другой частях Китая лидер правящей партии являлся главой государства (применительно к Тайваню — главой региона, который, однако, может рассматриваться как государство де-факто). Сути дела не меняет то обстоятельство, что и на основной территории КНР, и на Тайване в отдельные периоды эти посты занимались разными лицами, а в КНР одно время пост главы государства упразднился совсем. В период существования на Тайване партократического режима, а в КНР и сейчас, решение всех важнейших вопросов правительственной политики находится в ведении узких партийных руководящих органов — Политического бюро ЦК Компартии Китая (КПК) или его Постоянного комитета, а на Тайване до недавнего прошлого — Центрального Постоянного комитета ГМД.

Продолжая сравнение политических институтов двух частей Китая в течение полувекowego периода, следует отметить, что партократия была лишь одним из слагаемых существовавших там политических систем. В течение долгого времени эти системы были не только партократическими, но и военно-контрольными. Первые лица партийной иерархии одновременно возглавляли вооруженные силы. В КНР на значительный период времени закрепились в политической системе возникшие в качестве временных органов в последний период гражданской войны военно-контрольные комитеты. Система военного контроля повсеместно возродилась и расширилась в годы «культурной революции» 1966—1976 гг., когда практически были подвергнуты слому конституционный государственный аппарат страны и уставные органы партии и общественных организаций. В свою очередь, на Тайване в период военного противостояния с КНР большие полномочия, далеко выходящие за пределы его компетенции, получил штаб Тайваньского гарнизона.

Политические режимы по двум сторонам Тайваньского пролива были долгое время не только военно-партократическими, но и мобилизационными, сохраняя некоторые черты режимов такого типа вплоть до самого последнего времени. Тайвань находился в мобилизационном режиме, ожидая вторжение с материка и строя при Чан Кайши нереальные планы возвращения всего Китая под власть ГМД. КНР с момента своего образования находилась в постоянном мобилизационном режиме в силу противостояния США (в том числе и военного противостоя-

ния в Корею), а затем и Советскому Союзу и планов возвращения Тайваня в «лоно родины» военным путем.

Провозглашенная в 1949 г. Китайская Народная Республика получила конституцию только через 5 лет. В течение первого пятилетия ее существования временной конституцией КНР считался основной документ Единого народно-демократического фронта — Общая (точнее, Совместная) программа Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Вместе с тем к конституциеобразующим актам того времени следует отнести и принятые пленарной сессией НПКСК Закон об организации Центрального народного правительства, Постановления о государственном флаге, перенесении столицы государства в Пекин (с возвращением ему исторического наименования), а также о новом летоисчислении. До принятия в 1953 г. Закона о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней на местах созывались конференции представителей всех слоев населения (конференции народных представителей), делегаты которых в большинстве своем не избирались, а делегировались общественными организациями или назначались местными народными правительствами и военно-контрольными комитетами. Законом о выборах устанавливалась многостепенная избирательная система с немалыми ограничениями по классовому принципу и с неравным представительством городского и сельского населения. Однако созданные в соответствии с этим законом представительные органы часто не функционировали даже в течение одного законодательного срока — с 1957 г. началась череда сменявших друг друга деструктивных политико-идеологических кампаний, венцом которых явилась «культурная революция», превратившая первую Конституцию КНР, принятую в 1954 г. впервые созданным Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), в фиктивный документ.

Конституция КНР 1954 г. была построена по модели конституций СССР и тогдашних стран народной демократии. Согласно конституции, страна провозглашалась «государством народной демократии, руководимым рабочим классом и основанным на союзе рабочих и крестьян» (ст. 1). Конституция закрепляла сложившуюся в политической практике руководящую роль КПК в государстве и ее руководство Единым народно-демократическим фронтом, т.е. фактическую монополию этой партии на власть.

Политической основой государства провозглашались массовые представительные организации типа Советов, впервые появившихся в Советской России еще в период революционных потрясений начала XX в.

В Китае они были названы собраниями (съездами) народных представителей. В отличие от прежних конференций представителей всех слоев народа, собрания по закону становились полновластными органами на местах, однако не были полномочны создавать свои постоянно действующие органы. Функции таких органов возлагались на их исполнительные органы — народные комитеты (местные народные правительства). В отличие от конференций, собрания были полностью выборными органами, при этом непосредственно электоратом избирались только низовые собрания народных представителей, остальные — путем многостепенных выборов.

С конца 1950-х годов страну стали лихорадить следовавшие одна за другой деструктивные политические кампании, в ходе которых осуществлялся отход от коренных положений конституции. Ее важнейшие нормы отменялись партийными директивами, даже без формального штампования этих действий соответствующими органами государства. Так, создание народных коммун, в процессе которого была ликвидирована система конституционных органов власти на селе, было осуществлено на основании решения узкого партийного органа — Политбюро ЦК КПК. Начавшийся в 1958 г. период «коммунизации» и «большого скачка» (авантюристической попытки одним махом догнать развитые страны и «войти в коммунизм») характеризовался общим снижением роли представительных органов. Выборы не проводились с 1958 по 1964 г., были годы, когда не созывались даже сессии ВСНП. А в «культурную революцию», как уже отмечалось, основанный на конституции государственный механизм КНР был ликвидирован.

На Тайване в аналогичный исторический период действие конституции Китайской Республики 1947 г. было существенно ограничено в отношении центральных органов, однако там еще с начала 1950-х годов стали избираться местные представительные органы и главы местных администраций. В ходе этих выборов беспартийные кандидаты стали со временем конкурировать с кандидатами от ГМД. Однако вплоть до середины 1980-х годов местные выборы в действительности были лишь формой подкрепления политического господства ГМД и служили легитимизации авторитарного правления. Контроль ГМД за процессом подготовки и проведения выборов делал их в подавляющем большинстве случаев «выборами без выбора». Однако с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что сама практика проведения выборов даже в условиях существовавшего тогда на острове режима хотя и слабо, но способствовала появлению реальной возможности для инакомыслящих деятелей выступать в качестве противовеса кандидатам от правящей партии. Выборы помогли сформировать основу для выхода на арену политиче-

ской борьбы оппозиционных партий, создав тем самым необходимые предпосылки для начала процесса либерализации и демократизации режима.

Партократические режимы в КНР и на Тайване на всем протяжении раздельного развития этих частей Китая, вплоть до ликвидации партократического режима на Тайване, допускали существование других, кроме КПК и ГМД, политических партий. Так, в КНР к началу 1950-х годов сложилось 8 так называемых демократических партий, которые никогда не были оппозицией в отношении КПК, хотя некоторые из них в свое время претендовали на положение «третьей силы» (Крестьянско-рабочая партия, Демократическая лига). В 1999 г. демократические партии были объединены в рамках уже упоминавшейся выше организации Единого фронта — НПКСК. В Китае никогда не скрывалось, что все эти партии «принимают руководство» КПК. Общеизвестно было и то, что некоторое количество членов этих партий одновременно состоит в КПК. Формула о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК закреплена в действующей Конституции КНР.

На Тайване с введением чрезвычайного положения вне запрета оказались только деятельность правящей партии ГМД и двух мелких партий — Младокитайской и Партии демократического социализма. Существование этих двух партий было в достаточной степени формальным, однако ими выдвигались кандидаты в местные представительные органы, а затем на дополнительных выборах — в парламентские учреждения. В ряде случаев они получали соответствующие мандаты — об этом заботился и ГМД, заинтересованный в том, чтобы представлять существующий на Тайване режим в качестве многопартийного. Но реальная многопартийность возникла на острове лишь во второй половине 80-х годов XX в. В 1986 г., еще в период действия чрезвычайного положения и вопреки формальному запрету, была организована по-настоящему оппозиционная ГМД Демократическая прогрессивная партия (ДПП), а с отменой чрезвычайного положения в 1987 г. процесс образования новых партий приобрел бурный характер — в течение последующего десятилетия их число перевалило за 70, а к началу XXI в. была зарегистрирована 95-я партия — Союз солидарности Тайваня. Одно время на политической арене острова на положение «третьей силы» претендовала Новая партия (НП), отколовшаяся от ГМД. На выборах в декабре 1995 г. она получила значительное число мест (21) в Законодательной палате, однако на последующих парламентских выборах количество полученных ею мандатов уменьшилось, а в 2001 г. ей удалось провести только одного своего кандидата в законодательный орган. Накануне президентских выборов 2000 г. произошел новый и более значительный раскол

когда-то могущественного Гоминьдана, из которого выделился сначала Циньминьдан (Первая партия народа, или Родная партия народа), а затем и Союз солидарности Тайваня (сокращенно Тайлянь).

По-иному выглядит сейчас многопартийность в КНР, определяемая упомянутой выше формулой о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК. Демократические партии считаются в КНР «участвующими во власти». Однако формально нынешний уровень такого участия демократов и «беспартийных демократических борцов» в настоящее время ниже, чем в первые годы КНР, когда некоммунисты занимали половину постов заместителя председателя Центрального народного правительства, значительное число постов членов Административного совета, пост председателя Верховного народного суда, министерские посты и даже один из вице-премьерских постов.

Важнейшей из задач в деле обеспечения политической стабильности явилось восстановление разрушенного «культурной революцией» конституционного строя страны. Первым актом в этом процессе была замена конституционно-правовым документом политической декларации экстремистских сил, названной Конституцией КНР 1975 г., которая ни по каким параметрам не подходила под понятие основополагающего закона страны. Требовалось восстановить действие основных положений Конституции 1954 г. Это произошло в 1978 г. путем принятия третьей по счету Конституции КНР. Авторы этой конституции вернули государственный механизм почти полностью к положениям Конституции 1954 г. Более того, они ввели в политическую систему страны постоянно действующие органы собраний народных представителей — постоянные комитеты, правда, первоначально они вводились лишь для уездных и вышестоящих собраний. В дальнейшем система постоянных председателей СНП была введена на волостном уровне (ранее их функции исполняли главы низовых администраций). Важно также отметить, что принятый вслед за Конституцией 1978 г. новый Закон о выборах от 1 июля 1978 г. отменил ограничения для участия в выборах по классовому признаку, однако оставил неравное представительство городского и сельского населения. Важным нововведением явилось и установление системы выборов на альтернативной основе, т.е. число кандидатов в депутаты должно превышать число подлежащих избранию депутатов. У избирателей появилась возможность выбора своих представителей, правда, из числа лиц, стоящих на одинаковой политической платформе.

Вместе с тем в государственную структуру продолжали входить порожденные «культурной революцией» в качестве местных правительств «ревкомы», присутствовали и иные рудименты трагического десятилетия 1966–1976 гг. Все это нужно было устранить. Уже в последующие

два года в Конституцию 1978 г. были внесены существенные поправки (в том числе исключение из органов власти «ревкомов»), а в 1980 г. вместе с поправками было принято решение о выработке новой конституции. Такая конституция была принята в 1982 г. В новой конституции много места было уделено Единому фронту, который при этом стал именоваться «патриотическим», а не «народно-демократическим» (как в 1954 г.) или «революционным» (как в 1978 г.). Таким образом, нашла конституционное закрепление принятая в 1979 г. формулировка состава Единого фронта, допускающая в его состав патриотов, не стоящих на социалистических позициях, но являющихся «сторонниками объединения Родины», т.е. воссоединения с КНР Тайваня и колониальных анклавов в Сянгане и Аомэне. С политикой территориальной интеграции Китая было прямо связано и введение в конституцию статьи об особых административных районах, режим которых «с учетом конкретных условий устанавливает Всекитайское собрание народных представителей» (ст. 31).

Существенные изменения были внесены и в государственную структуру, выразившиеся в следующих основных моментах: 1) восстановление упраздненного конституцией 1975 г. поста Председателя КНР; 2) предоставление Постоянному комитету ВСНП обширных прав в области законодательства; 3) образование центрального военного совета КНР, который, как заранее было установлено, совпадает по персональному составу с Военным советом (точнее, Военной комиссией) ЦК КПК; 4) восстановление волостного звена органов власти и управления, ликвидированного в ходе «коммунизации» села; 5) установление сроков, ограничивающих пребывание некоторых высших должностных лиц на своих постах; 6) установление несовместимости членства в постоянных комитетах собраний народных представителей (включая ПК ВСНП) с занятием административных судебных и прокурорских должностей; 7) учреждение в составе правительств различных ступеней системы ревизионных органов для усиления контроля над финансами и финансовой деятельностью. Конституцией КНР 1982 г. были восстановлены основные автономные права национальных районов, ранее содержавшиеся в первой конституции страны, в том числе право на издание положений об автономии и отдельно действующих положений (местных законов, учитывающих национальную специфику), на формирование местных отрядов общественной безопасности и особые финансовые права. Вместе с тем конституцией впервые установлено положение, согласно которому председатели автономных областей, начальники автономных округов и автономных уездов должны быть

гражданами тех национальностей, которые осуществляют территориальную автономию (ст. 114).

В целом конституция 1982 г. была важным шагом вперед по сравнению со своими предшественниками 1970-х годов, а в некоторых отношениях превосходила и первую конституцию страны. Однако в основном она была скорее восстановительным, чем реформаторским документом. Такое свое значение она получила лишь с принятием поправок 1988, 1993 и 1999 гг., которые, правда, лишь сравнительно в небольшой мере касались политических институтов, но вносили существенные изменения в общественный строй государства, систему управления экономикой. Первыми конституционными поправками 1988 г. были легализованы частные хозяйства и аренда земли. Поправками 1993 г. закреплялась система регулируемой государством рыночной экономики, именуемая «социализмом с китайской спецификой». Из конституции исключены положения, закреплявшие плановую систему хозяйства, что означало отход от командно-административной системы управления экономикой. К моментам, относящимся к политической системе, можно отнести закрепление во Введении конституции формулы «многопартийное сотрудничество под руководством КПК», которая, однако, ничего принципиально нового не содержала, и изменение срока полномочий собраний народных представителей уездного уровня, который стал пятилетним. Унификация сроков полномочий этого уровня представительной власти с вышестоящими создает определение удобства для властей при организации выборов, являющихся многостепенными.

Наиболее значительной из следующей серии поправок (1999 г.) в части общественного строя страны явилось возведение частного сектора в статус «важнейшей составляющей социалистической рыночной экономики». Из поправок 1999 г. в части, касающейся политической системы, следует прежде всего отметить новый первый абзац ст. 5, предусматривающий управление страной согласно закону и становление КНР в качестве правового государства. Поправка отражает быстрое нарастание в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы. В связи с этим нельзя не отметить еще одну из конституционных поправок 1999 г. — 6-ю (по общей нумерации 17-ю). Суть ее в исключении понятия «контрреволюционное преступление» из китайской правовой терминологии. Теперь в конституции говорится о подавлении «предательской и прочей преступной деятельности, подрывающей безопасность государства» (ст. 28). Таким образом, карательная политика государства переводится в более цивилизованное русло, уменьшается возможность необоснованных репрессий.

В последние два десятилетия XX в. целый ряд изменений, связанных с политическими реформами, был внесен в действующую на Тайване конституцию Китайской Республики 1947 г. В январе 1988 г. на острове вошел в силу Закон о собраниях и демонстрациях, согласно которому собрания и демонстрации разрешались повсеместно, за исключением территорий и зданий Администрации президента, Исполнительной и Экзаменационной палат, судебных учреждений, международных авиационных и морских портов, важнейших военных объектов, а через год, в январе 1989 г., президентом был промульгирован принятый Законодательной палатой Закон о народных организациях, регулирующий деятельность профессиональных, социальных и политических организаций. В качестве политической партии законом признавалась политическая организация, чьей целью является назначение кандидатов на выборах и подходящая для регистрации по другим критериям. При этом признавались лишь организации национального (т.е. фактически всетайваньского) масштаба, но не региональные. В регионах острова могут создаваться лишь отделения партий. Политическим организациям специальной статьей закона запрещено получение пожертвований от иностранных организаций или организаций, основными членами которых являются иностранные организации или корпорации. Законом создавался позднее отмененный особый орган при Исполнительной палате по надзору за политическими партиями, наделенный правом их роспуска.

В апреле 1991 г. Национальное собрание Тайваня отменило Временные правила на период национальной мобилизации для подавления мятежа. Тогда же была принята первая серия дополнительных статей конституции, которые прежде регулировали новый порядок выборов, а теперь были ориентированы на электорат тайваньского региона и зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами. При выборах как Национального собрания, так и Законодательной палаты предусмотрено представительство от женщин. Вместе с тем, в отличие от первоначального текста конституции, не предусмотрено представительство от монгольских аймаков и Тибета.

Дополнительные статьи 1992 г. были приняты Национальным собранием 27 мая указанного года и на следующий день промульгированы президентом. Эта серия дополнительных статей существенно углубила конституционную реформу. Статьями 1992 г. менялся статус Национального собрания, функции которого в прошлом ограничивались внесением изменений в конституцию и избранием президента и вице-президента. Сессии Национального собрания стали как минимум ежегодными (ранее обычно собирались раз в шесть лет) с заслушиванием посланий президента, их обсуждением и принятием рекомендаций. С 1996 г. депу-

таты Национального собрания стали избираться на четыре года (ранее на шесть лет). Дополнительные статьи 1992 г. предрешили избрание президента и вице-президента всем электоратом региона, начиная с 1996 г. Срок полномочий этих высших должностных лиц был сокращен с шести до четырех лет при сохранении права на переизбрание еще на один срок.

Эти статьи предусматривали и возможность отзыва президента и вице-президента. Очень важной конституционной новеллой явилось положение о том, что на Совет великих судей, кроме ранее установленных полномочий по толкованию конституции и законов, были возложены функции конституционного трибунала для рассмотрения дел о роспуске политических партий, деятельность которых угрожает существованию Китайской Республики на Тайване или «свободному, демократическому конституционному порядку». Таким образом, отменялся существовавший ранее административный порядок запрещения партий.

В 1994 г. была принята новая серия конституционных поправок и вместе с тем принятые ранее поправки были как бы кодифицированы — сведены вместе с новыми в единый документ из десяти Дополнительных статей. Новыми поправками был прежде всего решен вопрос о способе избрания президента и вице-президента. Установлено, что эти высшие должностные лица будут избираться прямым голосованием тайваньского электората, включающего зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами, однако, чтобы принять реальное участие в выборах, они должны в день голосования находиться на «свободной территории», т.е. в тайваньском регионе и не на территории КНР. Поправками 1994 г. значительно увеличены права президента в отношении смещения и назначения ряда важных должностных лиц. Теперь для этого не требуется согласия премьер-министра Исполнительной палаты, тогда как раньше подпись премьер-министра на актах о назначениях и смещениях была обязательной. Поправками 1994 г. вводились должности спикера и вице-спикера Национального собрания, однако созыв последнего возлагался на президента республики, хотя вместе с тем предусматривалась возможность созыва собрания и спикером, если будет поставлен вопрос об отзыве или отрешении от должности президента или вице-президента.

Поправки 1994 г. были последними принятыми Национальным собранием, в котором депутаты от ГМД обладали необходимым для внесения изменений в конституцию квалифицированным большинством. После выборов 1996 г. ГМД, оставшись партией большинства в Национальном собрании (183 из 334 мандатов), не мог уже безраздельно контролировать конституционный процесс. Все последующие поправки в конституцию вносились путем достижения консенсуса между партией большинства и оппозицией.

Очередные конституционные поправки имели место в 1997 г. Последняя серия поправок в действующую на Тайване конституцию была принята 24 апреля 2000 г. Они касались в основном статуса Национального собрания, в том числе и порядка его формирования. Теперь он в конституции определяться не будет, а отнесен к текущему законодательству. Полномочия Национального собрания сводятся к голосованию по принятию предложенных Законодательной палатой поправок к конституции и изменений территории государства. Кроме того, Собрание обсуждает предложения Законодательной палаты об отрешении от должности президента или вице-президента и проводит голосование по этому предложению, которое для его воплощения в жизнь должно собрать две трети голосов депутатов Собрания. В результате всех изменений Национальное собрание перестает быть постоянно действующим органом власти и будет избираться *ad hoc*, т.е. по определенному поводу. Депутаты его будут избираться в течение трех месяцев после истечения шестимесячного срока, следующего за публикацией предложения Законодательной палаты об изменении конституции или территории страны, или в течение трех месяцев после принятия Законодательной палатой предложения об отрешении от должности президента или вице-президента.

Изменение статуса Национального собрания вызвало внесение в дополнительные статьи конституции положений о новых полномочиях Законодательной палаты, в которые добавлены функции, перешедшие от Национального собрания, прописан новый порядок формирования Экзаменационной палаты, Палаты юстиции и Палаты контроля и т.д.

В результате поправок 2000 г. на Тайване создается политический институт, которому трудно найти аналог в мировой практике. Во всяком случае, мы не можем уже характеризовать Национальное собрание Тайваня как парламентское учреждение. Вряд ли его можно считать и Конституционной ассамблеей, так как оно может созываться не только по конституционным вопросам. Ясно, что нынешний его статус отражает компромисс двух основных партий острова — ДПП и ГМД. С одной стороны, ДПП почти осуществило свою идею о ликвидации Национального собрания. С другой — нельзя не видеть и того, что ГМД при выработке компромиссного решения удалось сохранить Национальное собрание в качестве пусть и непостоянного органа, но с выполнением ряда главных функций, сложившихся в результате предыдущих этапов конституционных реформ.

Так или иначе, мы можем говорить о Тайване как регионе Китая, в котором установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности, обеспечивающая политический плюрализм. Что касается материковой территории КНР, то здесь о политическом

плюрализме можно говорить лишь как о будущем страны, поскольку пока даже само это понятие не входит в политический инструментарий руководства страны и его идеологов. Однако в отличие от «единой линии» прошлых лет плюрализм мнений в науке (включая, частично, общественные), литературе и искусстве стал действительностью современной жизни КНР. Теоретически нельзя исключить его перерастания в политический плюрализм, который может подпитываться и плюрализмом форм собственности. Можно предположить, что в будущем, с ростом экономического могущества Китая, дальнейшим развитием многосекторальной экономики и плюралистических форм собственности, так или иначе, возникнет вопрос о политическом плюрализме. Однако сейчас реформы в политической сфере диктуются главным образом прагматическими интересами. Поэтому на первое место выдвигается административная реформа — широкий комплекс мероприятий по совершенствованию аппарата управления, улучшения его кадрового состава и повышения эффективности.

В то же время в 2004 г. в Конституцию КНР был внесен ряд поправок. Во Введение были внесены новые установки КПК относительно «трех представительств» (т.е. партия представляет весь народ, объективные потребности развития производительных сил и передовой китайской культуры) и «гармоничного развития материальной, политической и духовной культуры». Там же дана более широкая формулировка состава Единого фронта, позволяющая включить в него в качестве «строителей дела социализма» предпринимателей и лиц, занятых посреднической деятельностью, управленческий и технический персонал, работающий по контрактам на предприятиях иностранного капитала, и т.п. Новая редакция конституции устанавливает обязательную компенсацию при изъятии или реквизиции (временном отчуждении) земли и иного частного имущества в общественных нуждах. Рядом статей конституции усиливается поддержка частной собственности и ее развитие. В ст. 33 конституции, открывающей главу об основных правах и обязанностях граждан, вставлено такое положение: «Государство уважает и защищает права человека». Это положение было сочтено в Китае «важным прорывом в развитии прав человека в условиях социализма». При этом подчеркивается, что на протяжении довольно длительного времени в КНР права человека были запретной зоной в идейно-теоретической области.

В целом интересы сохранения социально-политической стабильности в материковом Китае в период важнейших социально-экономических преобразований не подвигают руководство на серьезные преобразования в области политической системы. Но такие преобразования все же идут. В КНР, как отмечалось выше, давно уже не являются безаль-

тернативными выборы представительных органов, а также глав администраций и их заместителей. Отошло в прошлое единогласное голосование по принимаемым представительными органами решениям и при выборах руководителей различного ранга, в том числе и самых высоких. Сделаны серьезные шаги по созданию большого пласта необходимых законов и других нормативных актов, которые в дальнейшем помогут построить систему управления страной, целиком опирающуюся на правовые нормы.

Оценивая эволюцию политических институтов Тайваня в контексте реформирования всего регионального общества, важно подчеркнуть, что мирный переход от военно-авторитарного режима к многопартийной демократии не был лишь проявлением собственной политической воли правившей в то время партии ГМД. На эту партию оказывалось достаточно ощутимое давление как извне — со стороны китайских оппозиционных сил, находящихся в эмиграции вне Тайваня, так и изнутри — со стороны молодой интеллектуальной элиты партии, впитавшей вместе с образованием на Западе либерально-демократические политические ценности.

Политическая система Японии*

В настоящее время Япония является одной из ведущих «индустриальных демократий». Это единственная страна, которая шла к обретению такого статуса своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизнедеятельности общества. Но, и это чрезвычайно важно, политическая элита всегда проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, а потому не происходило утраты традиций и национальной идентичности. В конкретных политических условиях демократизация оказалась единственным путем сохранения власти в руках японской правящей элиты.

Главные достижения демократии, на Западе связанные с социал-демократической моделью развития, ядро которой составляла концепция «государства благосостояния», в Японии стали результатом целенаправленных реформ, проведенных в значительной степени «силовыми методами» в условиях американской оккупации. Успех во многом обеспечивался тем, что они проводились руками японского правительства и законодательно подтверждались парламентом. Но важно помнить о том, что в японском обществе в принципе существовал консенсус относительно того, что представительная или парламентская демократия со

* Параграф написан на основе материалов проф. Э. В. Молодяковой.

всеми возможными ее «недостатками» является альтернативой предшествовавшему авторитарному типу правления, приведшему страну к политическому краху.

В результате проведения реформ в Японии происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими, многие из которых были заимствованы из опыта развитых рыночных демократий Запада. Однако на этом фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система, весьма непохожая на действующие в Западной Европе или в США.

Подобная ситуация многие десятилетия вызывала в Европе и США опасения относительно демократичности самого японского общества, которое вполне справедливо упрекали в закрытости. Однако серьезные перемены во внутривнутриполитической ситуации, диверсификация политической элиты, разнообразие политических пристрастий населения, повышение интереса к современному политическому опыту, прежде всего западноевропейских стран, свидетельствуют о намерении Японии не только сделать свой политический потенциал на мировой арене равным экономическому, но и искать пути политического обновления внутри страны.

В первое послевоенное десятилетие, казалось, должны были сложиться реальные условия для установления в стране двухпартийной политической системы классического европейского образца (попеременная смена у власти консервативной и социал-демократической партий). В соответствии с Директивой Штаба оккупационных войск США «Об отмене ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы» (4 октября 1945 г.) возобновилась деятельность всех политических партий. Однако с первых же послевоенных лет (за исключением кратковременного пребывания у власти с мая 1947 г. по февраль 1948 г. и с марта по октябрь того же года коалиционных правительств социалиста Т. Катаяма и демократа Х. Асида) до начала 1990-х годов у власти бессменно находилось правительство консерваторов. С 1955 г. его единолично формировала Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая практически срослась с административным аппаратом.

Феномен доминантной партии не наблюдается ни в одной стране развитой демократии, он свойствен скорее странам с авторитарными или полуавторитарными политическими режимами, что выделяет Японию из их числа и заставляет относиться к ней как к своего рода аномалии. Но все встает на свои места, если помнить о том, что это страна с неевропейской политической традицией, избравшая путь демократии. Вслед за Японией примерно таким же путем в своем политическом развитии

идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры — Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Сингапур и некоторые другие государства.

В Японии получению ЛДП достаточного для обеспечения ее доминирующего положения числа голосов во многом способствовала существовавшая избирательная система. Как известно, каждая страна формирует такую систему выборов, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в тот или иной период. До 1994 г. в стране действовал специфический вариант средних избирательных округов — разновидность мажоритарной избирательной системы, так называемая многомандатная система относительного большинства, когда от каждого избирательного округа выбирается по несколько депутатов. Такой вариант был данью традиционной политической культуре и избирательной практике довоенных лет, когда у власти сменялись мало отличающиеся друг от друга две политические партии. Закон 1925 г. гарантировал каждой из них хотя бы одно-два места во всех без исключения избирательных округах. Распределение мест в парламенте при многомандатной системе относительного большинства не соответствует действительному соотношению сил партий и обеспечивает завышение парламентского представительства крупных партий, что способствует появлению большого числа «пропадавших» голосов, особенно у тех партий, чья доля электората в избирательном корпусе невелика. Это ведет к неравенству веса голосов, что явно противоречит демократическим принципам. Тем не менее, система средних избирательных округов в принципе обеспечивает многопартийность представительных органов власти, и потому она была закреплена в законе «О выборах общественных должностных лиц» (1950).

Правда, стоит напомнить, что начиная с 1920-х годов японские политики видели для себя образец в «Вестминстерской» двухпартийной системе, в которой действуют две массовые, хорошо структурированные партии различной политической ориентации, со своей социальной базой, с приверженностью электората скорее партии, чем конкретному кандидату. Поэтому уже в 1954 г. правительство выступило с предложением о введении одномандатных избирательных округов и создании двухпартийной системы по образцу Великобритании. Но тогда подобная модель не могла быть реализована. В 1990-е годы, как будет сказано ниже, при проведении новой реформы политической системы партийные лидеры вновь вспомнили о ней.

В образовавшейся в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, а на другом — все социал-демократические в лице Социалистической партии Японии

(СПЯ, ныне СДПЯ), на время объединившей в себе левых и правых социалистов. Их консолидация, несмотря на серьезнейшие расхождения по принципиальным вопросам, диктовалась прагматическими причинами сплочения своих рядов. Объединение всех консервативных сил отвечало потребностям строительства мощной экономики, главная роль в этом отводилась крупному бизнесу. ЛДП сразу создавалась как парламентская партия с целью завоевания и удержания власти. ЛДП и СПЯ придерживались различных политических взглядов и были приверженцами различных политических ценностей, что соответствовало делению общества на два лагеря — «консервативный» и «прогрессивный».

После возникновения биполярной структуры в стране, казалось, появились предпосылки введения двухпартийной системы европейского образца. В частности, на выборах в палату представителей парламента в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% общего числа), а ЛДП — 287 (61,5%). В глазах избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, а СПЯ — нечто новое, современное, прогрессивное. ЛДП еще в середине 1950-х годов сумела определить и позднее успешно реализовать объединившую всех японцев национальную цель — догнать западные страны в экономической области. Популярность же социалистов была связана с послевоенной демократизацией японского общества. В период высоких темпов экономического роста СПЯ не сумела адаптировать свою политику к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что не могло не привести к резкому сокращению ее социальной базы. Достаточно скоро у партии не осталось даже гипотетических шансов на приход к власти, и в Японии почти на 40 лет установилась гегемония одной партии — ЛДП.

При единоличном правлении либерал-демократов Япония знала длительные периоды социального мира и стабильности, что во многом достигалось следованием одному из ведущих принципов японской политической культуры — «духу гармонии» (ва-но сэйсин). Общество при этом выглядело в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические партии и объединения. Вместе с тем динамику политического прогресса обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП благодаря фракционности своей структуры. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого курса при сохранении его принципиальной преемственности.

Политический вес правящей партии и всей оппозиции долгое время соответствовал их роли в обществе, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии — интересы отдельных групп населения. Однако при сохранении формата «системы

1955 г. » происходило постепенное изменение соотношения сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. они совокупно получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. только 66,6%. Японская политическая система начала превращаться в многопартийную.

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества, возникновение и усиление гражданских движений, рост электората оппозиционных партий заставили правящую партию задуматься о коррекции своих действий. Другими словами, обозначилась потребность в проведении политической реформы. С усложнением в 1970—1980-е годы политической картины в стране начинаются дискуссии о создании разного рода коалиций оппозиционных партий с тем, чтобы заставить ЛДП поделиться властью. Сначала речь шла о трехпартийной коалиции, в которую могли бы войти центристские Партия демократического социализма (ПДС) и Комэйто (Партия чистой политики), представляющая крупнейшую буддийскую организацию Сока гаккай (Общество установления ценностей), а также правое крыло СПЯ. При этом никогда не рассматривался вопрос о включении в какую-нибудь коалицию Коммунистической партии Японии (КПЯ), хотя, например, на всеобщих выборах в 1972 г. она получила 39 мандатов и была тогда третьей по представительству парламентской партией страны.

Правящая партия внимательно следила за маневрами оппозиции и заигрывала с центристскими партиями, вселяя в них надежду на возможность формирования консервативно-центристского правительства. Однако, несмотря на серьезные кризисные явления в правящей партии, внешним проявлением которых с конца 1980-х годов были перманентные коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти, ни одна оппозиционная партия не могла соперничать с ней в борьбе за власть, ибо оппозиция никогда не предлагала позитивной альтернативы консервативной политике, а лишь подвергала ее критике. Поэтому до начала 1990-х годов все разговоры о создании дееспособной оппозиции и переходе к двухпартийной системе оставались словесными спекуляциями. Реальная возможность перевода дискуссий на эту тему в практическую плоскость впервые обозначилась лишь после провала ЛДП на выборах 1993 г., в результате которого прервалось единоличное правление консерваторов. Тогда же появились новые партии, вскоре объединившиеся со старыми оппозиционными силами в единую общенациональную Партию новых рубежей.

Однако ее существование оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия в ней весьма разнородных политических сил и отсутствия четкой политической позиции. Важную роль в ее распаде сыграла

также разгоревшаяся в высшем партийном руководстве борьба трех бывших премьер-министров (Т. Кайфу, М. Хосокава, Ц. Хата) между собой и против амбициозного И. Одзава. Уже в 1997 г. ввиду критической внутрипартийной ситуации Партия новых рубежей была распущена с тем, чтобы вместо нее создать два-три политических объединения. Никто не ожидал, что она расколется на мелкие части. Из образовавшихся в результате шести партий самой крупной стала Либеральная партия И. Одзава.

Сложившаяся ситуация свидетельствовала о том, что ведущие политики страны оказались неспособны, да и не желали вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. За три года в Японии сменилось четыре коалиционных правительства. Первые два без участия либерал-демократов оказались неустойчивыми и нежизнеспособными, а два последующих — с участием ЛДП и СПЯ — продемонстрировали казавшийся ранее немыслимый альянс, свидетельствующий об обретении обществом идеологического единообразия. Доминирование идеологии среднего класса, к которому причисляет себя подавляющее большинство японцев, — неоконсерватизма (суть которого создание системы «социального рыночного хозяйства»), практически не оставило места характерным для «системы 1955 г.» непримиримым идеологическим различиям между партиями.

Коалиционные правительства во главе с ЛДП продемонстрировали пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала готовиться к выборам в палату представителей по принятой в 1994 г. новой избирательной системе, при разработке которой в определенной степени учитывался британский опыт. Целью избирательной реформы было повысить значимость политических партий, перенести центр тяжести в избирательной кампании с отдельных кандидатов на партию в целом, привлечь внимание электората к партийным программам, что характерно для британской политической практики. По новой системе 300 депутатов избираются в нижнюю палату парламента по одномандатным округам и 200 (в настоящее время 180) — по 11 региональным блокам по списку политических партий сроком на четыре года. В целом такая система благоприятствует только крупным партиям, оставляя мало места мелким. В одномандатном округе избиратель поставлен перед жестким выбором: сколько бы кандидатов ни выдвигалось, победит только один. Однако, учитывая национальные политические традиции, в соответствии с которыми даже малые партии оппозиции сохраняли возможность получать места в парламенте, японские политики нашли компромиссное решение при реорганизации избирательной системы: наряду

с одномандатными округами сохранилось и пропорциональное представительство по партийным спискам.

Казалось, что в середине 1990-х годов появилась возможность создать политическую систему, похожую на столь привлекательный для японских консерваторов британский образец. Если дальнейшее совершенствование избирательной системы пойдет по английскому образцу, т.е. сохранятся только одномандатные округа, то даже такие старые партии, имеющие устойчивый электорат, как КПЯ, лишатся будущего. Однако в результате введения новой избирательной системы не были созданы условия для установления двухпартийной системы, при которой партии регулярно сменяли бы друг друга у власти, что было бы полезно для оздоровления политической жизни страны. Этого и не могло быть по определению, потому что пока «двухслойная» система выборов лучше соответствует политическим реалиям японского общества.

В условиях нивелирования идеологических противоречий между различными политическими силами наиболее естественным путем реорганизации политической системы представлялось создание двухпартийной системы американского образца, при которой у власти сменяют друг друга две консервативные партии. Однако в середине 1990-х годов политическое развитие в стране пошло совсем по другому сценарию, во многом напоминающим то, что происходило в ряде европейских стран, где достаточно громко заявили о себе левоцентристские и прогрессивные партии, представленные политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявляется в формировании партий демократического толка, в сотрудничестве части молодых либерал-демократов с СДПЯ и другими оппозиционными партиями.

Воспользовавшись расколом Партии новых рубежей, созданная в 1996 г. Демократическая партия (ДП) предложила объединить родственные оппозиционные силы в блок. В новом объединении сразу же обозначились серьезные противоречия между лидерами вошедших в него группировок по вопросам о характере блока, возможности превращения его в партию, будущих союзниках и партнерах. Несмотря на это, к апрелю 1999 г. им удалось договориться и создать новую Демократическую партию, которая является крупнейшей оппозиционной силой в парламенте, реально противостоящей ЛДП.

Для лидеров левоцентристского спектра демократической партии моделью служит левоцентристская коалиция с участием умеренных коммунистов в Италии, так называемая *Olive tree coalition*, созданная в свое время премьер-министром этой страны Романо Проди. Тот в свою очередь сравнивал ее с Новой лейбористской партией Тони Блэра. Речь идет

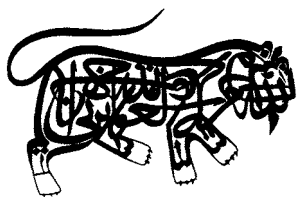
о предвыборных альянсах партий, которые претендуют на право формирования правительства и могут договориться о кандидатуре на пост премьер-министра. Пожалуй, впервые так отчетливо японские политики примеривают на себя политический опыт других, в первую очередь западноевропейских, стран.

Немаловажную роль в стремлении к обновлению структуры партий — правящей ЛДП и оппозиционных — играет смена поколений в основном эшелоне истеблишмента и новый баланс их реальных сил. Как и во многих странах Западной Европы, на авансцену японской политической жизни вышли энергичные, амбициозные деятели современной формации, что стимулирует процесс распада ранее существовавших партий, появление новых, как правило, непрочных объединений, слияние и размежевание различных политических группировок.

Процесс смены поколений пробивает себе дорогу на фоне свойственной японской политической культуре традиции семейного «наследования» мандатов в парламенте.

Интересной особенностью современной японской политической жизни является необычайное положение КПЯ, существующей в строго определенной и изолированной политической нише и сохраняющей, тем не менее, возможность оказать определенное влияние на развитие политической ситуации в стране. В настоящее время оппозиционным партиям достаточно сложно создать единый фронт в парламенте против правящей партии без участия коммунистов.

В целом процессы, происходящие на внутривнутриполитической сцене Японии, в определенной степени сближают ее с другими развитыми рыночными демократиями. Однако особенности политической культуры этой страны таковы, что еще долго можно будет говорить о неординарности функционирования политической системы Японии в сравнении с другими странами, входящими совместно с ней в одни и те же международные структуры глобализирующегося мира.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (предварительные итоги)

Из очерченной логики понимания системного сравнительного политического анализа, его «спатальной» («пространственной») развертки и ее конкретного наполнения вырисовываются основные параметры определения общих принципов и закономерностей типологии построения и функционирования политических систем, кратко рассмотренные как в первых главах настоящей книги, так и в достаточно полно представленной сегодня мировой литературе по сравнительной политологии на русском языке (это переводная литература ведущей на сегодняшний день англо-американской традиции сравнительной политологии)¹ и менее многочисленной, но все же уже и не эпизодической, и становящейся все более самостоятельной и оригинальной по содержанию российской литературе по предмету².

Попытаемся суммировать закономерности политической трансформации стран Африки и Азии, а потом на этой основе сформулировать некоторые закономерности эволюции африканских и азиатских политических систем.

Рассмотрим первый макрорегион — Африку. Проанализированные политические системы африканских государств представлены в следующей таблице.

¹ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М / Весь мир, 2000; Политическая наука: Новые направления. М., 1999; Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997.

² Соловьев А. И. Политология. М.: Аспект Пресс, 2001; Сморгунев Л. В. Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002; Категории политической науки / Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН, 2002; Политический процесс: Основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мельшиной. М.: Инфра-С / Весь мир, 2001.

Таблица 1

АФРИКА

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Монархии				
Лесото	Парламентская монархия	Двухпалатный парламент	Многopартийность при наличии доминантной партии	Унитарная монархия парламентского типа, нестабильная демократия
Свазиленд	Неограниченная монархия	Двухпалатный парламент (Либандла)	С 1998 г. многopартийность при наличии доминантной партии	Абсолютная монархия
Республики				
Ангола	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийная структура при многopартийности	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Бенин	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Ботсвана	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийная структура при многopартийности	Унитарная республика, демократия
Буркина-Фасо	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Бурунди	Военная власть	Однопалатный парламент	Двухпартийная структура при многopартийности	Унитарная республика, военная диктатура

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Габон	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гамбия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гана	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1999 г.	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гвинея	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1992 г.	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гвинея-Бисау	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1991 г. при наличии доминантной партии	Унитарная военная республика
Джибути	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная авторитарная республика
Замбия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Зимбабве	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Фактическая однопартийность	Унитарная авторитарная республика
Кабо-Верде	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Камерун	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминирующей партии	Унитарная республика, нестабильная демократия

1	2	3	4	5
Кения	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1992 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Коморские острова	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1992 г.	Федеративная исламская республика, жесткая военно-авторитарная форма правления
Демократическая Республика Конго (Заир)	Военная президентская	Действие прекращено в 1997 г.	Действие партий прекращено в 1997 г.	Унитарная республика, военная власть
Конго	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент (прекратил действие, вместо него в 1997 г. создан назначаемый Национальный совет переходного периода)	Многопартийность (прекращена)	Унитарная президентская республика, авторитарная власть
Кот-д'Ивуар	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Либерия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мадагаскар	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная (в процессе трансформации в федеративную) демократическая республика, нестабильная демократия

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Маврикий	Парламентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, либеральная демократия
Мавритания	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная исламская республика, нестабильная демократия
Малави	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мали	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мозамбик	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Намибия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Нигер	Военная	Однопалатный парламент (Национальная ассамблея), замененный Национальным Советом Спасения	Многопартийность	Унитарная военная республика, авторитарный режим правления

1	2	3	4	5
Нигерия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Федеративная республика, нестабильная демократия
Руанда	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм
Сан-Томе и Принсипи	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Демократическая унитарная республика, нестабильная демократия
Сейшельские острова	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Сенегал	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при доминантной партии	Унитарная президентская республика
Сьерра-Леоне	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Сомали	Военная	Отсутствует	Отсутствует	Федеративная исламская военно-авторитарная республика
Судан	Военная	Однопалатный парламент	Многопартийность (временно упраздненная)	Федеративная исламская военно-авторитарная республика
Танзания	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Того	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Уганда	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность в состоянии перехода к многопартийности	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм
Центрально-Африканская Республика	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Чад	Двойная (президент — премьер-министр)	Однопалатный	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Экваториальная Гвинея	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм
Эритрея	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при доминирующей партии	Унитарная республика, национальный социализм
Эфиопия	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Федеративная демократическая республика, нестабильная демократия
Южно-Африканская Республика	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия

В государствах Африки ускоренная извне политическая трансформация привела к тому, что европейская демократия была синтезирована с африканской традиционной демократией племенного типа в тех странах, которые находились на ином, явно более низком витке исторической спирали. В результате оставшиеся по форме европейскими демократические институты наполнились традиционной африканской общинной демократией, сохранив все недостатки последней (псевдоуравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности), и одновременно стали дрейфовать в сторону авторитаризма, поскольку демократия как таковая не могла обеспечить законности и порядка. Гибридный синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки 60-х — середины 80-х годов XX в. Некоторые африканские страны не смогли преодолеть этой тенденции вплоть до самого последнего времени. В результате в Африке в целом сначала возобладали однопартийные политические системы, трансформировавшиеся в некоторых государствах на более позднем этапе в политическую систему с доминантной партией и с гипертрофированной президентской властью. Однако однопартийный авторитаризм не укреплял доверие граждан к власти, а разрушал его, поскольку в ходе конструирования однопартийного авторитаризма не был запущен либо был демонтирован механизм политической соревновательности конкурентных моделей развития, который может существовать только при достаточно высокой степени политического плюрализма. В целом все африканские режимы, прошедшие такого рода историческую эволюцию, оставались в высокой степени нестабильными, а потому их политическое бытие сопровождалось сериями военных переворотов, применением репрессивных мер управления, кровопролитными гражданскими конфликтами (Центрально-Африканская империя, Уганда, Гвинея, Экваториальная Гвинея).

К середине 80-х годов XX в. подавляющее большинство режимов на Африканском континенте были авторитарными или тоталитарными. Однако такие режимы стали испытывать экономические проблемы, поскольку не могли наладить нормальную экономическую жизнь населения. Соответственно, начиная с 80-х годов XX в. в Африке в целом стали осуществляться меры рыночных экономических преобразований, которые сопровождались постепенной демократизацией политических структур и трансформацией африканских политических систем от тоталитарно-репрессивных к авторитарным, некоторые из которых, в свою очередь, по мере экономического развития, преодоления отсталости, расширения экономического либерализма стали вводить элементы де-

мократии западного типа. При этом часть из африканских режимов экспериментировала и с элементами демократии незападного, нелиберального, автохтонного типа, опираясь на некоторые специфические черты своей политической культуры.

Вмешательство Мирового валютного фонда (МВФ), Мирового банка (МБ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), которые стали навязывать некоторым африканским правительствам неолиберальные программы устранения государства из экономики и общественной жизни, вызвало обнищание населения, усиление политической нестабильности, очередную череду военных и политических переворотов и, в конечном счете, откат к жесткому авторитаризму. Однако за последнюю четверть века в Африке постепенно появилась прослойка среднего класса, которая была заинтересована в политической и экономической предсказуемости государства, повышении легитимности политических режимов путем введения элементов политического плюрализма, усиления правовых основ государства, четкой регламентации сфер его вмешательства в экономическую сферу. В силу этого в Африке к 90-м годам XX в. в целом стали усиливаться нормы конституционного либерализма, а затем появились предпосылки для нового этапа демократизации политических режимов. К концу XX в. примерно 64% государств Африки начали построение демократической политической системы. Сводная таблица наглядно показывает, что из 48 африканских государств 46 выбрали республиканскую форму правления, причем в 40 государствах присутствует многопартийность или двухпартийность и одно (Уганда) находится в состоянии перехода от однопартийности к многопартийности (табл. 1). В то же время эти политические системы не во всех случаях можно назвать либеральной демократией западного типа, поскольку 9 из 32 демократий сохранили систему доминантной партии, а более или менее стабильными демократиями являются только два государства (Ботсвана и Маврикий). Среди демократизирующихся африканских государств есть и системы демократий нелиберального или незападного типа, однако выделение этой категории политических систем на африканском материале затруднительно ввиду нечеткости, а иногда и неразвитости общих политических тенденций в регионе.

Однако, несмотря на явную в целом модернизацию политических систем Африканского континента, всем им в той или иной мере присуща определенная специфика, выражающаяся в существовании ряда особенностей, а именно:

- сохранение автохтонных политических структур (политическое влияние племенных вождей, племенной аристократии) и превалирование группового (племенного) политического сознания

над индивидуальным при сохранении определенной автономии индивидуума;

- культурно-политическая гетерогенность, а в некоторых странах — гибридность, т.е. противоречивое сочетание элементов различных политических и культурных систем: западной и африканской;
- формирование и развитие специфических социетарных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных структур, к примеру, родовой общины и современного капиталистического уклада, создающих гибридные политические субкультуры.

* * *

Проанализированные в предыдущих главах политические системы и политические режимы региона Большой Ближний Восток могут быть представлены в табл. 2.

Как было отмечено выше, на Арабском Востоке первая конституция (Органическое положение 1882 г. Египта) была автохтонной. Полуколониальные и зависимые страны Арабского Востока, как и Африки, принимали конституции под европейским влиянием и по европейским образцам (Трансиордания, Ирак, Ливан, Сирия, Кувейт). В большинстве арабских стран конституции были приняты только после достижения политической независимости после Второй мировой войны (Алжир, Тунис, Марокко, НДРЙ и др.), а в монархиях — вообще относительно недавно (Саудовская Аравия, Оман). Практически во всех странах Арабского Востока вне зависимости от типа их политической системы и формы политического устройства превалирует основная черта их политической культуры: власть концентрируется в личности лидера и традиционных социальных структурах, скрытых за формальным фасадом официальных политических институтов. Поэтому главным фактором, определяющим функционирование государственных институтов в арабских странах, является государство и его глава как основной инструмент политической системы, вне зависимости от того, кем в действительности является глава государства — президентом или монархом. Именно поэтому наибольшее распространение в арабских республиках (5 из 9) получили однопартийные режимы в форме президентской республики, чаще авторитарного характера, хотя и с элементами парламентаризма (см. табл. 2). Таким образом, в большинстве арабских стран (точнее, в 13 из 18) наблюдается фактически неконтролируемая власть монарха/президента, у которого в прямом подчинении находятся законодательные органы и правительство (см. табл. 2). Традиционная мусульманская поли-

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Монархии				
Бахрейн	Абсолютная (неограниченная) монархия	С 1975 г. выборной Ассамблеи не существует	Отсутствует	Унитарная абсолютная монархия
Иордания	Полуабсолютистская монархия	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Незападная конституционная монархия полуабсолютистского типа, унитарный тип государства
Катар	Абсолютная монархия	Нет законодательного органа	Нет партий	Абсолютная исламская монархия, унитарный тип государства
Кувейт	Абсолютная монархия	Однопалатный парламент	Нет партий	Абсолютная исламская монархия, унитарный тип государства
Марокко	Ограниченная монархия (двойственная власть)	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Незападная конституционная монархия, нестабильная демократия
Объединенные Арабские Эмираты	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Отсутствует партийная система	Исламская абсолютная монархия, федеральный тип государства
Оман	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Отсутствует партийная система	Исламская абсолютная монархия

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
Саудовская Аравия	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Нет партий	Исламская абсолютная монархия, унитарный тип государства
Республики				
Алжир	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная демократическая народная республика, нестабильная демократия
Египет	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность, при де-факто доминантной партии	Унитарная республика, либеральная демократия
Израиль	Парламентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика без конституции, либеральная демократия
Ирак	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Нестабильная демократическая республика переходного типа в состоянии, близком к гражданской войне
Иран	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Фактическая однопартийность	Унитарная мусульманская республика, авторитарный национализм
Йемен	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Ливан	Двойственная (президент и премьер-министр)	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Ливия	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Социалистическая народная республика, националистический социализм
Сирия	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная президентская республика, националистический социализм
Тунис	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная республика, националистический социализм
Турция	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, либеральная демократия
Казахстан	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм
Кыргызстан	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Таджикистан	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, авторитарный национализм

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Туркменистан	Неограничен- ная президент- ская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная республика, автори- тарный национализм
Азербайджан	Неограничен- ная президент- ская	Однопалатный парламент	Многопартийность при ограни- чении деятельности оппозиции	Унитарная президентская рес- публика, авторитарный нацио- нализм
Армения	Неограничен- ная президент- ская	Однопалатный парламент	Многопартийность при ограни- чении деятельности оппозиции	Унитарная президентская рес- публика, авторитарный нацио- нализм
Грузия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, автори- тарный национализм

тическая культура обосновывает необходимость совмещения поста главы государства и правительства в лице харизматического лидера, как бы «освященного» духовной властью. При этом традиционная мусульманская политическая культура, в отличие от западной, принцип разделения властей расценивает как слабость, т.е. «слитность» исполнительных и законодательных органов в этой традиции усиливает эффективность государства. Соответственно в политических системах арабских стран парламенты априори занимают второстепенное место.

Что касается арабских монархий, то там главная роль в политической системе принадлежит монарху и особая — правящему семейству, которое может удерживать власть в течение столетий. Многие монархические династии в государствах Персидского залива вышли не только из племенной среды, но и из одной племенной конфедерации, что обусловило сохранение до настоящего времени племенных связей и родовой иерархии. Именно поэтому все аравийские монархии имеют схожие государственные институты, где ключевая роль принадлежит правящим семействам.

В Иране после свержения монархического режима была предпринята попытка привести политическую систему страны в соответствие с концепцией радикальной «исламской модели развития», определяющей верховенство ислама во всех государственных структурах и ветвях власти, т.е. осуществить модель «автохтонной радикальной демократии на религиозной основе»¹. Такая форма правления является альтернативной арабским авторитарным и монархическим режимам как по форме, так и по религиозной основе (шииты /сунниты²). Одновременно исламские республики (Иран, Мавритания, Пакистан) утверждали приоритет традиционного образа жизни. Заключение по поводу соответствия ис-

¹ Подробнее см.: Дружиловский С. Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) // Ислам и политика / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорина. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 60–69. Хотя по этому поводу существуют и другие мнения, см.: Арабаджян А. З. Относительно так называемой неотделимости ислама от политики (концепция и практика). Там же. С. 143–153. Такая политическая модель импонирует части отечественных традиционалистов. За необходимость невыборного «духовного руководства» властью и обществом ратует и часть «новых евразийцев» в России.

² 90% мусульман мира принадлежит к суннитскому направлению ислама, считающемуся основным, ортодоксальным, а 10% — к шиитскому. Как правило, в большинстве мусульманских стран, за исключением Ирака и Ирана, шииты составляют конфессиональное меньшинство. Основное отличие шиизма от суннизма состоит в том, что для суннитов имам есть духовный и светский глава, избираемый или назначаемый людьми. Шиитский имам является таковым по своей сущности благодаря эманации «вечного божественного света» в роду потомков Али, переходящей от отца к сыну.

ламским нормам в Иране выносятся *факихами* (исламскими правовед-ами) Совета по охране конституции и исламских норм. Соответственно этим представлениям республиканские выборные органы власти — президент и парламент — получили вышестоящих «теократических двойников», формируемых без участия избирателей. Преемственность высшей власти обеспечивает Собрание экспертов, наделенное правом выбора нового духовного руководителя (*рахбара*) или Руководящего совета. Деятельность высшей законодательной власти — *меджлиса* — контролируется на предмет соответствия исламским нормам Наблюдательным советом. Работа исполнительной власти контролируется *рахбаром*.

В политической системе Турции традиционные мусульманские ценности были модернизированы политической элитой и отделены от политической системы государства, причем гарантом этого отделения стала армия и военное руководство страны. Присоединившись к некоторым западным структурам, политическая элита Турции попыталась ускорить и политическую интеграцию страны с западным миром. Однако достаточно быстро, несмотря на прозападный в целом вектор развития, в Турции усилилось влияние исламистских и националистических партий, и также, как и в Иране, имели место попытки обоснования и закрепления исламской модели государства. Однако проводившая эту политику Партия благоденствия в Турции в конечном счете была запрещена.

Специфика африканского и азиатского племенного мироощущения сходна с миропониманием представителей кочевых племен. Племенные и кочевые структуры оказывают схожее влияние на процесс формирования современного государства, в каком бы регионе мира они ни находились. Специфику формам государственного устройства придают в основном только конкретные исторические пути трансформации племенных либо кочевых структур и/или наличие внешнего политического влияния. В племенах Среднего Востока и Центральной Азии власть не носит институционального характера, каждый член племени связан предком по отцовской линии, принадлежа местному сообществу (к племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье). Власть хана — главы племени в Афганистане и в обществах похожего типа (ряд государств Центральной Азии) — зависит от консенсуса внутри местных сообществ. Эти сообщества формируются на базе территориальной общины и выступают властными центрами, существующими независимо и параллельно любой государственной власти. Таким образом, в качестве современного лидера такая община воспримет только того, чьи предки были ханами. Помимо генеалогии властные отношения в политических системах

такого типа основаны также на патронаже, т.е. на принципе, в соответствии с которым тот получает больше влияния и обретает большую власть, кто больше дает, раздает, распределяет. В Афганистане есть и особый политический институт, представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени и включенного в государственную администрацию, который выступает официальным посредником между государством и деревней. Такой хан является носителем публичной власти, отличной от государственной, но признаваемой государством и инкорпорированной в его структуру.

Таким образом, в Афганистане, как, например, в Северном Йемене или некоторых государствах Африки, сложился особый политический симбиоз государства и племен, где государство сохраняло черты племенного объединения, государственная власть не достигала племен, которые фактически самоуправлялись (иногда на основе примитивной племенной демократии), т.е. там исторически сложился сложный и своеобразный дуализм власти — центрального правительства и племен. При этом надо понимать, что традиционные структуры, основанные на примитивной демократии племенного или общинного типа, даже при сильном внешнем влиянии могут и не стать зародышами гражданского общества.

Традиционная система властных отношений в государствах Центральной Азии, хотя и сильно подорванная коммунистическим режимом и унифицирующей идеологией советского государства (коммунистическая идеология в ленинско-сталинской и ленинско-брежневской редакциях), оказалась не полностью уничтоженной. В некоторых государствах Центральной Азии племенные структуры, подобно существующим в Афганистане, пережили как всю советскую форму правления, так и его коллапс. Именно поэтому, несмотря на внешний антураж, в государствах Центральной Азии демократические институты власти в целом не получили особого развития. Практически во всех центральноазиатских государствах существуют авторитарные либо консервативные патерналистские режимы, во всех есть проблемы реального общественного контроля над государственной властью, во всех сохраняется клановость. Законодательные органы, как правило, также не в состоянии контролировать и координировать исполнительную власть.

Во всех центральноазиатских республиках, в отличие от Афганистана, имеющего особый и отличный от центральноазиатского этноконфессиональный состав, наблюдается сильная президентская власть, появление которой обусловлено как экономическими, так и схожими политическими факторами. Однако стабильный характер этой авторитарной власти может быть поколеблен после ухода с политической арены харизматических лидеров этих государств.

В системе власти Центральной Азии важную роль играют клановые интересы, там возрастает роль конфессионального элемента, но одновременно продолжает сохраняться светская власть. В этом смысле государства Центральной Азии, находящиеся в буферной зоне межрегионального/межцивилизационного взаимодействия, как бы аккумулируют разные региональные политические тенденции (Ирана, Турции и Афганистана), но их конечная составляющая из-за разнородности этих тенденций и нестабильности самих политических режимов, ни один из которых фактически не решил проблему преемственности власти, пока остается не ясной. Легитимность руководителей центральноазиатских республик также во многом определяется их происхождением и связью с традиционными племенными структурами.

* * *

Представим политические системы и политические режимы Большой Восточной Азии в сводной табл. 3.

По конституции 1950 г. в Индии была введена так называемая «Вестминстерская» система, т.е. политическая система, аналогичная политической системе Великобритании, под колониальным управлением которой Индия находилась долгое время. В стране существовала доминантная партия, которая постоянно и безальтернативно приходила к власти по результатам очередных выборов. Такой партией до конца XX в. являлся Индийский национальный конгресс (ИНК). Однако с конца 90-х годов XX в. эта система начинает размываться и постепенно дрейфовать в сторону формирования многопартийности.

В политической системе Индии, как и практически во всех азиатских странах, велика роль семейственности (вариант клановости). Соответственно большинство ведущих политических партий представляют собой группы, объединяющиеся вокруг лидера и не имеющие четких социальных позиций, а постоянно меняющие позиции и союзников в зависимости от политической конъюнктуры. Личностные отношения между лидерами играют иногда определяющую роль в ориентации партий.

Собственно индийскими особенностями можно считать роль в политическом процессе кастового и конфессионального факторов. Высшая каста брахманов традиционно монополизирует сферы политики, образования, профессиональных занятий, политического администрирования. Средние касты, монополизировав земельную собственность, контролируют население деревни, но в последнее время начали бороться за свое участие в политической жизни с брахманскими кастами. Неприкасаемые своим положением изгоев противопоставлены всем осталь-

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Монархии				
Бруней	Абсолютная монархия	Не имеется	Не имеется	Исламская абсолютная монархия, унитарный тип политической структуры
Бутан	Абсолютная монархия	Однопалатный парламент	Запрещена деятельность партий	Буддийская абсолютная монархия
Камбоджа	Двойная (принц и премьер-министр)	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Ограниченная монархия с плюралистической либерально-демократической системой
Малайзия	Конституционная монархия	Парламент	Многопартийность	Федеративная конституционная монархия, либеральная демократия западного типа
Непал	Конституционная монархия (парламентская исполнительная власть)	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Парламентская демократия, возглавляемая монархом
Таиланд	Конституционная монархия	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Парламентская конституционная монархия западного типа

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5
Япония	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Конституционная монархия, либеральная демократия
Республики				
Бангладеш	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Вьетнам (СРВ)	Коммунистическая	Однопалатное Национальное собрание	Однопартийность	Унитарная социалистическая республика коммунистического типа
Индия	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Федеративная республика, либеральная демократия
Индонезия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Демократическая республика унитарного типа, демократия западного типа
Китай (Китайская Народная Республика)	Коммунистическая	Однопалатный парламент (Всеитайское собрание народных представителей)	Доминантно-главствующая роль КПК, существуют другие партии	Народная коммунистическая республика авторитарного типа, унитарная политическая структура
Лаос	Коммунистическая	Однопалатный парламент	Однопартийность	Народно-демократическая республика коммунистического типа, унитарный тип политического устройства

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
1	2	3	4	5
Мальдивы	Неограниченная	Однопалатный парламент (Меджлис)	Нет партий	Унитарная исламская президентская республика, авторитарный национализм
Монголия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (Великий народный хурал)	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия либерального типа
Мьянма (Бирма)	Военная	Однопалатный парламент (Народное собрание)	Многopартийность	Унитарная республика, военно-авторитарный режим правления
Пакистан	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Федеральная исламская республика, нестабильная демократия с деформацией в период правления военных режимов
Северная Корея (КНДР)	Коммунистическая	Однопалатный парламент	Однопартийность	Народно-демократическая республика коммунистического типа, жесткий авторитаризм
Сингапур	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность с преобладанием одной партии	Унитарная республика, либеральная демократия незападного типа

1	2	3	4	5
Тайвань (Китай- ская Респу- блика на Тайване)	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (На- циональное собрание)	Многопартийность	Унитарная республика, неста- бильная демократия
Филиппины	Президентская республика	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная президентская респуб- лика, либеральная демократия
Южная Корея (Республика Корея)	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (На- циональное собрание)	Многопартийность	Унитарная республика, демо- кратия
Шри-Ланка	Дуалистиче- ская (двойст- венная) по французской модели	Однопалатный парламент (Национальное государственное собрание)	Двухпартийность	Унитарная демократическая социалистическая республика, либеральная демократия

ным кастам. Для участия в политическом процессе им необходимо сложить идеологическую основу кастовой системы, но, поскольку их угнетают главным образом средние касты, неприкасаемые объективно противостоят последним и входят в политические коалиции в качестве союзников брахманов. Считается, что роль каст особенно велика при выборах в законодательные собрания индийских штатов. Кастовый фактор — наиболее яркое проявление групповой солидарности, когда превалирует не индивидуальный выбор, а оглядка на то, как голосует кастовый лидер. Смена лидера политической ориентации приводит к массовому изменению характера голосования всей группы.

Конфессиональный фактор в Индии имеет свои особенности и связан с противостоянием индуистского большинства и мусульманского меньшинства. Индия с преимущественно немусульманским, более чем миллиардным населением является центром субрегиона Южная Азия. «Обрамляющие» ее с северо-запада и востока мусульманские государства Пакистан и Бангладеш выступают антагонистами Индии. В основе этого антагонизма лежит проблема, связанная с возможностью религии (индуизма или ислама) служить политической основой нации, национальной идентичности, определяя существенные черты политической системы и характера современного государства.

Образовавшиеся в результате распада колониальной британской империи в Индии в 1947 г. и раскола Пакистана в 1971 г. (Мальдивы освободились от английского протектората в 1965 г.) мусульманские государства Южной Азии (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы) отличаются некоторые специфические черты как политической системы, так и политической культуры. Для структуры власти в них характерны преобладание элементов авторитаризма, господство бюрократии, самостоятельная политическая роль армии. Хотя конституционное устройство и Пакистана, и Бангладеш, так же как и Индии, основано на британской, так называемой «Вестминстерской» модели демократии, в обеих странах существует тяготение к президентской форме правления. В Мальдивской Республике такая власть установлена законодательно. По сравнению с Индией, элементы авторитаризма в политической системе Пакистана и Бангладеш значительно заметнее, хотя в целом в демократической Индии они также существуют, что позволяет некоторым исследователям причислять эту страну к нелиберальным демократиям.

В политической культуре Пакистана, Бангладеш и Мальдив велико значение ислама. В соответствии с конституциями этих стран ислам является официальной религией. В Пакистане государство, по конституции, должно оказывать содействие в отправлении культа, обучении и

воспитании в религиозном духе. Ислам служит в Пакистане главным элементом государственной идеологии, а в Бангладеш — одним из них. Верность исламу и его ценностям декларируют большинство основных партий и общественных организаций всех трех стран.

В мусульманских странах Южной и Восточной Азии ислам служит главным культуuroобразующим элементом, но необязательно главным элементом государственной идеологии, как на Большом Ближнем Востоке. Однако ислам, возможно, в силу своего более позднего возникновения, теснее других религий связан с политикой и потому в весьма значительной степени определяет и политическую культуру этих стран. Основная проблема модернизирующихся исламских стран заключается в том, что модернизируется в них только общество, а религия лишь приспособляется к новым реалиям. Это приспособление ислама может описываться терминами «реформирование» (*ислах*) или «обновление» (*таджид*), в зависимости от модели осовременивания страны. Из-за особой роли ислама все реформаторы в исламском мире использовали религиозную риторику, но модернисты используют ислам для прикрытия перемен, консерваторы — для сохранения существующего исламского порядка, а фундаменталисты — для восстановления старых порядков. Однако выбор модели зависит не только от конкретных исламских установлений, но и от интерпретации самих принципов ислама. Помимо религиозного и этнического факторов, на политическую культуру этих стран оказывают влияние также общие экономические и социальные условия, грамотность и образование, гендерные различия.

Таким образом, страны Южной Азии хотя и представляют собой отдельный субрегион, геоэкономически и геополитически тяготеющий к Восточной Азии, тем не менее связаны с регионом Большого Ближнего Востока (точнее, с его частью — Средним Востоком) конфессиональными и политико-культурными связями (конфессиональной общностью и частично общностью политической культуры), возможно, имеющими тенденцию к ослаблению, по крайней мере в Индии. Однако современные глобальные политические тенденции создания модернизированных государственных систем, а также экономические и торгово-экономические связи и геополитические установки все больше втягивают этот субрегион, как и страны Центральной Азии, в орбиту восточноазиатского экономического притяжения, за которым должно последовать и определенное политическое влияние. Однако восточноазиатское политическое влияние будет оказывать на страны Южной и Центральной Азии разную степень воздействия, в зависимости от прочности их собственной политической культуры, геополитической

стабильности в конкретных странах и в регионе в целом, а также и от сознательной воли политической элиты этих стран осуществлять политическую модернизацию и формировать современную государственность и политическое устройство.

В исламских странах Юго-Восточной Азии ислам тоже оказал большое влияние на становление политических систем, однако в них также существенны как автохтонное влияние, так и влияние западной политической культуры, пришедшей с эпохой зависимого развития. К примеру, Федерация Малайзия по своему государственному устройству является конституционной монархией. Все федеральные единицы Малайзии называются штатами, но их статус неодинаков. Девять из них являются княжествами (султанатами), которые возглавляют пожизненные правители (султаны, раджа и главный правитель), власть которых имеет наследственный характер. Султаны не обладают абсолютной властью в княжествах, так как там, подобно индийским штатам, на основе всеобщих выборов избираются законодательные ассамблеи и формируются правительства во главе с министрами, но они избирают главу государства. Глава государства — монарх, но пост монарха — не наследственный, а выборный из состава Совета правителей. Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает фактически обязательные «советы» при назначении судей, генерального прокурора, членов избирательной комиссии и комиссии государственной службы, которая ведет назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Правители княжеств пользуются на своих территориях особыми привилегиями. Они юридически неприкосновенны. Им также принадлежат все права, prerogatives и полномочия конфессионального главы в своем султанате. В Малайзии де-факто существует доминантная партийная система. Мы уже обращали внимание на тот факт, что Дж. и Я. Дербишайры называли такую политическую систему «либеральной демократией» (правда, «ограниченной»), отметим это еще раз, так как на основе этой констатации можно прийти к интересным выводам о незападном характере такой демократии, которые мы постараемся сформулировать в заключительной части книги¹.

Индонезия является унитарным государством, президентской республикой с системой выборных представительных органов. Конститу-

¹ См.: *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Указ. соч. С. 212. Интересно также, что, отмечая отличие этой модели от западной либеральной демократии, те же авторы в другом месте называют Малайзию и Сингапур «частичными либеральными демократиями» (Там же. С. 32).

ция Индонезии несет существенное влияние исламской традиции, в соответствии с которой она не провозглашала принципа разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Согласно ст. 33 конституции, экономика страны должна создаваться совместными усилиями на основе «семейности», т.е. в интересах не только отдельных собственников, но и всего народа при руководящей роли государства. До недавнего времени президент и вице-президент Индонезии не избирались всеобщим голосованием, только согласно принятым в 2002 г. поправкам к конституции они стали избираться непосредственно народом на всеобщих выборах.

Сингапур — парламентская республика. Однопалатный парламент является высшим органом государственной власти. До самого последнего времени Сингапур на Западе считался авторитарным государством. Несмотря на некоторые авторитарные черты политического режима, Сингапур является демократией, однако в ней отчетливо видны признаки автохтонного своеобразия, выражающиеся, в частности, в уникальной доминантной роли министра-наставника Ли Куан Ю¹.

Из молодых азиатских демократий несомненным достижением Монголии является создание реальной демократической политической системы, формирование гражданского общества, идеологического плюрализма и терпимости, хотя параметры экономического развития и внешнее влияние не всегда способствуют становлению такого политического устройства. В этой системе, удачно демонтировавшей советскую политическую культуру, были одновременно поставлены препятствия для возрождения элементов традиционной азиатской кочевнической политической культуры, которые, как мы отмечали выше, стали превалировать в Афганистане, государствах Центральной Азии и некоторых государствах Арабского полуострова и Африканского континента. На настоящее время Монголия является одним из самых удачных примеров построения демократической политической системы в стране, исторический опыт и уровень экономического развития которой, казалось бы, должны только препятствовать этому. В этом смысле Монголия для многих центральноазиатских государств, близких по истории развития и экономико-географическим параметрам, стала своеобразным образцом достижения реального демократического устройства.

¹ Интересно отметить, что Дж. Дербишайр и Я. Дербишайр все же относят политическую систему Сингапура к либеральной демократии (отмечая, правда, ее «частичный» характер), в то время как отечественные политики и исследователи либерального толка считают политическое устройство Сингапура однозначно авторитарным. См.: *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 622.

На Корейском полуострове США и СССР оказали решающее воздействие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах. Южная Корея заимствовала американский опыт, Северная Корея — советский. Для республик советского типа (Монголия, КНР, КНДР, часть государств Центральной Азии) характерно формальное верховенство представительных органов над другими органами, объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов узкими составами. Все республики советского типа по государственному режиму являются партократическими государствами. В партократических государствах советского типа могут существовать и некоммунистические партии, которые, однако, не играют сколько-нибудь важной роли в политической жизни страны и не являются политической оппозицией.

По мере развития государственности на Юге и Севере политические системы государств Корейского полуострова «кореизировались», наполнялись национальным содержанием. Наиболее четкие очертания это приобрело в КНДР, где «кореизация» народно-демократической модели развития привела к созданию так называемого «чучхейского социализма» (социализма корейского типа). Однако и демократическая Южная Корея имеет существенную незападную специфику демократического устройства, позволяющую называть ее «демократией корейского типа».

В Республике Корея первая поправка 1952 г. к конституции предусматривала избрание президента общенародным прямым голосованием, а также создание двухпалатного парламента. В июле 1960 г. поправки, принятые после свержения режима Ли Сын Мана, вводили парламентскую систему правления, в которой премьер-министр являлся главой исполнительной власти, а избранный общенародным голосованием президент — главой государства и главнокомандующим вооруженными силами. Кардинальное изменение конституции в 1962 г. в результате военного переворота после прихода к власти Пак Чжон Хи отменило эти нововведения, возвратив президентскую систему правления и однопалатный парламент. После переворота 1961 г. был создан Военно-революционный комитет (позже переименованный в Высший Совет государственной реконструкции — ВСГР), введено военное положение, запрещено проведение митингов и демонстраций. В 1961 г. был издан указ о чрезвычайных мерах по реконструкции государства, заменивший конституцию. Согласно этому документу, верховным органом стал ВСГР. В декабре 1961 г. на референдуме была одобрена новая конституция (всту-

пила в силу в 1962 г.), которая значительно расширяла полномочия президента, а парламент сделала однопалатным. В 1963 г. была сформирована Демократическая республиканская партия (ДРП), кандидатом от которой на президентских выборах стал Пак Чжон Хи. Он был избран президентом и начал реформы, усиливающие регулирующую роль государства в политической и экономической сферах. Ныне действующая конституция Республики Корея была принята в 1987 г. Согласно этому документу, Республика Корея стала демократической республикой, суверенитет которой исходит от ее народа, которому гарантированы основные права и свободы.

КНДР приняла конституцию в 1948 г., она была основана на советской конституции и направлена на построение в Северной Корее политической системы советского типа. В 1992 г. были внесены изменения в конституцию 1972 г., которые отразили северокорейские политические реалии прошедших двух десятилетий и узаконили идеологию и практику корейского социализма. По этой конституции власть в стране принадлежит всему трудовому народу, а политические акценты делаются на «укрепление идеологической революции», «удержание классовой линии», «революционизирование всех членов общества и преобразование их по образцу рабочего класса». В 1998 г. сессия Верховного народного собрания КНДР внесла коррективы в конституцию, укрепив кимченровскую систему правления, сформировавшуюся после смерти в 1994 г. Ким Ир Сена. В результате нововведений в стране усилилась роль военных в органах власти и партийных структурах.

При своем формировании, несмотря на наличие сравнительно демократической конституции 1947 г., установившийся сначала в районах, контролируемых Гоминьданом (ГМД), а затем в провинции Тайвань китайский политический режим сразу обрел зримые авторитарные черты, связанные с тем, что Гоминьдан в 20-е годы XX в. реорганизовывался с помощью советников-коммунистов из Советской России по образцу и подобию ВКП(б). В результате их вмешательства китайцы создали Коммунистическую партию Китая (КПК) и преобразовали на новых началах уже существующую крупную политическую партию Гоминьдан с высокой степенью централизации, политической организованности, революционным духом. Китайская Народная Республика, возникшая в 1949 г. в ходе кровопролитной гражданской войны на материковом Китае, также изначально конституировалась как республика советского типа. До самого последнего времени и на материковой части Китая, и на Тайване иерархии правящих партий (соответственно КПК и ГМД) строились параллельно соответствующим административно-

политическим структурам. До поражения Гоминьдана на президентских выборах 2000 г. и в той, и в другой частях Китая лидер правящей партии являлся главой государства (применительно к Тайваню — главой региона, который может рассматриваться как государство де-факто). В период существования на Тайване партократического режима, а в КНР и сейчас решение всех важнейших вопросов правительственной политики находилось в ведении узких партийных руководящих органов — Политического бюро ЦК Компартии Китая (КПК) или его Постоянного комитета, а на Тайване до недавнего прошлого — Центрального Постоянного комитета ГМД. Следует также отметить, что в течение долгого времени политические системы двух частей Китая были не только партократическими, но и военно-авторитарными. В результате для политического плюрализма на материковом Китае — в КНР — пока еще не создано организационно-политических предпосылок. Однако теоретически нельзя исключить перерастания различия во мнениях в обществе в политический плюрализм, который может возникнуть на базе сформировавшегося плюрализма разных форм собственности. В другой части Китая — на острове Тайвань — в результате целенаправленных усилий установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности и обеспечивающая политический плюрализм, которая является демократией, хотя также со значительными элементами национальной специфики.

Важно отметить, что Китай на материке сформулировал достаточно гибкий, альтернативный советскому, вариант социалистической идеи, затем удачно оживил ее, интегрировав с конфуцианской этической системой и сначала рудиментарными, а затем и вполне рафинированными «капиталистическими» механизмами. С точки зрения теории неомарксизма, которая была эффективно применена в КНР, экономические отношения в современном мире достаточно независимы от политических. Из этого положения последовал вывод о том, что рынок не является только категорией капиталистического способа производства, а значит, в экономико-политическом анализе, а главное, в практической политике, можно разделить государство, экономику и общество, т.е. или исключить, или минимизировать роль государства в экономической теории. Но минимизировать не с точки зрения его ослабления, а с точки зрения его функционирования «отдельно» в экономике, где оно должно не мешать, а помогать (в частности, законодательно, путем формирования экономического либерализма) функционированию экономических законов, и в политике на основе конституционного либерализма, где оно может формировать «гражданское общество», дав ему самостоятель-

но управлять этой сферой (демократические государства), или же жестко структурировать его на основе закона и идеологических концепций (рыночная демократия участия или рыночная плебисцитарная демократия). На практике это означает, что возможно превращение тоталитарных режимов в авторитарные модели индустриального развития¹, на основе которых происходят постепенные или форсированные трансформации политических режимов. В теории впервые эти идеи были разработаны Чан Кайши и применены на практике им же на Тайване, а в материковом Китае параллельно, но по ряду причин позже — Дэн Сяопином. И на Тайване, и в Китае применение этой модели открыло путь к дальнейшей демократизации политических режимов, однако скорость и формы осуществления этих процессов даже на территории проживания одной этнической общности со схожей политической культурой и политической психологией населения, но разным соотношением конфессионального фактора, особенно в политической элите (гоминьдановская политическая элита на Тайване является христианской), были различными.

Хотя коммунистическая идеология, которую официально проповедует китайское руководство на материке, сегодня вряд ли кого-то может вдохновить, Китай динамично пытается модернизировать ее и приспособить к современным запросам², по максимуму сократив наиболее одиозные положения и совместив их с конфуцианской системой ценностей. Идея конфуцианского трудолюбия по преобразовательному потенциалу вполне может поспорить с концепцией протестантской этики. В «новой» китайской идеологии важна идея почитания властей и старших, стоическое восприятие жизни. Эти идеи хорошо коррелируются с региональными политическими процессами. В Восточной Азии в целом происходит энергичное утверждение азиатской культуры, включающее азиатские ценности: трудолюбие, дисциплину, уважение семейных ценностей, авторитета власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, веру в иерархичное устройство общества, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации. Да, такое общество проповедует верховенство государства над обществом и общества

¹ См.: Симония Н. А. Современный этап общественной трансформации стран Востока. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности: Материалы к научной конференции Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). М.: Гуманитарий, 2004. С. 12.

² См.: Кокарев К. А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока, 2004.

над индивидуумом, но «азиатского индивидуума» в этом устраивает отсутствие внутренних конфликтов и опора на общинные ценности и «благожелательный» просвещенный авторитаризм, которые помогают модернизироваться демографически и экологически напряженным социумам. Конечно, не все эти ценности достаточно универсальны для всех типов обществ, но значительной части восточноазиатской половины мира, судя по всему, они вполне импонируют. Интересно, что при возможном воссоединении материкового Китая с Тайванем процесс универсализации модернизированного в соответствии с современными запросами конфуцианского мировоззрения может пойти еще более быстрыми темпами, поскольку Тайвань очень удачно внедрил в реальную жизнь модель культурного синтеза западных экономических этических норм и конфуцианских ценностей.

Таким образом, история трансформации двух китайских политических режимов показала, что тоталитарный режим может трансформироваться в авторитарный, тот, в свою очередь, в режим «управляемой демократии» (КНР и КР), а далее в демократию с национальной спецификой (Тайвань) или в «демократию участия» (КНР).

Понятие демократии в ее западном понимании вообще не было прираще традиционной китайской культуре. Впервые его стал использовать китайский мыслитель конца XIX в. Лян Цичао, который полагал, что не существует разницы между общественными интересами и личными. В соответствии с его теорией отдельные граждане наделяются правами с целью улучшения и усиления государства, т.е. наступление «демократической эры» в Китае в понимании Лян Цичао было непременно связано с необходимым этапом авторитарного развития. Эта же идея связи единства государственных и личных интересов в «новой демократии» революционного типа потом развивалась и революционерами-радикалами типа Мао Цзэдуна. Для Дэн Сяопина демократия была связана с четырьмя главными условиями: социализмом, диктатурой пролетариата, сочетанием марксизма, ленинизма, маоизма и руководящей ролью КПК. Одновременно в КНР в 1970-х годах начало распространяться и западное понимание демократии. В частности, именно в пользу такого понимания демократии ратовал китайский диссидент Вэй Цзиншэн, который призывал не только к западному пониманию демократии и политическим реформам, но и к борьбе за демократию. Такая постановка вопроса была равнозначна призыву к прямому подрыву политической стабильности в китайском обществе, за что он и был арестован властями.

С 1990-х годов в китайском обществе с демократией начинают ассоциировать систему правления, включающую свободные выборы, влия-

ние интеллигенции на власть и сочетание свобод и националистической китайской традиции, т.е. для Китая характерным стало понимание демократии как смеси марксистского понимания демократии (в КНР), китайской реальности (в КНР и на Тайване), позитивных достижений западной демократии (на Тайване) и демократических элементов в традиционной китайской культуре (в КНР и на Тайване). При этом ее характерными чертами в КНР являются диктатура народа, демократический централизм и руководящая роль КПК, в то время как на Тайване понятие демократии трансформировалось в демократический режим с национальной китайской спецификой.

Таким образом, политическая модель современного Китая на материке (КНР) воплощает в себе идею сочетания «просвещенного авторитаризма», «управляемой демократии» (Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь) и «демократии участия» (Ху Цзинтао), в то время как на Тайване перешли от управляемой (Цзян Цзинго, Ли Дэнхуэй) к свободной демократии устойчивого типа с национальной спецификой (Чэнь Шуйбянь). По мнению сторонников просвещенного авторитаризма, который должен обеспечивать модернизацию страны, и так называемой «полупартийной» политической системы (признание руководящей роли КПК со стороны других, контролируемых КПК, политических партий), экономические реформы должны предшествовать политическим. Власти КНР считают, что лишь после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения кардинально улучшат жизнь народа, можно переходить к демократизации общества. Таким образом, в Китае (в КНР и на Тайване) опытным путем была найдена удачная сущностная форма политической модернизации: сначала создание экономической базы и расширение экономического либерализма, потом все более широкое, но постепенное введение норм конституционного либерализма, затем поэтапная политическая демократизация в тех национальных формах, которые не угрожают политической стабильности государства как политического института. Важно отметить, что в КНР и на Тайване формы и скорость осуществления этой модели были различными.

В странах с конфуцианскими традициями (Китай, Япония, Сингапур) в целом не характерно использование модели «политического маятника», которая служит основой двухпартийной системы. Чередованию у власти победителей и побежденных там предпочитают поиски общего согласия через компромиссы. Осторожное, но неуклонное внедрение в КНР однопартийных выборов на альтернативной основе и расширение выборной системы на местном уровне и создало «управляемую демократию участия» с «китайской спецификой». Спецификой

Китай является то, что этот процесс инициирован и проводится коммунистической партией, в то время как в других странах коммунистические партии, как правило, противились введению такой системы и были маргинализированы как политическая сила другими политическими партиями.

Главная стратегическая цель КПК сегодня — к 2020 г. учетверить валовой внутренний продукт страны и вдвое увеличить число людей со средними доходами (с 20 до 40% населения, или с 250 до 500 млн чел.). В соответствии с классическими политическими теориями расширение среднего класса в стране до 40% должно привести к созданию им своей политической организации. Однако КПК заявила о готовности принимать в свои ряды предпринимателей, чтобы быть представителем всех «передовых производительных сил» (теория «трех представительств» Цзян Цзэминя), стремясь инкорпорировать представителей среднего класса и предпринимателей в свои ряды. КПК сформулировала стратегическую цель: «К середине XXI в. в основном завершить модернизацию и превратить Китай в богатую, могучую, демократическую, цивилизованную социалистическую страну».

Первым шагом к совершенствованию нынешней политической системы КНР можно считать провозглашенное Дэн Сяопином верховенство закона. Именно Дэн Сяопин заявил, что партийные органы КПК могут действовать лишь в рамках конституции и законов. Конкретным применением этого принципа стал запрет пожизненного лидерства — закон в КНР разрешает занимать высшие посты в партии и государстве не более двух пятилетних сроков подряд. Законодательное закрепление положения о ротации руководства, включая его высшие эшелоны, выбило почву у леваков и традиционалистов, которые всеми путями, в частности и увеличением срока ротации управленческих кадров, пытались замедлить темпы модернизации страны. Идея о том, что законы писаны для всех, в том числе и для ЦК КПК, не говоря уже о местных партийных чиновниках, стала существенным шагом к демократизации китайского общества.

Необходимость совершенствовать каналы обратной связи между массами и властью побудила власти КНР реанимировать Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Именно в рамках НПКСК в Китае до настоящего времени сохранилось несколько политических партий (Демократическая лига, Революционный комитет Гоминьдана, Общество 9 сентября и др.), которые признают руководящую роль компартии и считают себя ее попутчиками.

Сегодня главным направлением политических реформ в КНР является расширение практики выборов на альтернативной основе. Они

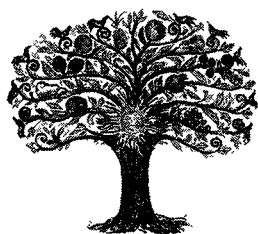
проводятся в Китае на уровне волостей, постепенно распространяются и на уезды. Еще в 1987 г. правительство КНР запустило программу самоуправления на сельском уровне, а вскоре Министерство по гражданским делам ввело систему выборов в органы местного самоуправления, позволившую жителям деревень самим выбирать руководителей на местах. Постепенно институт выборов в местные органы власти распространился практически на все деревни страны, в результате чего установилась простая децентрализованная система регулирования и контроля между главой сельского комитета и сельским собранием. Далее эта система была запущена на уровне микрорайонов (шэцзю) в городских агломерациях. Однако демократизация в КНР остается явлением локального характера, распространяющимся только на самом низком уровне социально-политической структуры общества, хотя плюрализм мнений распространился гораздо шире. В целом же Китай — это пока еще страна с авторитарным режимом правления и централизованной системой принятия решений. Тем не менее демократия на местном уровне заложила основы будущих политических перемен в стране, т.е. установление системы местных выборов и самоуправления повысило демократическую сознательность народа, что может служить основанием для демократизации политического режима КНР в будущем и на более высоких уровнях.

Япония — единственная страна, которая шла к обретению статуса «развитой рыночной демократии» своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизнедеятельности общества. Но при этом в Японии, так же как и на Тайване, в Сингапуре и других азиатских демократиях, не происходило утраты традиций и национальной идентичности. В Японии демократизация политического режима стала результатом целенаправленных реформ, проведенных «силовыми методами» в условиях американской оккупации. Успех этих реформ объяснялся тем, что от них зависела выживаемость японской политической элиты, поэтому они проводились руками японского правительства и законодательно подтверждались парламентом. При этом важно понимать, что во всех нынешних азиатских демократиях в обществе в принципе существовал (либо был целенаправленно сформирован) консенсус относительно того, что представительная или парламентская демократия является единственной альтернативой авторитарному типу правления. Однако, как и на Тайване и в Сингапуре, в Японии, возможно, еще более быстро заимствовавшей опыт развитых рыночных демократий Запада, сложилась политическая система, весьма непохожая на действующие на Западе. Эта

непохожесть долгое время вызывала опасения относительно демократичности самого японского общества (как, впрочем, сингапурского и тайваньского). Однако японская политическая элита предприняла очень серьезные усилия, чтобы доказать, что, несмотря на существенную специфику своей политической культуры, форма политического правления в стране в целом укладывается в определение понятия демократии. В то же время японской политической элите так пока и не удалось изменить систему доминантной партии.

Вообще говоря, с точки зрения англосаксонской политической теории, доминантной партии нет ни в одной стране развитой демократии западного типа, такая система свойственна странам с авторитарными или полуавторитарными политическими режимами, что выделяет Японию, считающуюся наиболее близкой по типу политической системы демократиям Запада. Именно в этом и видится специфика неевропейской политической традиции в стране, в целом избравшей путь демократии. Вслед за Японией, или параллельно ей, примерно таким же путем в своем политическом развитии идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры — Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Сингапур и некоторые другие государства. Такой же путь прошел Израиль.

При этом табл. 3 наглядно показывает, что из 23 государств Восточной Азии только 8 избрали политические системы авторитарного типа (2 государства осуществляют модель абсолютной монархии без партийной системы, 4 выбрали авторитарный коммунистический политический режим разной степени жесткости, 2 — режим авторитарного либо военно-авторитарного национализма). Причем подавляющее количество государств (18 из 23) выбрали систему многопартийности.

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ НА ВОСТОКЕ

Что же является идеальной моделью политического устройства и какова та модель, которая может быть названа демократией? Нас также будет интересовать вопрос об определении демократий разного типа, а соответственно и взаимоотношения между политической системой (политическими системами), политическим режимом и политической культурой (политическими культурами) регионов мира. Этот вопрос имеет связь с уровнем экономического развития, темпами модернизации и соответствующими этому уровню политическими институтами.

Действительно, политические институты трансформируются параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни. Изменения в экономической жизни общества, вызванные процессами современного экономического роста, меняют требования к социально-политическим институтам, которые должны приспособиться к необходимости новой институциональной гибкости и генерировании инноваций. В традиционном обществе нужны были стабильность и сохранение традиций, соответственно политические институты должны были обеспечивать сохранение традиций. Именно поэтому до начала XIX в. большинство государств использовали форму абсолютной монархии, но к началу XXI в. политические институты должны были обеспечивать максимальную адаптивность к изменениям и генерированию инноваций для проведения экономической модернизации, а потому практически все в той или иной степени используют политическое устройство, в основе которого лежит всеобщее избирательное право, без осуществления которого модернизация невозможна, так как затруднено формирование политического консенсуса в обществе. С другой стороны, развитые рыночные демократии не отказались от своего традиционного политического устройства, даже если оно и представляет собой монархическую либо теократическую форму правления (к примеру, Великобритания, Ватикан), только огра-

ничив ее таким образом, чтобы этот институт по форме обеспечивал соответствие традициям, но при этом не препятствовал осуществлению прямого избирательного права, многопартийности, системе разделения властей и т.д., т.е. тем параметрам, которые и монархию позволяют называть демократией. Таким образом, не столько конкретный тип политической системы, сколько определенный тип политического устройства (политического режима, т.е. режима властвования) может быть назван демократией.

Следующие важные вопросы возникают в этой связи: каков диапазон разброса и степени осуществления необходимых и достаточных условий для организации демократического устройства и что является идеальным типом такого устройства? Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа, т.е. европейская и американская модель либеральной демократии, то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»¹ и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной². В рамках такого подхода мировой политический процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской либо американской модификации западных либеральных демократий (концепция «демократического транзита»), а своеобразие — игнорироваться, подобно тому как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку «скорректировал» свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* — концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса. Однако сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах³, так и в России⁴, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестерниза-

¹ Huntington S. P. The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.

² Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Указ. соч.; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Указ. соч.

³ См.: Закария Ф. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

⁴ См., к примеру: Володин А. Г. Современные теории модернизации: Кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.

ции) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образцом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии¹. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании теорий и концепций демократии и не об отрицании в целом преобладающей в мире демократической тенденции над авторитарной, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных и пространственно-аналитических подходов для более адекватного и непредвзятого объяснения мирового политического процесса. Наиболее очевидным для подтверждения этой системы аргументов является фактическое провозглашение современной западной политической наукой либеральными демократиями политических систем тех государств, своеобразие которых никак не вписывается в эту модель политического устройства (наиболее очевидно в случае Малайзии и Сингапура в Восточной Азии), но которые все же являются демократиями.

Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику.

1. В незападных обществах политическая сфера нечетко отделена от общественных и личных взаимоотношений.

2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.

3. Большое число разных клик и политических группировок является характерной чертой незападного политического процесса.

4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии.

5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.

6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.

7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.

¹ Эти сомнения, кстати, не означают признания значения этих теорий в конкретных и конкретно-временных обстоятельствах.

8. Для незападного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.

9. В странах с западным политическим процессом отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.

10. В западных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.

11. В этих обществах очень высока взаимозаменяемость политических ролей.

12. Для западного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.

13. Лидеры западных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.

14. Аморфный характер аполитического процесса западных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.

15. В западных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.

16. Главенствующим типом лидерства в западных сообществах является харизматический.

17. Западные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров¹.

Таким образом, модель политики в обществах западного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса, поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура западной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Политические группы в западных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу

¹ См.: *Пай Л.* Западный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86.

деятельности, и чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клик и политических группировок. В этой связи политическая лояльность обуславливается не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне и внутри групповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. В обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее, партию власти), а армия и спецслужбы выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находиться в центре политического (т.е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах западного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура западного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие западных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика западного политического процесса, и сформулированную нами специфику восточных обществ как части западного мира, мы можем по-

пытаться выстроить критерии системы тех государств с незападным политическим процессом, которые все же можно назвать демократиями. Другими словами, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала¹, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и незападного, где среди незападных существует особый подтип восточных);
- наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской), а, скажем, незападного, в том числе и азиатского, типа (японская, сингапурская, индийская, южнокорейская, малайзийская, тайваньская, израильская, турецкая и др.), причем демократии «другого» (незападного/азиатского) типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур и политической культуры в этих странах, но при этом все же являться демократиями;
- наличие специфики, культурной и социально-психологической, т.е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической), национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью конфессионального или какого-либо другого фактора, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода — шариата) и т.д.;
- наличие «других», незападных политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому как мужской пол не лучше и не хуже женского, а просто — «другой» пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;
- в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, по причине того, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией;

¹ Само классическое высказывание, как известно, принадлежит У. Черчиллю, применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М.: ИВ РАН, 1999. С. 3—16.

- признание факта наличия демократий другого типа, возможно, позволит обосновать объективные, а не субъективные критерии для определения либеральной демократии, нелиберальной, незападной демократии, т.е. выделить несколько моделей демократического устройства, отличающихся значительным своеобразием.

Сформулировав эти закономерности, все многообразие политических систем и политических режимов восточных стран можно категоризировать по шести основным типам базисной идеологии государственного правления и конструирования политического строя, а также по параметрам политического устройства. Отметим, что такая классификация условна, однако она важна для формулирования некоторых дальнейших предположений относительно региональных путей политической модернизации, региональной специфики и характера связи между политической и экономической модернизацией. Выделим:

- нестабильные (неустойчивые) демократии;
- демократии (экстралиберальные, либеральные, незападные, нелиберальные);
- конституционные монархии;
- абсолютные монархии;
- военные диктатуры;
- военно-авторитарные, авторитарно-коммунистические, авторитарные республики.

В либеральной демократии всегда очевидна конституционная форма правления, свободные выборы в законодательный и исполнительный органы, наличие многопартийной системы, баланс трех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной), наличие независимого судебного права, судебная гарантированность реальной защищенности личных свобод на основе конституции, эффективность и стабильность правительства, которое ограничивается существованием автономного плюралистического общества и подотчетно электорату. В принципе, либеральную демократию можно определять как четкое соотношение между демократией (проведением открытых, свободных и справедливых выборов) и конституционным либерализмом (верховенство закона, права частной собственности, разделение властей, наличие свободы слова и собраний).

Все демократии обладают тремя параметрами (условиями). Власть в них должна быть легитимна (выборна и сменяема); лидер государства должен избираться народом путем свободных и честных выборов либо

коллегией выборщиков, которые избраны на основе ясной процедуры свободных и честных выборов; законодательная власть, в зависимости от того, является ли демократия прямой или представительной, должна быть выборной, но необязательно прямым и всеобщим голосованием, эффективна (исполнительная власть должна быть автономна и подотчетна), а судебная власть должна быть независима от законодательной и исполнительной (и государство, и граждане должны подчиняться закону). Естественно, что также должны осуществляться всеобщие гражданские (политические) права. Без этих общепринятых условий политическая система в современном обществе не может считаться демократической.

Что же касается следующих четырех параметров (условий), то степень их осуществления, судя по всему, варьируется в зависимости от того, являются ли государства экстралиберальными (максимально либеральными), либеральными демократиями, «просто» демократиями либо незападными или нелиберальными демократиями. В соответствии с этими параметрами в государстве пресса должна быть независима (в разной степени обеспечивается в разных обществах различным образом) и контролировать путем обсуждения (в разной степени, от прямого до косвенного влияния на власть, в зависимости от особенностей национальной политической культуры) процесс принятия политических решений; должны осуществляться принципы индивидуальной свободы человека как неотчуждаемой от него сферы (включая свободу выражения мнений), причем способы осуществления этих принципов могут, судя по всему, варьироваться и обеспечиваться как наличием гражданского общества, гражданским правом, гарантирующим наличие у человека неотчуждаемой частной собственности, позволяющей ему иметь независимую от государства сферу деятельности, так и справедливым перераспределением государственных доходов (в демократиях эгалитарного типа) либо особой ролью конфессионального фактора (свободный моральный выбор на основе религиозных постулатов); должна существовать конкуренция различных политических сил (хотя она и может некоторым образом ограничиваться, в частности, через существование доминантной партии), достаточно высокая (но разная) степень открытости общества в зависимости от особенностей его политической культуры и конфессиональной специфики; четкие (в том числе и юридические) гарантии прав меньшинства в случае поражения на выборах.

По степени осуществления параметров (условий) демократии в зависимости от национальной специфики и конкретных условий политического развития стран и идет последние десять лет острая дискуссия

среди политиков и политологов Запада и Востока, отражением которой стало появление разного рода концепций: прав человека (в разных интерпретациях на Западе), азиатских ценностей (Ли Куан Ю, Махатхир, Махбубани), ислама и гражданского общества (Хатами), теории «трех представительств» (Цзян Цзэминь), социалистического гармоничного общества (Ху Цзиньтао). К этому же типу относится концепция суверенной демократии (В. Сурков). Концепция управляемой (закрытой) демократии применяется по большей части для описания способа организации власти в демократиях участия (ограниченные плебисцитарные демократии), в этом ее отличие от концепции суверенной демократии.

В экстралиберальных и либеральных демократиях все параметры демократии максимизированы, причем государства такого типа к тому же, как правило, обладают самой высокой долей ВВП на душу населения, т.е. у них есть прочный экономический базис для гарантирования максимизированного выполнения всех упомянутых условий. У «просто демократий» эти параметры находятся в определенном балансе. В нестабильных (неустойчивых) демократиях отсутствует историческая легитимизация, а следовательно, устойчивость демократических институтов, политический процесс носит персонифицированный характер, отсутствует баланс социальных и политических сил. Нестабильные демократии могут трансформироваться как в демократии и либеральные демократии, так и в нелиберальные демократии и политические режимы других типов, вплоть до диктаторских.

В нелиберальных демократиях существуют (в идеале) открытые, свободные и достаточно справедливые выборы (наличествует демократия), но отсутствует, либо сильно ограничен конституционный либерализм. Самым «нелиберальным» видом нелиберальных демократий, которые находятся на грани с авторитарными режимами, судя по всему, являются «демократии участия» (ограниченные плебисцитарные демократии). Такие режимы подразумевают лидерство авторитарно-доминантной партии при расширении народного участия в политическом процессе и руководство им при помощи норм права. Одновременно в этих режимах авторитарно-доминантная партия, как правило, избегает введения всеобщего избирательного права (либо каким-либо путем ограничивает его), не приветствует создания действенного парламента, введения системы сдержек и противовесов, а также проведения выборов с участием нескольких партий.

В незападных демократиях существует другое, чем в либеральных, соотношение демократии и конституционного либерализма, в то же время они более демократичны, чем нелиберальные демократии или

«демократии участия». Кроме того, там религия может играть особую, в том числе и освященную государством и законом роль (ислам в Египте, Йемене, Малайзии, иудаизм в Израиле, буддизм в Шри-Ланке, панча-сила¹ в Индонезии). В настоящее время незападными (азиатского под-типа) демократиями являются Турция, Ливан, Йемен, Израиль, Египет, Япония, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Шри-Ланка, Индонезия, причем незападные демократии на Большом Ближ-нем Востоке, так же как и в Африке, не определяют тенденций регио-нального развития, а в Большой Восточной Азии — определяют. Пока открытым с точки зрения политической теории является вопрос: неза-падные демократии, т.е. национальные конституционно-либеральные демократии, и их подтип — восточные, азиатские — это самостоятель-ный устойчивый подтип демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные, так как внут-ри этой группы наблюдается достаточно широкий разброс параметров, приближающих некоторые из них к демократиям либерального типа (Япония), а другие к нелиберальным (к примеру, Сингапур, Малайзия, Индонезия)?

Кроме того, незападные азиатские демократии осуществили (в раз-ной степени) синтез западного и восточного мировосприятия. Индиви-дуум там свободен, но нравственные законы и установления (включая религиозные) играют очень важную роль. При этом собственно церковь как институт (вне зависимости от преобладающей религиозной конфес-сии) в большинстве случаев все же отделена от государства и свое влия-ние на общество осуществляет только нравственным и этическим при-мером. Общество там является социентричной самодетерминирующей системой, но та его сфера, которая определяется конфессиональными предпочтениями, может быть и космоцентрична, если это не мешает эффективности государства и не противоречит личным пристрастиям, т.е. такие общества конгломеративны и плюралистичны за счет своей конгломеративности.

В государственной сфере жизни в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором приоритетны универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы. Экономика таких государств достаточно прозрачна и функционирует при всей своей на-циональной специфике (в частности, экономики исламских демокра-тий) на основе международных норм.

¹ Особый вид государственно-синкретической идеологии.

В политике в обществах, сумевших добиться синтеза двух традиций, существует равенство шансов, но доминирует, как правило, определенная политическая сила (так называемая доминантная партия), однако это не формируемая властью партия, а партия, формирующая власть. Хотя политическая конкуренция в таких странах может быть некоторым образом ограниченно упорядочена, авторитаризм практически всегда является гражданским, а не военным, он просвещенный, и цель его — модернизация общества, а не консервация традиционализма, т.е. традиционные связи не означают снижения роли личности, а доминирование коллективных ценностей контролируется коллективным здравым смыслом. Соответственно в политическом процессе важно устоявшееся и проверенное, соответствующее доминирующим политическим нормам, но здоровое и не традиционалистское. При этом существует и консенсус, что точка зрения меньшинства, если она рациональна, не будет совсем не принята во внимание, а доминантная точка зрения прежде всего будет способствовать рациональной модернизации государства, а не монополизации политического процесса определенной политической силой ради сохранения своей власти любым путем. С течением времени доминантные партии в таких обществах, как правило, допускают формирование политического плюрализма и конкурентной многопартийности, поскольку в противном случае политическая и экономическая составляющие общества начинают стагнировать.

В обществах такого типа существуют взаимобязательные отношения граждан с государством, т.е. государство может требовать от граждан только в той степени, в которой само служит гражданам, при этом роль государства (а часто и религии) более выпукла, чем в западной (либеральной) традиции, за исключением некоторых западных стран католического ареала, в которых религия играет особую роль. Государство в азиатских демократиях играет направляющую роль в социальных трансформациях, но при этом не ограничивает экономическую конкуренцию и поощряет политику создания рабочих мест. В этих обществах действует принцип разделения властей, но он может быть скорректирован в соответствии с нормами традиционной политической культуры или определенными конфессиональными положениями. Власть в этих обществах выборная, осуществляется большинством, регулируется обязательными конституционными правовыми нормами (в некоторых странах с определенной национальной спецификой) и при этом может распространяться на определенные сферы частной жизни шире и глубже, чем в обществах западного типа. В то же время принципы функционирования власти в таких обществах включают легитимность, эффективность,

власть не отчуждена от народа, а судебная власть является независимой от первых двух и поддерживает справедливость в обществе, а не подрывает ее.

В незападных (восточных) демократиях, строящих общество синтетического типа, ценности не всегда полностью отделены от интересов, но в связи с наличием демократических выборов итоги политического соревнования не окончательны, так как через определенное, достаточно короткое время можно снова законно прийти к власти, а проигравшие не будут навечно отринуты от власти, отправлены в эмиграцию (как в нелиберальных демократиях или «демократиях участия») или физически подавлены или уничтожены (как в диктатурах). В обществах такого типа могут оставаться сословные и другие перегородки, но существует и динамичная социальная мобильность (даже для низших каст в Индии). Национальный суверенитет как принцип гарантии от внешнего нелегитимного воздействия (включая финансовое в политической конкуренции) там достаточно жестко охраняется (особые законодательные акты по этому поводу есть, к примеру, на Тайване, в Южной Корее и других странах). Принципы равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности сосуществуют в разной степени, в зависимости от степени толерантности конкретного общества и его традиционной культуры, и даже в таких открытых восточных обществах, как японское, начинают сущностно обсуждаться только в самое последнее время.

Абсолютные монархии выделяются на основе отсутствия какой-либо конституционной формы правления, в них, как правило, но необязательно, отсутствуют народные и судебные палаты и политические партии. В конституционных монархиях власть монарха ограничена конституцией и, в зависимости от типа политического режима, могут существовать все условия (параметры), которые были сформулированы для категории демократии, т.е. в конституционных монархиях может наличествовать одновременно как демократия (открытые, свободные, справедливые выборы всех, кроме монарха), так и конституционный либерализм, но форма правления при этом будет не республиканской, а монархической.

Военными диктатурами являются тоталитарные или жестко авторитарные политические режимы, которые навязывают населению военную форму управления государством. Там не наблюдается демократии, но в некоторых случаях могут осуществляться некоторые положения конституционного либерализма (скажем, военная власть может защищать права частной собственности).

Военно-авторитарная, авторитарно-коммунистическая, авторитарная республики являются политическими режимами, использующими авторитарные формы правления разной жесткости с определенной спецификой (использование военной власти, коммунистической или националистической идеологии, религиозных принципов и т.д.). В этой категории могут находиться как выборные автократии, так и либеральные автократии, либо политические режимы, авторитарным путем осуществляющие некоторые положения конституционного либерализма.

В приведенных ниже схемах проследим как эти шесть типов политического правления распределены по трем выделенным макрорегионам — Африка, Большой Ближний Восток, Большая Восточная Азия. Количественные данные по странам соответствующих макрорегионов представлены в таблице к гр. 1, составленной на основе табл. 1, 2, 3. Данные таблицы суммированы в двух графиках, зрительная наглядность которых позволяет обосновать, проиллюстрировать и подтвердить выводы.

Данные количественного анализа соответствующих типов политического правления, распределенные по регионам, показывают (см. графики), что в Африке наблюдается самый большой разрыв между фактически противоположными формами правления — неустойчивыми демократиями и авторитарными режимами. Действительно, неустойчивые демократии, как правило, склонны акцентировать элементы демократии в ущерб конституционному либерализму. Авторитарные режимы могут акцентировать конституционный либерализм, а могут этого и не делать, но все авторитарные режимы достаточно негативно относятся к демократическим нормам. Важно отметить, что африканский опыт показал: демократия на слабой экономической основе без порядка, обеспеченного достаточно жесткими нормами конституционного либерализма, нежизнеспособна и трансформируется, как правило, в авторитарный режим. Некоторые из провозглашенных африканских демократий прошли и через диктаторские режимы (к примеру, Гана, Танзания, Кения). Сегодня из относительно успешных африканских демократических режимов можно назвать только ЮАР, Ботсвану и Маврикий (табл. 1), причем судьба ЮАР как либеральной плюралистической демократии в последнее время вызывает все больше вопросов. В то же время неустойчивых демократических режимов в Африке — подавляющее большинство (см. табл. 1, гр. 1), при этом пока неясно, какую модель политического устройства внутри категории демократии они выберут со временем. Одновременно нельзя гарантировать, что эти режимы не трансформируются в другие, отнюдь не демократические, т.е. что им

Количество государств

	Африка	Большой Ближний Восток	Большая Восточная Азия
■ неустойчивая демократия	31	5	4
□ демократия/либеральная демократия	1	3	6
▨ конституционная монархия	0	2	5
▤ абсолютная монархия	1	6	2
▧ военная диктатура	1	0	2
▩ военно-авторитарная республика/авторитарно-коммунистическая республика/авторитарная республика	14	10	4

График 1. Количественный анализ типов политического правления по регионам

вообще удастся сохранить демократию. Возможно, однако, что именно с нахождением общего вектора политической модернизации, когда на континенте в целом улучшается ситуация с обеспечением законности и порядка, макрорегион сумел к началу XXI в. выйти на путь положительного экономического роста, а для того, чтобы закрепить эту пока неустойчивую тенденцию экономической и политической модернизации макрорегиона, клуб кредиторов, членом которого является и Россия, списал большинство долгов составляющим его странам.

На Большом Ближнем Востоке ситуация гораздо сложнее. Пожалуй, она самая сложная и противоречивая из всех восточных макрорегионов: здесь явное меньшинство демократий, преобладают монархии и авторитарные (президентские и суперпрезидентские) республики

(см. табл. 2). В то же время некоторые страны региона (как республики, так и монархии) встали на путь политического реформирования. Поскольку важнейшей частью политической культуры стран этого региона является конфессиональный, точнее исламский, фактор, результаты процесса модернизации будут зависеть от того, какую роль в нем будет играть ислам и как исламские нормы будут трактоваться в обществе. Особенностью политической культуры стран Большого Ближнего Востока является то, что традиционная мусульманская правовая доктрина (*фикх*) в принципе не предлагает однозначных ответов по вопросам организации политической власти. Исламская политическая модернизация предполагает *иджтихад*, т.е. рациональное решение по вопросам, на которые шариат не дал однозначных ответов. Таким образом, проведение политической модернизации в регионе делает актуальными те принципы фикха, которые допускают зависимость норм от места, условий и времени, т.е. зависят от региональной специфики, а также «исключительных интересов», предполагающих легализацию нововведений, прямо не запрещенных шариатом¹. Как справедливо отмечает Л. Сюкияйнен, «презумпция дозволенности всего того, что прямо не отвергается Кораном или Сунной Пророка Мухаммеда, применяется тогда, когда речь идет о принятии мусульманским миром западных достижений, относящихся к выборам и политическому плюрализму»².

Исламская правовая и политическая мысль не имеет прямых жестких предписаний, касающихся устройства власти, если они не касаются противопоставляемых исламу институтов, которые расцениваются как угроза традиционным ценностям³. Именно эти положения привели к синтезу достижений западной политической мысли, западного политического устройства и традиционных ценностей мусульманской политической культуры в ряде стран Азии (Турция, Малайзия, Индонезия). Однако традиционалистское понимание норм ислама может и воспринимать все прямо не упомянутое в Коране и Сунне как угрозу традиционным ценностям, и тогда этого синтеза не получается.

Особенности и специфика моделей политического устройства стран Большого Ближнего Востока заключаются в том, что в регионе присутствует несколько жестко конкурирующих моделей политической модер-

¹ См.: Сюкияйнен Л. На западный лад с исламским акцентом: Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию. НГ-религии (Приложение к «Независимой газете»). 2007. 15 янв. С. 4.

² Там же.

³ См.: Мелкумян Е. С. Политические реформы в арабских странах: Принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 119.

низации, продвигаемых гражданскими властями, военными и исламистами. Все модели апеллируют к конфессиональным базисным установкам политической культуры региона, воспринимаемым по-разному, причем ни одна модель пока не получила полного признания как универсальная и определяющая в целом политическое развитие всего региона. Одновременно ускорение в странах региона процесса смены власти, сопровождающееся попытками исламистов и фундаменталистов продвигнуться в верхние политические эшелоны и форсировать проведение модернизации исламистско-традиционалистского толка по иранской либо по еще более жесткой модели, привело к усилению внешнего военно-политического влияния, прежде всего США, которые попытались силой инициировать в регионе форсированное развитие модернизации западного типа (вестернизации) в ее американской форме.

Специфика политического устройства подавляющего большинства стран Большого Ближнего Востока, кроме основополагающего влияния конфессионального фактора в его разной интерпретации, заключается также и в том, что армии стран региона сильно политизированы, во многих странах гражданскими властями эффективно не контролируются, а в некоторых странах превратились фактически в один из наиболее эффективных государственных институтов либо в единственный дееспособный орган государственного управления¹, т.е. там действует в большинстве случаев чрезвычайная система гарантирования общественной стабильности.

Особенности военно-гражданских отношений на Большом Ближнем Востоке заключаются в том, что армия и спецслужбы пытаются (иногда достаточно успешно) обосновывать специфику развития основных политических процессов, выступать гарантом политического развития, политической стабильности либо напрямую вмешиваться в определение направления, скорости проведения и последовательности этапов политического развития². Превратившись в один из мощнейших центров влияния, армия и спецслужбы стали организатором ряда политических переворотов и мятежей (Сирия, Ирак, Египет, Йемен, Турция, Алжир, Пакистан, Мавритания) либо напрямую вмешивались в поддержание внутренней стабильности (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия, Турция).

¹ См.: *Ахмедов В.* Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М.: МГИМО-Университет. Аналитические доклады. Вып. 5(10). Июнь 2006. С. 3.

² Подробнее см.: *Армия и власть на Ближнем Востоке: От авторитаризма к демократии* / Под ред. В. М. Ахмедова. М.: ИВ РАН, 2002.

Приход военных во власть в ряде стран региона (Египет, Сирия, Ирак) на определенном, исторически очень коротком этапе оказал положительное влияние на их развитие, инициировал сдвиги в политической структуре общества и, в конечном итоге, оказал влияние на выбор той или иной модели развития. При этом, с одной стороны, таким образом удалось укрепить центральную власть, консолидировать общество и мобилизовать население на решение острых социально-экономических проблем, с другой — в тех государствах региона, которые не смогли быстро отойти от этой модели, надолго утвердился авторитаризм, причем по большей части отнюдь не в его просвещенных формах, а развитие демократических институтов управления и гражданского общества было прервано¹.

Стабилизировав общество, военные практически во всех странах Большого Ближнего Востока оказались неготовыми профессионально, а также и непоследовательными в проведении политических, экономических реформ и преобразований в обществе, особенно если эти преобразования противоречили корпоративным интересам силовых структур. Постепенно гражданские власти ряда государств Большого Ближнего Востока научились взаимодействовать с армией как с политической силой, и в регионе, во всяком случае, в экономически и политически наиболее развитых странах, начала осуществляться новая модель развития — рычаги управления в государстве стали постепенно передаваться гражданским политикам, была осуществлена деполитизация армии и усилен поиск механизма действенного контроля над ней.

Столкнувшись с геронтологической проблемой политического лидерства в рамках военно-авторитарных или авторитарных форм правления (Египет, Йемен, Саудовская Аравия, Ливия), многие страны региона с республиканской системой правления стали приобретать черты монархического устройства власти. Развитие глобализации, истощение ресурсов, обострение демографических и нарастание социально-экономических проблем, технологическое отставание большинства стран региона² привели к пониманию неадекватности политического устройства и практики государственного управления необходимой скорости осуществления модернизации. Это способствовало усилению идей ислам-

¹ Подробнее см.: Армия и власть на Ближнем Востоке: От авторитаризма к демократии / Под ред. В. М. Ахмедова. М.: ИВ РАН, 2002. С. 11.

² См.: Мельянцева В. А. Арабо-исламский мир: сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М.: Центр стратегических исследований, 2007. Вып. 6. С. 130–136.

ской радикализации политической модернизации (Пакистан периода Зия уль-Хака, Турция периода Н. Эрбакана, частично Йемен, Египет, Сирия) с различными результатами для конкретных стран региона (военный переворот во главе с П. Мушаррафом в Пакистане; запрет Партии национального порядка (нынешний «Рефах») в 1971, 1980, 1998 гг. в Турции; жесткая критика правительства Йеменской Арабской Республики исламистским «Йеменским единением в защиту реформ»; фактическая легализация «Братьев-мусульман» в Египте; постановка задачи придания процессу исламизации контролируемого характера в Сирии и др.

Неизбежный вывод американских войск из Ирака в условиях инкорпорирования во властные структуры Турции, Египта, Иордании, Палестинской Национальной Автономии, Ирака, Сирии представителей радикального ислама завершит формирование новой конфигурации политических сил в регионе, если не произойдет экстраординарных событий вроде очередной попытки силового вмешательства в политическую жизнь региона под предлогом решения «иранской ядерной проблемы». В этих условиях стабилизирующей силой трансформируемого региона могут стать монархические режимы и президентские/суперпрезидентские республики, поскольку модель просвещенного внешнего вмешательства скомпрометирована эгоистической политикой США в регионе (Ирак), а гражданские власти таких государств, как Турция, Египет, Сирия, пока не смогли обеспечить повсеместный ввод в политическую практику региона элементов политического плюрализма и конституционного либерализма, но в то же время в целом все же доказали способность гражданских властей справляться своими силами, без использования резервных механизмов политической стабилизации (армии), с возникающими политическими и экономическими кризисами.

Таким образом, в регионе Большого Ближнего Востока идет жесткое противостояние разных моделей политического устройства (эта дисперсия хорошо видна на объемно-плоскостной развертке гр. 2), причем общая составляющая вектора политической модернизации пока неоднозначна. В целом в регионе авторитарная и традиционалистская составляющие в политических режимах не склонны уменьшаться, хотя в принципе осовремениванию и демократизации нет реальной альтернативы, поскольку без них очень сложно, а с определенного момента и невозможно осуществить экономическую модернизацию, без которой маловероятно повышение мировой конкурентоспособности отстающих в развитии стран региона. Возможно, именно из-за противостояния разных моделей политического устройства регион пока и не может предложить решение проблем политической модернизации как части целост-

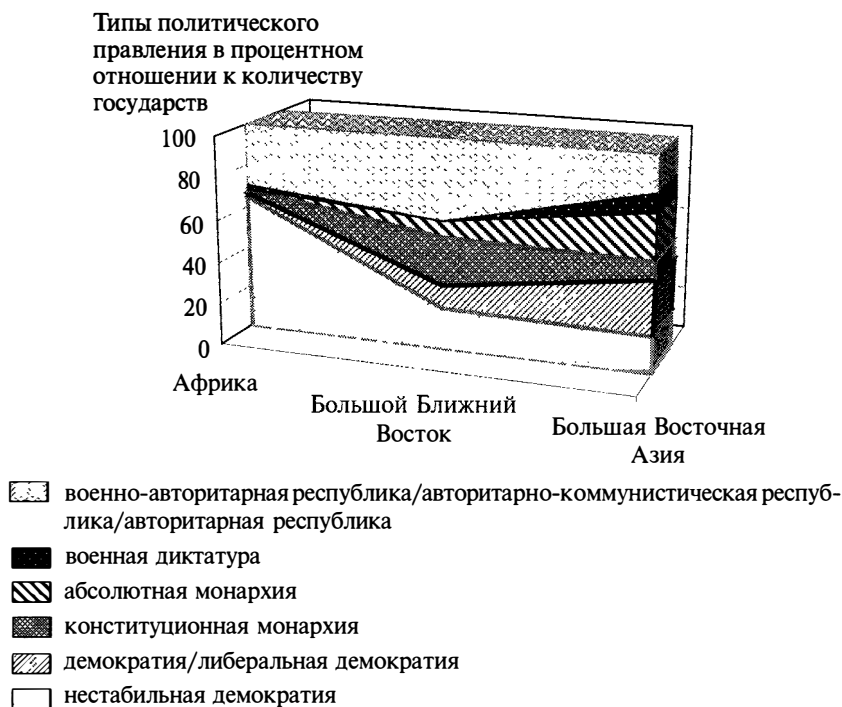

График 2. Количественный анализ типов политического правления по регионам. Объемно-плоскостная развертка

ной модели интенсивного регионального социально-экономического развития.

В Восточной Азии, как видно из табл. 3 и гр. 1, 2, существует наименьшая поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона. Модернизация (т.е. приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, т.е. неизбежность движения государственных образований в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном своеобразии («Вестминстерская» модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри-Ланке; доминантная роль либерально-де-

мократической партии в Японии; особая роль исламского конфессио-нального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; формальные ограничения некоторых свобод и наличие доминантного харизматического политического лидера (ментора-наставника) в Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР). Подавляющее число политических режимов в этом макрорегионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии с демократическим режимом властвования, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство (см. гр. 1, 2). Именно поэтому с таким вниманием страны Восточной Азии отнеслись к недавнему военному перевороту в Таиланде, справедливо посчитав, что возвращение к практике вмешательства военных в политический процесс может вернуть соблазн использовать этот резервный метод для разрешения политического или экономического кризиса в тех странах, которые, казалось бы, отходят от применения на практике такой модели (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы и др.).

В этом макрорегионе наибольшее количество незападных демократий (см. табл. 3), т.е. тех стран, которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в некоторых странах, государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе мобилизационной модели развития, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, незападного и немобилизационного типа. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т.д., изменив экономическую и политическую карту мира. Теперь, когда к такому типу развития присоединяется Китай, Восточная Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI в.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде

китаизированного марксизма, к началу XXI в. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культурой конфуцианства (в частности, этические представления)¹. На локальном (низовом, уездном и поселковом) уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограниченно — свобода слова и собраний). Такая модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и, одновременно, незападной демократии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. В конечном счете судьба построения этой модели в Китае будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной концепции построения «гармоничного общества» (*хэсе шэжухэй*), в центр которой поставлен конкретный человек².

¹ См.: *Воскресенский А. Д.* Большая Восточная Азия: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006.

² Гоуцзянь шэжухэйчжун хэсе шэжухэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005; *Галенович Ю. М.* Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Интересно сравнить эту концепцию с идеей «сбережения народа», высказанной российскими мыслителями и политиками (А. Солженицын, В. Путин).

Проанализированный конкретный региональный и страновой материал, структурированный в соответствии с концептуальными положениями, показывает, что именно регион Большая Восточная Азия является важнейшим мировым полигоном выработки модели политической модернизации, дающей удачный синтез демократических форм правления (определенной формы участия всего народа в управлении государством) и особенностей функционирования автохтонной политической культуры (общих закономерностей и региональной / цивилизационной специфики), результирующих, соответственно, в моделях впечатляющего экономического роста немобилизационного типа (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай). В Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Китай) опытным путем была найдена удачная сущностная форма политической модернизации, которая укрепляла и ускоряла экономическую модернизацию: сначала создание экономической базы (с внешней помощью или с опорой на собственные силы в зависимости от конкретных условий конкретной страны) и законодательное введение экономического либерализма, затем все более широкое, но постепенное и одновременно жесткое законодательное введение норм и правоприменение конституционного либерализма, потом постепенная дальнейшая демократизация в зависимости от способности политической культуры конкретного общества «переваривать» и осваивать политические изменения. Важно отметить, что во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными. Исключения из этой модели касаются только стран с импортированной моделью демократии (Индия, Япония), да и то детальный анализ индийского опыта выхода на высокие темпы экономического роста скорее подтверждает, чем опровергает, это положение.

Изучение с точки зрения политической теории формирования специфики модели «незападной демократии азиатского типа», т.е. национальной конституционно-либеральной демократии (Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Малайзия, Шри-Ланка), а также моделей эволюции

онной трансформации нелиберальных демократий (авторитарных республик либо конституционных монахий) и «демократий участия» (плебисцитарных демократий) в незападные демократии (Таиланд, Китай), возможно, даст ключ к нахождению путей формирования такой модели и в других странах (в частности, в России). Естественно, что в других странах баланс факторов, составляющих существо этой модели, будет, скорее всего, отличным от наблюдаемых в Японии, Сингапуре, Индии, на Тайване, в Китае и других странах, подобно тому как соотношение факторов является различным и в самих этих странах по сравнению друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Arabia Vitalis*. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005.
- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Под ред. В. Г. Хороса. М., 1996.
- Алаев Л. Б., Zubov A. Б. Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей // Политические отношения на Востоке: Общее и особенное. М., 1990. С. 97–110.
- Александров И. А. Монархии Персидского Залива: Этап модернизации. М., 2000.
- Алексеева Т. А. Политическая философия. М., 2007.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.
- Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 6. М., 2007.
- Армия и власть на Ближнем Востоке: От авторитаризма к демократии / Под ред. В. М. Ахмедова. М., 2002.
- Ахмедов. В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М., 2006.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. М., 1925.
- Баянов Б., Шариф М. Государственный строй КНДР. М., 1957.
- Белокреницкий В. Я. Восток на рубеже веков — некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001. №. 5. С. 66–88.
- Белокреницкий В. Я. Ислам и власть, опыт Пакистана // Ислам и исламизм. М., 1999. С. 159–178.
- Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. М., 2007.
- Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002.
- Васильев Л. С. История Востока. М., 1998. Т. 1, 2.
- Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М., 2005.
- Володин А. Г. Современные теории модернизации: Кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.

- Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.
- Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток — Запад, 2004.
- Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: Теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999.
- Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002.
- Восточный мир: Опыты общественной трансформации // Под ред. М. С.Мейера, А. М. Петрова. М., 2001.
- Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005.
- Галенович Ю. М.* Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. М., 2006.
- Гельбрас В. Г.* Социально-политическая структура КНР (50–60-е годы). М., 1980.
- Глобализация и регионализация: Факторы формирования геополитического пространства. М., 2006.
- Гражданское законодательство КНР. М., 1997.
- Гудошников Л., Кокарев К.* Политическая система Тайваня. М., 1999.
- Гуревич Э. М.* Политическая система современного Сингапура. М., 1984.
- Гучетль Г. И.* Демократизация в арабском мире: Опыт Туниса и Сирии. М., 1999.
- Даль Р.* О демократии. М., 2000.
- Девяткина Т. Ф.* Индийский национальный конгресс (1947–1964). М., 1970.
- Девять комментариев о коммунистической партии. М., 2007.
- Делюсин Л. П.* Политическая реформа и проблема демократии в Китае. М., 1993.
- Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира. М., 2004.
- Дружиловский С. Б.* Исламская Республика Иран на рубеже 80–90-х годов. М., 1994.
- Дружиловский С. Б.* Турецкая Республика в 80–90-е годы. М., 1998.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М., 2006.
- Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.
- Егоров К. Л.* Представительная система Китая: История и современность. М., 1998.

- Еремин В. Н.* Политическая система современного японского общества. 2-е изд. М., 1993.
- Ефимова Л. М.* Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965–1992). М., 1992.
- Жебин А. З.* Особенности современного политического режима в КНДР // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М., 1997. Ч. I.
- Жуков С. В., Резникова О. Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
- Закария Ф.* Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
- Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Зарин В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. М., 1991.
- Захожая А. Н.* Бангладеш: Становление и развитие государственности. М., 1984.
- Зубов А. Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.
- Иванов П. М.* Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1947 гг.). М., 1999.
- Интервью первого вице-премьера правительства России Д. А. Медведева главному редактору журнала «Эксперт» В. А. Фадееву // Эксперт 2006. № 28; электронная версия см.: http://expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/print/
- Иргебаев А. Т., Осипов В. И.* Южная Корея. М., 1990.
- Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорина. М., 2001.
- Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. М., 1997. Т. 2.
- История Афганистана / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1982.
- История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999.
- История Востока. Т. 2. Восток в Средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1999.
- История Востока. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М., 1999.
- История Востока. Т. 4. Кн. 1–2. Восток в новое время / Отв. ред. Л. Б. Алаев, М. П. Козлова, Г. Г. Котовский, О. Е. Непомнин, И. М. Смилянская. М., 2004, 2005.

- Каминский С. А.* Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.
- Капустин Б. Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998.
- Каримова А.* Региональное пространство в политической организации мира. М., 2006.
- Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.
- Категории политической науки / Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.
- Кокарев К. А.* Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
- Кокошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005.
- Комар В. И.* Северная Африка: Национальные модели политической культуры. М., 1997.
- Конституции и основные законодательные акты КНДР. М., 1952.
- Конституции социалистических государств. М., 1987.
- Конституция Китайской Республики (1947). Тайбэй, 1998.
- Конституция КНР // Конституции социалистических государств. М., 1987. Т. 1.
- Конституция Республики Корея // Корея: Справочник. Сеул, 1993.
- Концепции и определения демократии: Антология / Ред.-сост. А. В. Фененко. М., 2006.
- Ланда Р. Г.* Политический ислам: Предварительные итоги. М., 2005.
- Лейхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительные исследования. М., 1997.
- Ли Дэньхуэй.* Позиция Тайваня. М., 2000.
- Ли Куан Ю.* Сингапурская история: Из «третьего мира — в первый». М., 2005.
- Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. М., 2007.
- Мао Цзэдун.* Избр. произв.: В 4 т. М., 1952.
- Махатхир Мохамад.* От имени своего народа. М., 1998.
- Мелкумян Е. С.* Политические реформы в арабских странах: Принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 117–122.
- Мельвиль А. Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. М., 1999.
- Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
- Мельвиль А. Ю.* От метафоры к объяснительной модели: «Волны демократизации» и «воронка причинности». М., 2002.

- Мельвилл А. Ю.* Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. М., 2004.
- Мельянцев В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: Экономика, история, современность. М., 1996.
- Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: В 4 ч. 5 кн. / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002–2004.
- Могилевский В. Д.* Методология систем: Вербальный подход. М., 1999.
- Молякова Э. В.* «Неординарная» демократия в Японии / Япония: Мифы и реальность. М., 1999.
- Пай Л.* Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86.
- Панарин А. С.* Политология: Западная и восточная традиции. М., 2000.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
- Передомов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
- Пластун В.* Пуштуны и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. 1995. № 10. С. 49–50.
- Плешов О. В.* Ислам и демократия: Опыт Пакистана. М., 1997.
- Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов. М., 2001.
- Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006.
- Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МОНФ, 2000.
- Политическая наука: Новые направления. М., 1999.
- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2006.
- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд., расшир., испр. и доп. М., 2007.
- Политический процесс: Основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.
- Попов А. П.* Политические системы и политические режимы в Китае XX в. М., 2007.
- Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. М., 2004.
- Роцин С. К.* Политические процессы в Монголии в 20–40-е годы XX в. М., 2000.
- Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сапронова М. А.* Арабский Восток: Власть и конституции. М., 2001.
- Сафронова А. Л.* Буддизм в историко-культурной традиции Шри-Ланки. М., 2005.
- Симония Н. А.* Современный этап общественной трансформации стран Востока // «Геном» Востока: Опыты и междисциплинарные возмож-

- ности. Материалы к научной конференции Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). М., 2004.
- Смирнов Д. А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Узэдуна к Дэн Сяопину. М., 2006.
- Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. М., 2002.
- Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997.
- Современные концепции политического развития Индии. М., 1983.
- Соловьев А. И.* Политология. М., 2001.
- Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 1998.
- Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999.
- Степанова Г. А.* Система многопартийного сотрудничества в КНР. М., 1999.
- Стрельцов Д. В.* Современный японский парламент. М., 1994.
- Сурков В.* Основные тенденции и перспективы развития современной России. М., 2006.
- Сурков В. Ю.* Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43. 20 нояб.; электронная версия см.: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_budushego/
- Сюкияйнен Л. Р.* Мусульманское право (вопросы теории и практики). М., 1986.
- Сюкияйнен Л. Р.* На западный лад с исламским акцентом: Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию. НГ-религии (приложение к «Независимой газете»). 2007. 15 янв. С. 4.
- Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001.
- Хачим Ф. И.* Конституционное право стран Ближнего Востока. М., 2001.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
- Центральная Азия: Пути интеграции в мировое сообщество. М., 1995.
- Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой. М., 2002.
- Цзян Цзэминь.* Реформа, развитие, стабильность. М., 2002.
- Ципко А.* Русская идея или русский миф? // Литературная газета. № 8 (6108). С. 3.
- Цыганков А. П.* Современные политические режимы-структуры, типология, динамика. М., 1995.
- Чадаев А.* Путин. Его идеология. М., 2006.
- Чингуани Моок Я.* Ядерная стратегия исламских государств и выравнивание сил в борьбе против Израиля. СПб., 2007.

- Шарма М. П.* Государственный строй Индийской Республики. М., 1958.
- Шифф М., Уинтерс Л.* Региональная интеграция и развитие. М., 2005.
- Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного / Под ред. Р. Л. Рейснера и Н. А. Симонии. М., 1984.
- Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999.
- Эволюция политических структур // Современная Африка: Итоги и перспективы развития / Под ред. А. М. Васильева. М., 1990.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
- Эндрейн Ч. Ф.* Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
- Энциклопедия Пакистана / Ред. Ю. В. Ганковский. М., 1998.
- Этносы и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2003.
- Япония 2000: Консерватизм и традиционализм. М., 2000.
- Яскина Г. С.* Монголия: Смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994.

* * *

- After Empire: The Emerging Geopolitics of Central Asia / Ed. by J. C. Snyder. Wash., 1995.
- Brown J. M.* Modern India // The Origins of an Asian Democracy. Oxford, 1994.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers. Cambridge, 2003.
- Central Asia and the World: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan / Ed. by M. Mandelbaum. N. Y., 1994.
- Chilcote, Ronald H.* Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994.
- De Bary, W. M. Theodore.* Asian Values and Human Rights. A Confusian Communitarian Perspective. Harvard, 2000.
- Frank, Andre G.* ReOrient. L., 1998.
- Hay, Colin.* Political Analysis. A Critical Introduction. N. Y., 2002.
- Held, David.* Models of Democracy. Stanford, 1987.
- Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
- Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.
- Landes, David.* The Wealth and Poverty of Nations. L., 1998.
- Mahbubani, Kishore.* Can Asians Think? Understanding the Divide Between East and West. Singapore, 1998.
- New Europe. Report for Transformation. XVI Economic Forum. Krynica, Poland. September 6–9, 2006. Warsaw, 2006.

- Payne, Antony.* The Global Politics of Unequal Development. N. Y., 2005.
- Peters B. G.* Comparative Politics. Theory and Methods. N. Y., 1998.
- Political Geography. A Reader / Ed. by J. Agnew. L., 1997.
- Polterovich V., Popov V.* Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is Not Encouraging // Paper Presented at GDN 6th Annual Conference. Dakar, 2005. Электронная версия см. <http://www.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy-GDN2005%20Dakar.pdf>
- Pye, Lucian, Pye Michael.* Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge, 1985.
- Rawls, John.* A Theory of Justice. Cambridge, 1971.
- Roskin, Michael D., Medeiros James A., Jones Walter S.* Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs, 1988.
- Sen, Amartya.* Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan You and Li Peng Don't Understand About Asia // The New Republic. July 14. 1997. Vol. 217. No. 2–3.
- Taiwan Yearbook. 2006. Taipei, 2006.
- The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore, 1998.
- Wilson, Frank L.* Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River, 1996.

* * *

- Гоуцзянь шэхуэйчжун хэсэ шэхуэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005.
- Ли Гуанъяо (Ли Куан Ю). Хуэйъи Лу.* 1923–1965. (Воспоминания. 1923–1965). Тайбэй, 1998.
- Сяо Хуаньжун.* Дицью чжун: лилуньды лиши яньцзянь (Регионализм: историческая эволюция теорий). Пекин, 2003.
- Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политических режимов Китая) / Под ред. Бай Гана. Тяньцзинь, 2002.
- Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политических режимов Китая). Т. 1–2 / Под ред. Вэй Цинюаня и Бай Хуа. Пекин, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Принципы сравнительного анализа политических систем	7
Системный подход к обществу и политике	9
Принципы сравнительного анализа политических систем	12
Анализ политического мира на Востоке и на Западе: общее и особенное	17
Оценка пространственной и аналитической системы координат	26
Основы пространственной организации восточных макрорегионов	29
Аналитические классификации политических систем	38
Пространственно-аналитическая концепция	43
Политические системы государств Африки и Большого Ближнего Востока	45
Политические системы государств Африки	45
Особенности политических систем государств Северной Африки и Ближнего (арабского) Востока	48
Сравнительный анализ политических систем Ирана, Турции, Афганистана и стран Центральной Азии	54
Большая Восточная Азия	66
Политические системы Индии, Пакистана и Бангладеш	66
Политические системы стран Юго-Восточной Азии на примере Малайзии, Индонезии и Сингапура	71
Эволюция политической системы Монголии	79
Политические системы государств Корейского полуострова	83
Эволюция политических систем Китая	103
Политическая система Японии	116
Сравнительный анализ восточных политических систем (предварительные итоги)	124
Общие закономерности, региональная специфика и модели демократии на Востоке	159
Заключение	180
Список литературы	182

Учебное издание

Воскресенский Алексей Дмитриевич

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ
НА ВОСТОКЕ**

Ведущий редактор *Л. Н. Шинова*

Корректор *Ж. Ш. Арутюнова*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 28.06.2007. Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.

Тираж 2500 экз. Заказ № 1167

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство
«Аспект Пресс»
готовит к изданию
учебное пособие

ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ВОСТОКЕ

Под ред. А. Д. Воскресенского

В книге анализируются причины, типы и последствия современных внутривосточных конфликтов и их специфика в отдельных странах Востока, связанных с неоднородным этническим и конфессиональным составом населения, в контексте современной политической ситуации на уровне регионов и мира в целом.

Для востоковедов, работников государственных ведомств и независимых аналитических центров, студентов и магистрантов по специальностям и направлениям международные отношения, регионоведение, политология, история, этнология.

Гриф Учебно-методического Совета по регионоведению УМО вузов России по образованию в области международных отношений и регионоведения в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям и направлениям «Международные отношения» и «Регионоведение».

Объем 320 с. Переплет.

Все учебники издательства на сайте

www.aspectpress.ru

e-mail: info@aspectpress.ru

(495) 306–78–01, 306–83–71

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич — профессор, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-Университета. Автор 7 монографий, выдержавших несколько изданий как в России, так и за рубежом. Исследования автора издавались в России, США, КНР, Франции, Великобритании, Бельгии, Нидерландах, Японии, Корее, Тайване, распространялись в 30 странах мира.

В книге «ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ НА ВОСТОКЕ» показана связь успехов модернизации на Востоке с типом политической системы и политического режима, раскрыта сущностная форма азиатской демократии. Впервые детально обосновано, каким образом некоторые страны Азии стали современными и демократическими, обеспечив высокие темпы экономического развития немобилизационным путем и сохранив при этом конфессиональное своеобразие и специфику своей политической культуры.

ISBN 978-5-7567-0473-0

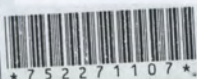

ООО Аргумент

Г1

лит системы и модели
мокра

9 785758 704730

149⁰⁰

752271107